

1861

ВОКРУГ
СВЕТА
WWW.VOKRUGSVETA.RU

Борис Стругацкий

представляет альманах фантастики

ПОЛДЕНЬ XXI ВЕК

И сверкнула
молния...

октябрь
2009

РЕКОМЕНДОВАННАЯ
ЦЕНА 30 РУБЛЕЙ

ISSN 977-172785100-8

9 771727 851008

Клуб читателей «Вокруг света»

- прямая подписка
- он-лайн информация по каждому этапу доставки
- календарь клубных событий
- скидки, подарки и конкурсы
- новинки издательства
- рекомендации экспертов

Клуб почетных читателей – это сообщество людей, познающих мир с «Вокруг света»: первым познавательным журналом «Вокруг света», альманахом фантастики «Полдень. XXI век» и путеводителями «Вокруг света».

Клуб объединяет самых активных читателей, представляет им возможность общения и неформальных встреч с редакцией, участия в специальных акциях и конкурсах, прямой подписке.

Подробная информация о Клубе почетных читателей и условиях подписки на журнал «Вокруг света» и альманах «Полдень. XXI век» на сайте <http://www.vokrugsveta.ru/club>

ПОДПИСКА

Объединенный каталог «ПРЕССА РОССИИ». Индексы:

- 41700 – «Вокруг Света», годовая подписка;
- 84702 – «Вокруг Света», годовая льготная подписка;
- 41505 – «Вокруг Света», полугодовая подписка;
- 84701 – «Вокруг Света», полугодовая льготная подписка;
- 84704 – «Полдень. XXI век», годовая подписка;
- 84705 – «Полдень. XXI век», годовая льготная подписка;
- 83248 – «Полдень. XXI век», полугодовая подписка;
- 84703 – «Полдень. XXI век», полугодовая льготная подписка;
- 84707 – комплект «Вокруг Света»+«Полдень. XXI век», годовая подписка;
- 84708 – комплект «Вокруг Света»+«Полдень. XXI век», годовая льготная подписка;
- 83249 – комплект «Вокруг Света» + «Полдень. XXI век», полугодовая подписка;
- 84706 – комплект «Вокруг Света»+«Полдень. XXI век», полугодовая льготная подписка;

Каталог «Газеты. Журналы. Агентство «РОСПЕЧАТЬ». Индексы:

- 80650 – «Вокруг Света», годовая подписка;
- 83321 – «Вокруг Света», годовая льготная подписка;
- 80475 – «Вокруг Света», полугодовая подписка;
- 83320 – «Вокруг Света», полугодовая льготная подписка;
- 83324 – «Полдень. XXI век», годовая подписка;
- 83323 – «Полдень. XXI век», годовая льготная подписка;
- 84170 – «Полдень. XXI век», полугодовая подписка;
- 83322 – «Полдень. XXI век», полугодовая льготная подписка;
- 83624 – комплект «Вокруг Света»+«Полдень. XXI век», годовая подписка;
- 83625 – комплект «Вокруг Света»+«Полдень. XXI век», годовая льготная подписка;
- 83084 – комплект «Вокруг Света»+«Полдень. XXI век», полугодовая подписка;
- 83623 – комплект «Вокруг Света»+«Полдень. XXI век», полугодовая льготная подписка;

Каталог российской прессы «ПОЧТА РОССИИ». Индексы:

- 99440 – «Вокруг Света», годовая подписка;
- 12464 – «Вокруг Света», годовая льготная подписка;
- 99118 – «Вокруг Света», полугодовая подписка;
- 12463 – «Вокруг Света», полугодовая льготная подписка;
- 12466 – «Полдень. XXI век», годовая подписка;
- 12467 – «Полдень. XXI век», годовая льготная подписка;
- 10853 – «Полдень. XXI век», полугодовая подписка;
- 12465 – «Полдень. XXI век», полугодовая льготная подписка;
- 12469 – комплект «Вокруг Света»+«Полдень. XXI век», годовая подписка;
- 12470 – комплект «Вокруг Света»+«Полдень. XXI век», годовая льготная подписка;
- 10854 – комплект «Вокруг Света»+«Полдень. XXI век», полугодовая подписка;
- 12468 – комплект «Вокруг Света»+«Полдень. XXI век», полугодовая льготная подписка;

**Льготная подписка
действительна
для предъявителей
подписного купона
за предыдущий период**

1861

ВОКРУГ СВЕТА

Борис Стругацкий

представляет альманах фантастики

ПОЛДЕНЬ XXI ВЕК

ОКТАБРЬ
2009

И сверкнула молния...

ПОЛДЕНЬ, XXI век И сверкнула молния

Главный редактор
Борис Стругацкий
www.rusf.ru/abs
e-mail: BStrugatsky@vokrugsveta.ru

Учредитель и издатель:
ООО «Издательство «ВОКРУГ СВЕТА»»
129515, Москва, а/я 6
e-mail: vokrugsveta@vokrugsveta.ru

Размещение рекламы ООО «Видео Интернешнл-Пресс ВИ»:
Осенний бульвар, 25, 14 этаж, тел.: (495) 937 07 66, 973 07 67.

Распространение продукции «ВОКРУГ СВЕТА» ООО «ВС-Торговая компания»:
тел.: (495) 781 69 47, тел./факс (495) 781 69 48, vs-d@vokrugsveta.ru.

Распространение и подписка
ЗАО «Межрегиональный Дистрибьютор Прессы «МААРТ»:
тел. (495) 744 55 12. e-mail отдела продаж: sl@maart.ru
e-mail отдела подписки: podpiska@maart.ru

Юридическое сопровождение
ООО «Правовое бюро «Омега»:
тел. (495) 232 49 51

Тираж сертифицирован
Национальной Тиражной Службой

Свидетельство о регистрации средства массовой информации

ПИ 77-16622 от 10 октября 2003 г.

Изд. лицензия ЛР № 065684 от 19.02.98

Подписано в печать 06.09.09. Формат 84 x 108 ¹/₃₂

Гарнитура журнальная. Печ. л. 5.5. Тираж 22 550

Заказ № 1862

ОАО «Типография «Новости»»

105005, Москва, ул. Фр. Энгельса, д. 46

ISBN 978-5-98652-265-4

9 785986 152265 4

Адрес редакции:

199053, Санкт-Петербург,

1-я линия В.О., д. 28

Тел./факс (812) 328 63 29

e-mail: polden@vokrugsveta.ru

Информационная поддержка:
Александр Сидорович
(-ИНТЕРПРЕССКОМ-)

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Тексты принимаются в формате RTF на диске
или по электронной почте: polden@vokrugsveta.ru

Колонка дежурного по номеру

Вот вам очередная одноразовая (в стандартной фирменной упаковке) доза антивещества. Погружающего в антивремя. На час, на полтора.

Сюжет с роботами. Сюжет с демонами. Сюжет про темного мага. Сюжет про павшего ангела. Сюжет про сюжеты: как надоедает автору («аффтарту») собственный произвол. Загнать каждого персонажа в медную, подходящего диаметра, трубу — и проталкивать, проталкивать.

Сюжет про человека: про то, что иногда он и сам бросается в сюжет. Добровольно. Поскольку наша добрая воля не свободна.

В отличие, по-видимому, от злой. А впрочем, кто знает. Говорят, у каждого безжалостного есть в X-хромосоме специфический ген — моноаминоксидаза А. Эта самая МАОА заведует бесперебойным перепроизводством дофамина и серотонина. А также у безжалостных коротковат ген AVPR1a, то есть ослаблен контроль за уровнем вазопрессина. Возможно, коктейль из этих трех гормонов, булькая в злое, гарантирует ему невменяемость.

Тогда как отвагу, например, сострадания — ничем нельзя объяснить.

Правда, тут у нас имеется также и сюжет с очередной попыткой упразднить саму идею сюжета. Основанную, как известно, на бытовых предрассудках типа — живем одна, или — двум смертям не бывать, или: если пойдешь налево, то потеряешь коня, если прямо — сохлудишь невинность, а зато если направо — приобретешь капитал.

А с точки зрения многомировой теории — «должно происходить все — и то, и другое, и третье, потому что все решения уравнения... как это... равноправны...»

Что-то такое я уже и прежде читал. Но понял — врать не стану — не совсем.

А тут — тезис иллюстрирован исключительно жизненным примером: «...Если вы хотите купить машину и думаете, какую лучше, у всех достоинства и недостатки... «Рено» или лучше «субару», а может, «форд»... выбираете что-то одно, да? А на самом деле вы покупаете все эти машины, то есть не вместе, конечно, а каждую — в своем мире. Когда вы принимаете решение, мироздание, знаете, разветвляется, и в одной ветви вы покупаете «субару», в другой «форд»...»

Разве не заманчиво? Рвете, значит, мироздание, как лист бумаги, пополам — ну и расщепляетесь сами. Ваша покупательная способность возрастает пропорционально запасам антиматерии. Ваше антивремя летит.

Самуил Лурье

«Издательство «ВОКРУГ СВЕТА»

Генеральный директор Леонид Наумов

Директор по производству Евгений Колесов

Главный художник Юрий Токарев

PR-менеджеры Георгий Немцев, Лейла Умерова

Менеджер по распространению Юлия Лысова

Художники: Николай Панин, Александр Лебедев,

Николай Новотный, Иван Пшеничников

Иллюстрация на обложке Николай Панин

Дизайнеры: Елена Кузянина, Станислав Новиков

Технологи: Сергей Дудин, Сергей Соловьев, Сергей Цветков

Координатор Елена Сапожкова

Редакция:

Александр Житинский, зам. главного редактора

AZhitinsky@vokrugsveta.ru

Николай Романецкий, отв. секретарь

NRomanetsky@vokrugsveta.ru

Самуил Лурье, редактор отдела прозы

SLurie@vokrugsveta.ru

Елена Минина, редактор отдела критики

EMinina@vokrugsveta.ru

Надежда Бельская, зав. редакцией

polden@vokrugsveta.ru

Общественный Совет при журнале:

Андрей Измайлов

www.mo-nast.ru

Святослав Логинов

www.rusf.ru/loginov

Евгений Лукин

www.rusf.ru/lukin

Сергей Лукьяненко

www.rusf.ru/lukian

Сергей Переслегин

okh.nm.ru

Вячеслав Рыбаков

www.rusf.ru/rybakov

Михаил Успенский

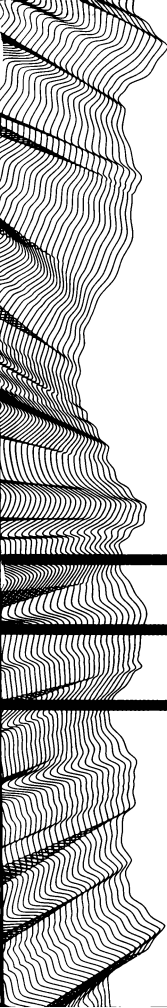
www.list.krasline.ru/writers/uspensk

Александр Щёголев

www.litcenter.spb.su/seminar/schegolev

ПОЛДЕНЬ XXI ВЕК

ОКТАБРЬ (58) 2009

ИСТОРИИ
ОБРАЗЫ
ФАНТАЗИИ

1

И сверкнула молния...

Повесть

...Может, вы посодействуете... не знаю перед кем... у вас в Интерполе, наверно, кто-то этим занимается... Я не понимаю, почему мне нельзя поехать проститься... или хотя бы увидеть... Что значит: не в вашей компетенции? А в чьей? Все говорят, что это не в их компетенции, а вы вообще молчите, я не с вами разговариваю, вы сопровождаете этого господина, ну и сопровождайте, я хочу знать, почему мне нельзя...

Хорошо, я поняла. Простите. Сорвалась. Месяц на таблетках. Месяц мне снятся кошмары. Снится, будто Олежек живой, будто мы с ним поехали в ашрам вместе... Хорошо, давайте. Не буду забегать вперед, хотя все равно не понимаю, почему Интерпол интересуется... Вы лучше террористов поймайте, которые эту бомбу взорвали, а вы, вместо этого, вынюхиваете, неизвестно зачем... Простите, я уже в порядке.

Что? Олежек еще в школе индуизмом интересовался. Мы с ним позднее познакомились, уже после университета, то есть это он университет окончил, Московский, нет, не Ломоносова, другой, Технический имени Баумана. Ага, Бауманка, вы, оказывается, слышали? А я училась тогда на технолога-кулинара, но ни дня по профессии не работала, потому что любила описывать... Не писать, знаете, а именно описывать — вот картина, вот улица, а вот здесь бабушку обижают... Устроилась сначала

в газету, потом в «Ежедневку». С Олегом мы познакомились, когда он окончил Бауманку и работал у Гаубермана в ИТЭФе. Я пришла очерк писать — не о науке, Боже упаси, что я в науке понимала, у них конфликт получился с мэрией, им надо было территорию расширять под какой-то эксперимент, а там жилой дом оказался... Хорошо, неважно так неважно. Я тогда все записала на диктофон, собралась уходить, вдруг подходит такой парень выразительный, сам невысокий, а руки длинные, пальцы, как у пианиста, и лицо... меня лицо поразило: огромные ярко-голубые глаза, просто ослепительные, только глаза и видишь, а остальное в тени, очень странное лицо... притягивающее. «Давайте я вас подвезу». Даже не спросил — куда мне надо. Поехали в редакцию, а по дороге свернули, потому что... В общем, заговорил он меня. Вместо редакции мы оказались на Воробьевых горах, машину где-то оставили и ходили, ходили...

Да, я понимаю, это тоже значения не имеет. Но вы сказали, чтобы я с самого начала... Тогда спрашивайте, что вас интересует, а я буду...

Господи, почему бы инженеру-физику не интересоваться индуизмом? Это ведь не религия даже, а философия. Философия мирозерцания и миропонимания. Олег всегда мечтал съездить в Индию, в Тибет, побывать в храмах, в монастырях, поговорить с монахами, увидеть своими глазами... нет, йоги его не интересовали. Олег говорил, что йоги — низшая ступень понимания, фокусы с человеческим организмом.

Когда мы познакомились, он собирался поехать в Индию с какой-то делегацией физиков, там международный конгресс намечался, и Олег добился, чтобы его взяли с докладом... что-то о стабильности каких-то наблюдаемых показателей в какой-то среде. Извините, что я... Из головы вылетело, память у меня сейчас... Я могу посмотреть в файле. Не надо? Ну, хорошо... Да, собирался, но потом не поехал. Сказал, что передумал, потому что поездка была на три дня, только в Нью-Дели, а он хотел посмотреть страну, побывать на севере... В общем, остался: мол, если сейчас все деньги потрачу, то больше в Индию не попаду, а чего, мол, я в Нью-Дели не видел? Современный город...

А к этой поездке он два года готовился. Специально познакомился с ребятами, которые изучали вирусные заболевания, распространенные на северо-востоке Индии, ближе к Непалу, они туда собирались в экспедицию от Института микробиологии, Олег с ними договорился... Нет, в микробиологии он ничего не понимал, но руки у него золотые, Олежек мог починить

что угодно, они за два года убедились, даже переманивали, чтобы Олег из экспериментальной физики в их институт перешел, но он не хотел, в общем, его все-таки записали в экспедицию, и Олежек выторговал право... или возможность, как лучше?... чтобы ему позволили вылететь дней на десять раньше... экспедиция была на полтора месяца... на десять дней чтобы он отправился в ашрам Пери-бабы, а потом присоединился к экспедиции... Конечно, можно было от туристической фирмы, и не связываться с микробиологами. Но это другие деньги, понимаете? У нас... у Олежки столько не было, а биологам дорогу и проживание институт оплачивал.

Что? Последний звонок... Олежек позвонил утром, то есть, это у меня было утро, семь тринадцать, время записано, вы же проверяли... а у него начало одиннадцатого, и он как раз собирался на собрание... нет, не молитва. Это «даршан» называется. Я вам слово в слово... «Доброе утро, Верочка. Как ты?» Я сказала, что все хорошо, только скучаю очень, но пусть он об этом не думает. Он улыбнулся... Господи, да знаю я, что он улыбнулся, не нужен мне для этого телефон, я и так чувствую, он улыбнулся и переложил трубку от правого уха к левому... знаю, и все. «У нас жарко сегодня, — сказал. — Градусов тридцать восемь, наверно». Я ему сказала, чтобы переодел рубашку, а то ходит все время в зеленой, а она наполовину синтетическая, в ней потеешь. Олежек сказал... Нет, он только подумал, что ладно, мол, переодену, а сказал, что вот гонг, слышишь, я не слышала, в общем, ему нужно было идти. И все. Последние слова... Господи, зачем вам? Какая вам разница? Хорошо. «Целую тебя, Верочка, очень тебя люблю». Нет, не подумал, а сказал вслух. А я... Я даже не понимала тогда, что это... Что больше никогда... Господи... За что? Какие ужасные люди...

* * *

— С Верой Владимировной больше говорить не о чем, — сказал Катасонов, — Она и так много пережила.

— Наверно, — то ли согласился, то ли возразил Немиров. — Но на кое-какие вопросы госпожа Акчурина еще не ответила. Надеюсь, завтра разговор пройдет более удачно, и я смогу улететь в Париж в пятницу, как и собирался.

— Надеюсь, — со значением проговорил Катасонов. — Послушайте, Рене, не хотите ли посидеть в «Коробочке», вон, на углу, очень приятное место, пиво замечательное, русский чай...

— Пожалуй, — согласился Немиров, и они медленно направились к перекрестку, стараясь не выходить на солнечную половину тротуара. С утра припекало, а сейчас, в полдень, стало душно, как в парилке — на город надвигалась гроза, хотя в небе пока не было ни облачка. Немиров, покосившись на спутника, расстегнул верхнюю пуговицу рубашки.

— А вы еще галстук собирались нацепить, — проворчал Катасонов.

В «Коробочке» было прохладно и немногочленно, быстрый официант принял немудреный заказ и удалился. Немиров с интересом разглядывал висевшие на обшитых дубовыми панелями стенах картины с изображением русских богатырей, побеждавших все, что ползало, бегало и летало.

— Не будет ли с моей стороны невежливым, — сказал Катасонов, — если я спрошу...

— Да-да, — рассеянно отозвался Немиров.

— Ваш дедушка действительно был полковником у Деникина?

— У Корнилова, — поправил Немиров. — Мама родилась уже в Париже, а в сорок пятом познакомилась с отцом, он был советским офицером, тоже полковником, удивительно, правда? Впрочем, вам все это наверняка известно.

Катасонов не стал спорить. С досье следователя Интерпола Рене Немирова он ознакомился на прошлой неделе, когда получил приказ сопровождать парижского гостя, помогать ему проводить беседу с Акчуриной и, главное, не позволять интерполовцу задавать вопросы, которые могут оказаться провокационными. По фотографии судя, Немирову было лет тридцать пять, на самом же деле — сорок шесть, а Катасонов дал бы ему и все пятьдесят: фигура, конечно, мощная, человек за собой следит, но лицо старовато, одутловатые щеки, мешки под глазами...

Немиров тоже изучал своего визави, пока ожидали мясо в горшочках, пиво и салаты домашние. В Интерполе он работал больше двадцати лет, но так получилось, что в Россию, на родину предков, прибыл впервые, даже туристом не приезжал, не тянуло, не было, наверно, в его крови каких-то веществ, магнетиков, которые притягивают человека в определенную точку земного шара. Отдыхали они с Жаннетт и детьми чаще всего в Дюрбан-Корбьере, а по работе ему приходилось просиживать штаны в Сен-Кло, занимаясь анализом дел, большая часть которых была рутиной, не очень порой интересной, но необходимой.

— У вас хороший русский, — заметил Катасонов. — Дома, наверно, по-русски говорите?

Немиров покачал головой.

— Жаннетт — француженка, — сказал он. — Дома говорим по-французски. А по-русски — с матерью, она сейчас в доме престарелых. Я часто ее навещаю, и мы разговариваем. Для практики этого, конечно, мало, так что словарь мой сейчас далеко не тот, каким был лет двадцать назад, когда жив был отец...

— Ну, если вы считаете свой словарь недостаточным...

— Ах, Игорь... Можно я буду называть вас Игорем? В юности я, помню, говорил оборотами, каким позавидовал бы граф Толстой. А сейчас...

Принесли еду, и оба замолчали, отдавая должное ароматному мясу, сладковатой, с привкусом мяты, подливе и салатам, незамысловатым (помидоры, огурчики, лук, редис, сметана), но необыкновенно вкусным, когда запиваешь все это светлым пенящимся пивом.

— Хорошо, — сказал, наконец, Немиров, положив на опустевшую тарелку нож и вилку. — Теперь я готов, Игорь, ответить на ваш вопрос.

— На какой? — сделал удивленное лицо Катасонов.

— Зачем мне второй разговор с Акчуриной, — пояснил Немиров. — Зачем ее мучить, если к взрыву в ашраме ни она, ни ее муж никак причастны быть не могут?

— Нет у меня такого вопроса, — пожал плечами Катасонов. — У меня приказ: оказывать содействие, я оказываю. Дело ведете вы, я и знаю-то о нем ненамного больше того, что сообщали в новостях и в Интернете.

— В Интернете было столько глупостей, — пробормотал Немиров. — Я занимаюсь делом с самого начала, как только поступили первые данные с Интелсата.

— Сколько людей погибло? Это хоть уже известно точно?

— Официально — шестьсот сорок семь человек. В самом ашраме Пери-бабы было пятьсот девяносто два, включая гуру. К счастью... если можно использовать это слово в таком контексте... у них велась регистрация всех приезжавших, и информация хранилась не только в компьютере гостиницы, но и на сервере, иначе у нас не было бы и этих сведений. Вы же понимаете, в пределах примерно километра от центра взрыва...

— Эпицентра, — механически поправил Катасонов.

— От центра, — повторил Немиров. — Эпицентр — проекция точки взрыва на поверхность земли. А там взрыв произошел

непосредственно на поверхности, это установлено. Не в воздухе, не под землей. Так что слово я применил правильно — в пределах километра от центра взрыва не осталось ни одного строения, никого живого... Это кошмар, что... Я видел видеосъемку...

— Я тоже — в Интернете.

— В Интернет эти кадры не попали, — дернул головой Немиров. — Они слишком... шокирующие. Поверите, я две недели не мог... нет, не спать, со сном как раз все в порядке, но на людей смотреть не мог... да и сейчас... все кажется, что... неважно.

— Я представляю, — протянул Катасонов. — Но все равно, извините, не понимаю... собственно, не столько я, сколько мое начальство... интерес Интерпола к Акчуриной. Я не имею права вмешиваться в ход расследования, конечно, но... вы видели, в каком она состоянии, у нее муж так ужасно погиб...

Немиров слушал внимательно, кивал, медленно пил холодное пиво, которое, впрочем, ему, похоже, не очень нравилось, он время от времени слегка морщился и рассматривал бокал на свет.

— Игорь, — сказал он, наконец. — У вас там, как я понимаю, думают, мы что-то скрываем? Имеем конкретные претензии именно к Акчурину? Уверяю вас, это не так. Обычная в таких случаях рутина. Случился ужасный теракт. Мегатеракт. Сто килотонн — минимальная оценка. Сотни погибших. Очень много иностранцев. Одних американцев — сто сорок три человека. Дети тоже. Террорист, скорее всего, погиб и сам. Но не исключается вариант, что он успел покинуть ашрам, а бомба была с дистанционным управлением. Или с таймером. Индия обратилась в Интерпол — понятно, искать приходится по всей планете. И понятно, что наши сотрудники сейчас опрашивают всех, кто посетил ашрам и вернулся. Мы ограничили срок — месяц перед взрывом. Представляете, какая это работа?

— Представляю, — кивнул Катасонов, — и, тем более, не могу понять интерес именно к Акчуриной.

— Не более чем ко всем прочим, кто может хоть что-то сообщить. Я не знаю, сколько всего человек включено в разработку. Наверняка не меньше десяти тысяч. Собственно, Игорь, — голос Немирова стал сухим и официальным, француз поставил бокал на стол и посмотрел Катасонову в глаза, — я так понимаю, что ваше руководство не хочет, чтобы я еще раз встретился с госпожой Акчуриной? Вы же не от своего имени говорите о нежелательности дальнейших расспросов, я правильно понимаю?

— Правильно, — вздохнул Катасонов. — Правильно, но неверно. Никто не собирается вам препятствовать, и завтра я, конечно, буду вас сопровождать. Но... Неужели вы сами не видите, как этой женщине тяжело?

Немиров помолчал, насадил на вилку кусочек помидора, но есть не стал, держал перед собой, рассматривал, будто это был экзотический овощ, произраставший только на одной грядке, да и ту уничтожил взрыв, причину которого нужно было понять во что бы то ни стало.

— Вижу, — сказал он, наконец. — Но мне кажется... Это лишь интуиция, Игорь, но, поверьте, за двадцать лет работы я привык не то чтобы доверять интуиции, но понимать, что она действительно существует, и к ее тихому шепоту нужно прислушиваться. И мне кажется, госпожа Акчурина что-то знает. Возможно... Нет, даже наверняка не о самом взрыве. Не исключено, Акчурин в разговорах с женой по телефону упоминал что-то... или кого-то. Может быть, он обратил внимание на что-то необычное, рассказал об этом Вере Владимировне, а она пропустила мимо ушей, ее иные вещи интересовали, и нужно очень терпеливо спрашивать, выводить ее на определенные воспоминания. Со стороны кажется, что я задаю лишние вопросы и мучаю человека, но может... только может быть, что в ее памяти есть информация, которая поможет в поиске террориста.

— Наверно, вы правы, — покачал головой Катасонов. — Знаете, что я вам скажу, Рене... Кстати, почему вас называли французским именем, а не русским? У вас ведь и мать, и отец — русские. Только потому, что живут во Франции?

— Что вы! — улыбнулся Немиров. — Мама моя... как это сейчас говорят... фанатка Чайковского. У нее полное собрание записей, она покупает любой диск, если там среди прочего есть неизвестный ей романс или камерная сюита Чайковского. Меня называли Рене в память о короле из «Иоланты». Помните? Но вы хотели задать другой вопрос, или интуиция меня подводит?

— Другой, — согласился Катасонов. — И не вопрос, а предположение. У меня тоже есть интуиция, хотя, понятно, не такая, как у вас, — опыт работы меньше, да... Неважно. Мне кажется, существует какая-то информация, о которой вы не говорите. Что-то не так с этим взрывом?

— Почему вы так думаете? — Немиров прикрыл глаза, и Катасонову показалось, что его будто просвечивают невидимыми лучами.

— Не знаю, — сказал Катасонов. — Вы ни разу не употребили слово «атомный» или «водородный». Вы раз тридцать... если точно — тридцать четыре раза... сказали: «взрыв» и «теракт в ашраме». Без определений. Случайно? Во всех документах и репортажах говорят об атомном взрыве, о пронесенном в ашрам ядерном фугасе, а вы... Не могу отделаться от мысли, что это не случайно.

— Вы хорошо считаете, Игорь, — улыбнулся Немиров. — Тридцать четыре... Ну-ну. Собственно, информацию вы или ваше руководство можете получить... да что я говорю — наверняка получили у своих физиков. В Интерполе есть русские эксперты из Института Физических Проблем... фамилий не знаю, но вашему руководству они, скорее всего, известны. Это я к тому, что на самом деле у меня нет причин не говорить вам... Видите ли, Игорь, взрыв был очень странным. Очень.

— В каком смысле? — Катасонова раздражала манера Немирова разговаривать, не открывая глаз. Может, он так лучше видел, но впечатление производил странное — будто говоришь со спящим, который вовсе тебя и не слушает, а смотрит третий или пятый сон, на реплики отвечая автоматически, как робот с заданной программой. Впечатление, конечно, было неверным, но избавиться от этого ощущения Катасонов не мог.

— Вы разбираетесь в физике, Игорь?

— Гм... В принципе.

— Хорошо. Говорят, что произошел атомный взрыв, энергетическая мощность которого соответствует двумстам тысячам тонн тротила. Десять бомб, таких, как американский «Малыш», сброшенный на Хиросиму. Это все верно. То есть верны числа. Но есть вещи, которые пока объяснить не могут. Физики не могут, в том числе ваши, русские эксперты.

Немиров сделал паузу, открыл, наконец, свои зеленые глаза, бросил взгляд на еще не початую бутылку «Будвайзера», и рука Катасонова сама собой потянулась к бокалу. Немиров подал знак проходившему мимо официанту, тот быстрым движением откупорил бутылку и наполнил бокалы, ни капли не пролив и оставив высокую шапку пены.

— Хорошо, — сказал Немиров, с удовольствием отпив сразу половину. — Да, так я... Вы помните, с чего все началось? Полтора месяца назад, двадцать третьего июня, в шесть часов тридцать две минуты мирового времени сразу четыре спутника — три американских и один российский — зафиксировали яркую вспышку в северо-восточной части Индии, в шестидесяти

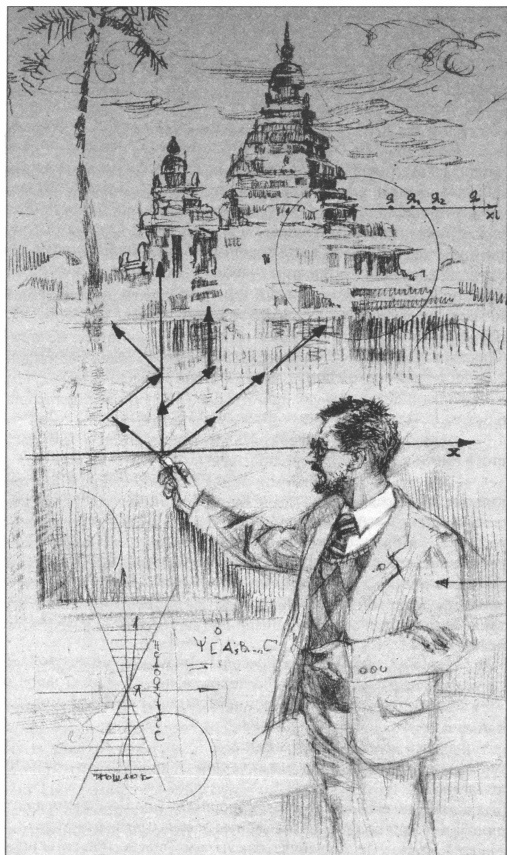
километрах севернее Тезпура, в предгорьях Аруначал-Прадеш, это часть Гималаев. Сначала... Впрочем, не имеет значения, какими были первоначальные версии, — часа через два, когда эксперты в НАСА обработали телеметрию, вывод оказался, как они посчитали, единственно возможным и весьма удручающим: взорвалась атомная бомба мощностью примерно две-сти килотонн. Все это время из Дели пытались связаться по радио и телефонам с населенными пунктами в этом районе. Связь пропала. Над районом вспышки прошел израильский спутник «Офек-8», сделал сотню фотографий с разрешением около десяти метров — лучше не получилось из-за висевшего над районом облака пыли. Фотографии передали в НАСА, оттуда — всем заинтересованным лицам, в первую очередь, конечно, индийским экспертам. Совершенно отчетливо была видна почерневшая земля и будто выжженный круг диаметром около двухсот метров. Индия отправила в район катастрофы два истребителя, пилоты получили приказ пролететь вдоль края круга, не приближаясь к центру, — ожидалось, что там высокая радиация. Радиацию действительно обнаружили, но гораздо меньше, чем ожидалось. Сделав замеры, пилоты благополучно вернулись на базу.

— Да-да, — нетерпеливо сказал Катасонов. Все, о чем говорил Немиров, ему было хорошо известно. — Я это знаю.

— Знаете, — кивнул Немиров. — Это все знают. В центре взрыва, как вы знаете, — Немиров интонацией подчеркнул последнее слово, — был расположен ашрам известного индийского гуру Пери-бабы. Святой человек. Целитель. Учитель. На свои деньги построил деревню, отель для паломников, храм, где каждый день производил магические действия — лечил прикосновениями, например, или предметы материализовывал. Этот трюк пользовался особой популярностью, особенно у местного населения.

— Трюк? — придрался к слову Катасонов. — Доказано, что Пери-баба мошенничал?

— Нет, — усмехнулся Немиров. — Чтобы доказать, нужно поймать гуру за руку, но кто бы это смог сделать? В ашрам допускали далеко не каждого. Двух паломников из трех охрана «тормозила» еще на въезде. Без объяснений: «поворачивайте обратно, господин или госпожа». Почему? Фейс-контроль у них там был или что... А те, кого допускали, — люди, чаще всего, восторженные, готовые верить своему гуру и уж точно не собиравшиеся ловить его на каком-то фокусе.

— Насколько мне известно, — заметил Катасонов, — было не совсем так, как вы говорите. Контроль, конечно, но заявки принимались заранее, чуть ли не за год, и потенциальному паломнику сообщали по электронной почте о решении — принят он или нет.

— Верно, — согласился Немиров. — Для зарубежных гостей действовала такая система. Для индийцев — фейс-контроль и от ворот поворот, если гость охранникам не нравился. В любом случае, вы же понимаете: не было ни малейшей возможности провезти на территорию ашрама атомный боезаряд. Двести кило тонн! Такую бомбочку даже при самых современных технологиях в чемодан не спрячешь, она и в багажник машины не поместится, а грузовые автомобили на территорию ашрама не допускали вообще — разгружали в гаражах за пределами поселка, и все нужное доставляли затем на электрокарах. На всех воротах имелись датчики радиоактивности, а багаж проходил через рентгеновскую установку.

— Да, я знаю, — опять не удержался от замечания Катасонов. — Я слышал, что бомбу могли сбросить с воздуха.

— Чепуха! — отмахнулся Немиров. — Это для публики, надо же было успокоить общественность, особенно в Индии, где взрыв сразу навесили на исламских фундаменталистов, для которых Пери-баба якобы был, как кость в горле. Послушайте, Игорь, гуру, конечно, попирает ислам, но в Индии таких учителей тысячи! Есть, право слово, объекты, где устроить теракт куда как проще, а резонанс тот же, если не больше. С воздуха! Господи, о чем вы? Были с точностью до секунды проверены и просчитаны все полеты в радиусе ста миль. Единственный самолет, пролетевший даже не над самим ашрамом, а в двадцати километрах южнее, — старенький «Дуглас» местной авиалинии, совершавший рейс из Шиллонга в Итанагар.

— Ну, и вывод? — заинтересованно спросил Катасонов. — Бомбу в ашрам пронести было невозможно, так? Не говоря о том, что ни у кого, кроме России и Штатов, бомб такой мощности нет, это я от себя добавляю.

— Нет, — согласился Немиров.

— Вывод, вывод? То, что говорят в новостях, можете не повторять.

— Ах... Всем сказали, что террористы, видимо, очень долго проносили на территорию элементы бомбы и там ее собирали... Чепуха, да. Но именно чепухе, как вы сами знаете, общественное

мнение верит легче всего. Это не мог быть ядерный взрыв. Не было там никакой атомной бомбы.

— Что значит — не было? — удивился Катасонов. — А что взорвалось?

— Не надо так нервничать, Игорь, вы мне на рубашку пивом капнули... Ничего. Работали, понятно, несколько экспертных групп. Индийцы уже на третий день запросили помощь у Штатов, России и Израиля. Интерпол подключился на четвертые сутки. Армейские подразделения были там к вечеру первого же дня — через восемь часов после взрыва. Первое, на что обратили внимание, — очень низкая наведенная радиация. При ядерном взрыве основные разрушения производит ударная волна, лучевой удар вызывает пожары, но только вблизи от эпицентра способен, скажем, обратить человека в тень, как это было в Хиросиме. А в ашраме все оказалось не так. У индийских специалистов сложилось мнение, что почти вся энергия взрыва выделилась в виде электромагнитного излучения.

— Чистая бомба?

— Перестаньте, Игорь! Нет чистых бомб. Ударная волна слабая. Радиация почти отсутствует. Недели две понадобилось физикам, чтобы просчитать спектр излучения. Это не секретные сведения, уверяю вас, но в новостях о них не говорили, поскольку статьи с результатами еще не готовы к публикации. Физики очень ревностно относятся к своей репутации, хотят все обсудить до последней буквы, а потом... Но, в принципе... Перед отлетом в Москву я говорил с одним из экспертов, он работает в ЦЕРНе, специалист экстра-класса. По его словам, почти вся энергия взрыва выделилась в виде гамма-излучения. В спектре яркие полосы, нижняя граница на энергии полмиллиона электрон-вольт. Ниже — плавный, но быстрый спад. Пока привели к одной системе данные с разных спутников, пока сопоставили... В общем, сейчас почти на сто процентов физики уверены, что это был аннигиляционный взрыв.

— То есть?

— Аннигиляция. Антивещество вошло в соприкосновение с веществом.

— Ну, знаете... — рассердился Катасонов. — Какое антивещество? Где? Сколько вообще атомов антиматерии физики могут получить на ускорителях? Сотню? И что, кто-то сложил это антивещество в бутылочку, привез в ашрам...

— Конечно, нет! Вы что, смеетесь? Для того, чтобы удерживать сто атомов антиводорода, о которых вы говорите, в ЦЕРНе

в свое время построили ловушку, которая занимала объем трех-этажного здания!

— Тогда что вы тут мне рассказываете...

— В ашраме Пери-бабы произошел процесс аннигиляции, — твердо повторил Немиров. — При взаимодействии атомов с антиатомами сначала рождаются нейтральные пи-мезоны, их гораздо больше, чем фотонов, но очень быстро пи-мезоны поглощаются и все равно превращаются в гамма-излучение... Вообще-то, этот процесс даже и не посчитан точно, потому что экспериментальных данных очень мало. Короче: для того, чтобы случилось то, что произошло в ашраме, необходимо аннигилировать от пятидесяти до ста граммов антивещества. Столько на Земле нет и никогда не было.

— Если вы скажете, что это взорвался корабль пришельцев...

— Какие, к черту, пришельцы!

— А откуда тогда?..

— О том и речь, — Немиров допил пиво и достал кошелек из висевшей на спинке стула сумки. — Я заплачу, Игорь, и не спорьте.

— Я не спорю, — пробормотал Катасонов.

— По-моему, — сказал Немиров, когда, расплатившись, они вышли на улицу, — с нас... как это правильно сказать? Содрали, да? С нас содрали рублей на двести больше, чем следовало.

— А сколько следовало содрать? — улыбнулся Катасонов.

— Восемьсот сорок. Если я правильно читал меню.

— Давайте вернемся, и я...

— Ради Бога, Игорь! — Немиров ухватил Катасонова за локоть. — Ну что вы, право... Это ваша машина?

— Да. Вы в отель или хотите по Москве погулять?

— В отель. Может, вечером еще выйду. Не знаю.

— Не понимаю я вас, Рене, — пожаловался Катасонов, вырвав в крайний правый ряд. — Первый раз в России, а из отеля ни ногой. Сами русский, неужели вам не интересно...

— Интересно, Игорь. Но... как бы вам объяснить... У меня географическая фобия.

— Какая?

— Нет такой болезни, это я так, пытаюсь... Понимаете, меня совершенно не интересуют города, здания, площади, улицы, люди, толпой бегущие по делам, машины, стоящие в пробках...

— А еще музеи, театры, — подхватил Катасонов, подумав мимолетно, что в последний раз был в театре, когда учился на

третьем курсе, что же смотрел... да, «Восемь женщин» в Малом, а в Третьяковку заглядывал с Настенькой, когда ухаживал за ней и хотел выглядеть большим знатоком классики, не помогло...

— Да-да, музеи и театры, как же. Не люблю театр и совсем не понимаю Шекспира, когда он говорит, что весь мир — театр. Глупости. Мир естествен, театр нарочит. Люди не играют самих себя, иначе нормальные отношения были бы невозможны. Любовь, дружба... А музеи в век Интернета — вообще анахронизм. Игорь, я прекрасно знаю, что и в каком порядке расположено в любом зале Пушкинского музея. А если чего-то не запомнил, то всегда могу зайти на сайт и найти то, что нужно. Вы скажете: это не настоящее? Я не так увлекаюсь живописью, чтобы непременно смотреть на подлинного Шишкина, а не на качественную фотографию. И если совсем честно, Игорь: ненавижу толпу. Не люблю, когда меня ведут и показывают. И... Послушайте, что-то я разбрюзжался. Мы приехали?

Машина остановилась перед входом в «Националь».

— Спасибо, — сказал Немиров. — Приму душ и почитаю. Завтра...

— Мы договорились с Акчуриной на одиннадцать.

— Я спущусь в десять тридцать. Нормально?

— Годится.

Немиров захлопнул за собой дверцу, но она сразу открылась опять — Катасонов выглянул и спросил:

— Вы не ответили, Рене. Я о взрыве. Хорошо, не пришельцы. И не террористы. Кто тогда? И как?

Немиров заслонил глаза от яркого августовского солнца, и Катасонову почудилось, что следователь Интерпола сам стал похож на инопланетянина.

— Не знаю, — сказал Немиров. — Честно. И никто не знает.

...Это на четвертый день случилось. Конечно, мы каждый день с Олежкой разговаривали — утром он звонил, вытаскивал меня из сна, я вообще-то сова, а Олежек — жаворонок. Мне в редакцию к одиннадцати, а там, у Олежка, уже время обеда. О чем говорили? Ну, Господи... Я не знаю. «Как ты себя чувствуешь?» Что? Нет, с чего вы взяли, я не болела, это потом... Он просто интересовался. Я говорила: «Все нормально» и спрашивала, как он там, что узнал нового... Хорошо, об этом подробнее... Хотя,

что сказать... Это же ашрам, там все строго. Утро начинается с медитации, потом прогулка, беседы с Пери-бабой... нет, что вы, конечно, все вместе... это скорее проповедь, даршан. Пери-баба рассказывал... в первый день, скажем, о том, что человек должен идти по жизни, как гусеница по лезвию, и при этом ощущать полную свободу — типа не то что тебе так трудно, ты жертвуешь и понимаешь, что можешь в любой момент упасть... нет, ты чувствуешь, что это естественно, ты даже не напрягаешься... Но чтобы достичь такого состояния... Что? Да-да... Люди. О людях Олежка тоже рассказывал. Он жил в комнате с американцем. Очень странный человек... был. Господи, что же это, я не могу... Спасибо, я сейчас выпью... Что я говорила? Американец. Дедушка такой, ему было под восемьдесят, и он всю жизнь вкалывал на стройке, говорил, что строил даже знаменитый мост «Золотые ворота», Олежек сказал, что старик, видимо, или уже все забыл, или любит приврать, потому что мост этот... Да, извините. В общем, он, когда на пенсию вышел, решил, что пришла пора подумать о душе, и почему-то увлекся именно индуистской философией... Хорошо, о старичке не надо. Еще? Да, Олежек рассказывал: по утрам он сталкивался в коридоре со странной парой. Европейцы, скорее всего, испанцы. То есть, Олежка думал, что испанцы, потому что они по-испански говорили... а, может, по-португальски... Молодая пара, мужчина все время улыбался, к каждому подходил и что-то быстро-быстро начинал говорить на своем языке, а женщина его звала, не по имени, а как-то... наверно, прозвище... Олежка говорил, что никак не мог понять... какой-то набор звуков. У них был ребенок, маленький, полгода, наверно, он спал у женщины в рюкзаке на груди, Олежка говорит, что спросил, кто это — мальчик или девочка, она ответила, но он не понял, по-английски они совсем не говорили. Что? А это неважно, Пери-баба ведь тоже не по-английски свои даршаны вел, а на каком-то из индийских языков. Урду, кажется. Олежек мне говорил, но я не запомнила. В зале переводили, каждый мог взять наушник типа «блютуз» и настроить на свой язык. Нет, русского не было, английский, французский... какие-то еще индийские, там ведь много... Русские вообще редко появлялись в ашраме, Олежек ни одного нашего не видел... Испанец? Олежек не спрашивал, он не знал испанского... или португальского, но ему почему-то показалось, что этот мужчина какой-то аристократ. Руки, Олежек говорил, у него такие белые и нежные, пальцы в кольцах, и женщина тоже одета очень богато, на шее жемчужное ожерелье... хотя, знаете,

я думаю, подделка, ну, я по рассказам Олега... По-моему, никакие это не аристократы были, есть такие люди, которые хотят выглядеть... Не знаю, просто мне так кажется. Олежек мне ее платье описал, я просила... Только мужчина мог подумать, что это шикарно. Простенькое, но с претензией... Нет, они все время ходили с ребенком... не знаю, может, что-то и носили с собой еще, Олежка не говорил, но, думаю — нет. Что? Олежек очень любит технику, любую, особенно если что-то новое, и если бы тот мужчина что-то с собой привез, Олежек точно мне рассказал бы. Про одного индуса он ведь сказал, что... Подробнее? Хорошо. Там большинство было индийцев... Один такой высокий, в национальной одежде, Олежек затруднялся определить его возраст — лицо вроде старое, лет на семьдесят, а выправка военная. Если смотреть со спины, то больше сорока не дашь... Да, очень темный, Олежек даже подумал сначала, что это негр. И у него был... нет, не прибор... Олежек как-то назвал, я мимо ушей пропустила... В общем, он все время то на эту штуку смотрел, то в небо, будто проверял что-то. То ли в небе должно было что-то отразиться, то ли, наоборот, в этой штуке должно было показаться... не знаю, запуталась, я тогда не переспросила, мне это совсем было не интересно. Может, и наладонник, хотя нет, Олежек как-то иначе назвал... Нет, небольшая такая, он же ее в руке держал. Во время даршана? Не знаю. Всех просили выключать мобильные телефоны, это да. Чтобы не мешали, как в театре. А больше ничего такого вроде не было, чтобы запрещали. Олежек? Конечно, у него был мобильный, а как же мы говорили с ним, странно вы спрашиваете... Еще... Знаете, больше я ничего не... Ни о ком Олежек не рассказывал. Хотя... Он говорил, была там группа из Канады, но они какие-то, по его словам, как же он выразился... да, серо-бесцветные, держались вместе, ни с кем в разговоры не вступали, и еще... Олежек говорил, они много жертвовали на ашрам... у входа в храм стояла такая штука... понятия не имею, как она выглядела, Олежек не описывал, я не спросила. Посуда, куда можно было положить деньги или чеки. И канадцы что-то туда опускали — и когда входили в храм, и когда выходили, каждый проходил мимо и опускал, и что-то еще говорил при этом, Олежек не слышал, ему было интересно, но никак не получалось оказаться рядом... Нет, вечерами он не гулял, он не любит гулять один, да и вдвоем тоже не очень, мне его иногда приходилось чуть ли не силой из дома вытаскивать. Знаете, за день так намотаешься, хочется выйти и просто посидеть на скамеечке, чтобы небо над головой и тишина. А Олежек

по вечерам в Интернете. Или книгу читает с экрана. Нет, он как раз предпочитал с экрана читать, я, знаете, тоже люблю бумагу, чтобы в кресле под торшером, страницы переворачивать... Ноутбук он с собой взял, конечно. Нет, другого компьютера у него не было, то есть, был когда-то, еще до нашего знакомства, а когда мы... нет, у него уже этот ноут был. У него свой, у меня свой, только у Олежка, конечно, более навороченный. Так что не думаю, чтобы он там по вечерам гулял... на третий вечер, правда, ему устроили аудиенцию у гуру, это немногим позволяли и ненадолго — минут десять. Олежек сказал, интересно поговорили, обещал пересказать, когда вернется. Когда вернется... Господи... Нет, не нужно, я уже... О чем я говорила? Да и времени у него не было гулять, Олежек говорил, что делает какую-то работу, надо, мол, что-то посчитать, и вообще... Господи, он всего три вечера там... Восемнадцатого днем прилетел в Калькутту, сутки на поезде, это вообще был какой-то кошмар, Олежек говорил: вернусь, расскажу, но такого я, говорит, в жизни не видел, сколько на поездах ездил. Господи... Вернусь, говорит... Да, простите, я... В общем, к вечеру девятнадцатого он приехал в ашрам, пока устроился... А двадцать третьего все это... Господи, за что? Почему?..

* * *

— Все равно не понимаю, зачем вы эту женщину мучаете? — сердито сказал Катасонов. Они сидели в лобби «Националя» и ждали, когда им принесут кофе. Немиров заказал себе еще и коньяк, но Катасонов коньяк не пил, от коньяка у него начинала болеть голова, он предпочитал водку, но не здесь и не под кофе, хотя после второй беседы с Акчуриной хотелось напиться, чтобы забыть мучительный ее взгляд, подергивавшиеся углы рта, пальцы, тербившие воротник блузки, голос... Катасонов, бывало, присутствовал на допросах, когда требовалось его мнение, как эксперта, но то было совсем иное, то было понятное и необходимое, никогда он не ощущал такого тягостного, такого непереносимого... Не нужно было разрешать французу разговаривать с Акчуриной, толку ноль, а рану ей расковыряли. Но решало начальство, а он что? Сказали — сопровождать, он сопровождает.

— Видите ли, Игорь, — медленно произнес Немиров после долгой паузы, — у нас нет иной возможности разобраться, кроме как исследовать физические условия на месте взрыва и

попытаться выяснить личность террориста, допрашивая людей, которые...

— О чем вы! — с досадой воскликнул Катасонов. — Вы сами утверждали, что никакой террорист не мог...

— Не мог, — кивнул Немиров. — А еще вы упоминали инопланетян. Они тоже не могли. Тем не менее, как-то бомба оказалась в ашраме и была взорвана во время даршана.

— Вы говорили, что и бомбы быть не могло!

— Тем не менее... Послушайте, Игорь, вы можете предложить иной метод расследования? Есть у вас идеи? Я готов выслушать и доложить — слово в слово.

— Нет, — отвернулся Катасонов. — Нет у меня идей.

— И у меня нет, — наклонил голову Немиров. — Не наше это с вами дело, верно? Мне нужно обнаружить... нет, правильнее сказать: «взять у этой женщины»...

— Вытянуть, — подсказал Катасонов.

— Э... Наверно, да. Вытянуть побольше информации. Любой. Она общалась со своим мужем, и что-то он ей рассказывал. Я хочу знать об этом все.

— А может... — протянул Катасонов, — это был естественный процесс? Скажем, упал метеор из антивещества...

— Метеорит, — механически поправил Немиров.

— Что? Ладно, метеорит.

— Хорошая идея, — одобрительно сказал Немиров.

— Смеетесь?

— Нет, что вы. Об этом наши эксперты подумали в первую очередь. Не получается.

— Почему? — собственная идея Катасонову очень понравилась, она выглядела естественной и все объясняла, даже то обстоятельство, что на памяти человечества ничего подобного не происходило, так ведь и метеориты из антиматерии очень-очень нечасто на Землю падают. Может — вообще впервые.

— Есть в этой гипотезе неувязки, — с сожалением сказал Немиров. — Метеор из антиматерии должен был сначала пасть в атмосферу. Пока летел к земле, он должен был оставить аннигиляционный след длиной в несколько десятков или даже сотен километров — смотря под каким углом падал. Ничего подобного не наблюдали.

— А как это могли обнаружить? — Катасонов не хотел расставаться со своей замечательной идеей. — Это ж всего несколько секунд до взрыва!

— Тем не менее. Нашли какие-то данные... кстати, я слышал, что с российского спутника. В общем, не могу сказать как да что, но уже через неделю после взрыва идею метеорита из антивещества перестали обсуждать, как нереальную. Выйдет полный материал, там все будет описано.

— Жаль, — пробормотал Катасонов. — А если... э... черная дыра?

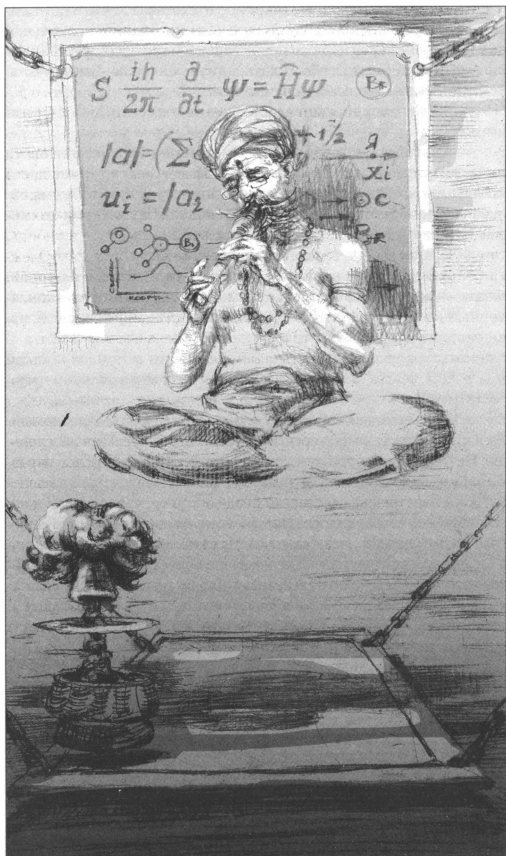
— Спасибо, — сказал Немиров официанту, поставившему на столик две чашечки дымящегося кофе, рюмку коньяка, дольки лимона на блюдечке и два круассана. Француз рюмку сразу же поднял, посмотрел на свет, пригубил, улыбнулся чему-то своему и повернулся к визави:

— Право, Игорь, при чем здесь черная дыра?

— Да я так, — вяло отмахнулся Катасонов и положил в свою чашку ломтик лимона. Немиров поморщился: лимон, мол, и черный кофе — две вещи несовместные, но если у вас такой, извините, вкус...

* * *

...Нет, мы редко бывали в гостях. Олежек такой нелюдимый. Да и я... впрочем, я как раз любила встречаться, веселиться... раньше. Нет, Олежек ни при чем. Это я, когда начала работать в портале, знаете, за день столько разных людей повидаешь, столько всяких историй наслушаешься, столько неадекватного, что к вечеру только и хочешь, чтобы тишина, никакого телевизора и вообще никого... кроме Олежа... я забиралась с ногами на диван, брала книгу, а он ставил свой ноут на маленький столик, садился рядом и смотрел в компьютере что-то свое, мы, в общем, почти не разговаривали по вечерам, но, знаете, было такое ощущение... как это сказать... того, что мы вместе, он, я, книга, компьютер, диван со столиком... и больше ничего во всей Вселенной. Иногда, конечно, бывали в гостях, и к нам приходили, не без того, но это были как бы события, не просто так. О чем говорили? О чем обычно... Нет, не о спорте, Олежек не то чтобы не любит спорт, но просто... Помните, Россия вышла в полуфинал по футболу? В Европе, да. На улице всю ночь было шумно, кто-то бегал, кричали, петарды пускали, в общем, радость. Я вышла на балкон посмотреть, порадоваться вместе со всеми, это действительно было нечто, я чувствовала... Не знаю, как объяснить. Олежек вышел тоже, постоял минуту, вздохнул, сказал: «Я бы поспал. Ты как?». А мне не хотелось, я осталась. Не знаю, зачем я вам это рассказываю... Да, о гостях, верно. О спорте почти не говорили.

$$S \frac{i\hbar}{2\pi} \frac{\partial}{\partial t} \psi = \hat{H} \psi \quad (B_5)$$

$$|a| = \left(\sum_{i=1}^{+\infty} \frac{a_i^2}{x_i} \right)^{1/2}$$

$$u_i = |a_i|$$

(B₅)

$+1/2$

a

x_i

$\rightarrow \odot c$

$\rightarrow \odot c$

$\rightarrow \odot c$

$\rightarrow \odot c$

$\rightarrow \odot c$

О политике — да, но мне это было не интересно, так что я, извините, ничего и не вспомню. Когда мужчины начинали о политике, я обычно шла на кухню — чай приготовить или тосты. А если в гостях, то с женщинами... Но это вам не нужно? Наши женские дела. Так о чем еще... О работе, конечно. Мужчины любят говорить о работе. Обычно Олежек начинал выяснять что-то с Самвелом... Самвел Саркисян, теоретик. Дружили? Нет, не скажу. Дружба — это... Знаете, я вот сейчас подумала... У Олежка не было друзей. Как-то так получилось. В школе, он мне рассказывал, был друг, Саша его звали, не разлей вода, и после школы они тоже какое-то время общались. Олежек пошел в Бауманку, а Саша в университет, на геологию. И... он утонул, поехал летом в экспедицию, куда-то в Сибирь, там они по реке сплавлились, и что-то случилось... С тех пор у Олежка настоящих друзей не было. Коллеги — да. О работе говорили. Я ничего в этом не понимаю. Отдельные слова запоминала, конечно, но смысл... Для меня это были просто звуки, музыка разговора, когда по интонациям понимаешь настроение, а слова как ноты — одни создают мелодию, и когда повторяются, то понимаешь, какой в разговоре лейтмотив, а иные слова немелодичны, как, знаете, что-то из Шенберга... Что? Ну, не знаю, у нас, значит, разные вкусы... и уши разные. Если говорить о мелодии, то мне, например, нравилось, когда Олежек произносил: «прецизионный»... Изящное слово, да? А вот «фемтосекунда» — монстр, верно? Ни мелодии, ни ритма, я это слово очень не любила. Я как-то в физический словарь заглянула, фемто — это ведь одна миллионная от одной миллиардной доли секунды, что-то совсем уж... Олежек конструировал приборы... для физиков, конечно, измерительная техника, вот-вот, но такие маленькие кусочки времени... не думаю, а впрочем, если вам это интересно, спросите у его коллег, с кем Олежек работал, вам скажут точнее... Еще? Да, вот было интересное словосочетание: «распутывание квазиветвлений». Почему-то у меня в этот момент возникала в голове музыка Пуччини. Не из «Тоски», а из «Девушки с Запада». Или «Плащ», да, скорее «Плащ», — когда там, знаете, она распахивает плащ и видит своего мертвого любовника... Господи, она так плачет... и музыка... Олежек... Я... Извините...

* * *

...Да. Продолжим. Ничего, уже в порядке... Спасибо. Что вы спросили? Нет, друзей у Олежка не было, с Самвелом это скорее не дружба, а... не знаю, общее хобби. Что вы, какие марки? Олежек марки собирал в школе, а потом монеты пару лет, и бросил.

Не продал, что там было продавать, обычные марки и монеты, самая старая была советская сорок седьмого года. Олежек странно о ней говорил: вытянул, мол, из обращения, а не купил у нумизматов. Нет, не знаю, что он хотел сказать, а хобби у них с Самвелом было... научное, что ли. Самвел? Да, тот самый. Физик. Говорят, ему Нобелевка светит за работы по каким-то струнам... или даже суперструнам, я себе это плохо представляю, но Самвел объяснял, что это совсем не такие струны, как на скрипке, скажем, или гитаре. И Нобелевку, он говорил, ему если и дадут, то лет через сорок, когда теория будет совсем уже другой, но о тех, кто был среди первых, наконец, вспомнят. Нобелевку, знаете, всегда дают за старые работы, о которых начали забывать, что они, эти работы, были пионерскими... Хобби, да, вы правы, я про хобби. Какая-то физическая теория. Смешно, да? Хобби — это что-то простое, для души, для отдыха, но Олежек всегда... он не умел отдыхать, то есть, считал отдыхом то, что я бы для себя ни разу не выбрала, потому что такая работа еще тяжелее, чем та, за которую деньги получаешь. Знаете, Олежек одно время увлекался ремонтом часов... нет, обычные часы его не интересовали... кварцевые там, маятниковые... нет. Он приносил какие-то штуки, которые на часы совсем не были похожи, там и циферблата не было, ничего, на что можно было посмотреть и сказать время. Я не знаю... он их называл... там слово «прецизионные» тоже было, да. Атомные? Нет. Я вспомнила — атомные часы такие большие, что домой не принесешь, Олежка рассказывал... Непонятно, почему тогда их атомными называют... Ладно. Какие-то свои часы он и в Индию с собой взял. А с Самвелом познакомился на дне рождения у Милы Сорокиной, они учились на одном курсе в Бауманке, а Самвел тогда ухаживал за ее подругой, Евмея ее звали, представляете? Ева, в общем. Так они и не поженились, не сладилось что-то, Самвел приходил мрачный, у него была депрессия, и мы с Олечкой его развлекали, как могли... Да, я понимаю, это совсем не важно. То есть, вам неважно... Ладно. Вот Самвел Олежка и настропалил на это хобби — сам-то он давно этим занимался. Также странно, знаете. Физик-теоретик, на работе сплошные формулы, а хобби, вместо того чтобы под парусом пойти или в футбол сыграть, вместо этого он опять формулы писал, только другие, ну, скажите, какая разница? Если вместо одних формул другие — это что, перемена занятий? Я понимаю... то есть, как раз не понимаю, никогда не понимала, ну ладно, для Олежка это действительно было другое... днем он работал руками, собирал и ремонтировал очень

тонкую аппаратуру, а по вечерам формулы... разнообразие, а что это для Самвела? Многомировая теория — вот как это называется. Тоже что-то из квантовой физики. Я столько раз слышала, когда они говорили, что, кажется, наизусть запомнила, и даже ночью могу, если разбудить... Типа: уравнение Шредингера... есть такое, да? Вот, и у него всегда много решений. В физике, знаете, по-моему, вообще не бывает, чтобы у чего-то было только одно решение. А уравнение Шредингера определяет, как среди элементарных частиц что происходит. И если решений много, то происходить могут разные вещи, и это странно, потому что тогда... ну, скажем, если камень может покатиться по склону, а может остаться на месте или вообще развалиться, то происходит что-то одно, верно? А должно происходить все — и то, и другое, и третье, потому что все решения уравнения... как это... равноправны. Почему камень катится? Или почему лежит? Вот многомировая теория и говорит, что, мол, все это происходит на самом деле, но в разных мирах. В разных вселенных. Или еще: если вы хотите купить машину и думаете, какую лучше, у всех достоинства и недостатки... «Рено» или лучше «субару», а может, «форд»... выбираете что-то одно, да? А на самом деле вы покупаете все эти машины, то есть, не вместе, конечно, а каждую — в своем мире. Когда вы принимаете решение, мироздание, знаете, разветвляется, и в одной ветви вы покупаете «субару», в другой «форд»... Ой, ну что я вам, вы должны это знать, конечно... Да, это и было хобби. Как они спорили! Я уходила на кухню, они орали так, что на улице было слышно. «Запутывание-распутывание, зарядовая симметрия, склейки»... Самвел вообще человек горячий... Что вы говорите? Ашрам? Индуизм? Нет, что вы, это не хобби, это всегда... не знаю, как лучше объяснить. Скажем, у человека с детства мечта — полететь в космос, да? Понимаешь, что не полетишь, но хочется до одури, читаешь все о космосе, о межпланетных станциях, это не хобби, это выше, это... ну, мечта, и все. А хобби — это когда обсуждаешь с Самвелом разные формулы. Хобби — когда можно пощупать, сделать, показать, это реальное, всегдашнее. Есть работа, есть хобби, и есть мечта, знаете... Ну да, с детства. Олежек одно время Рерихов читал, мне тоже пытался, но не мое это, я пролистала как-то «Агни-Йогу» — длинно, по-моему, и скучно. Правда, Олежек тоже потом Рерихов забросил. Мечта у него всегда была — поехать в Индию, увидеть своими глазами монастыри, монахов, ему хотелось пожить их жизнью, потому что, знаете, если не пожить жизнью монаха, не посидеть самому

в полной темноте, не есть в день миску риса... Я ему говорила: бытие определяет сознание, и он соглашался: иногда, мол, и опальные классики бывают правы. Да, так если не ощутить то, что ощущает монах, то и понимания никакого в их философии не возникнет, и такого единения с миром... Он хотел, знаете, ощутить единение с миром и понять, как на самом деле все устроено. Что вы сказали? Да, можно и так, мне это в голову не приходило, но, наверно, вы правы. Это просто разные подходы к одному и тому же. Монах познает истину мироустройства в самоотречении и через собственное «я». А научный работник — через формулы, где «я» нет никакого. Может, они оба в результате окажутся в одной точке?

Если так посмотреть, то вы правы, наверно. Олежек хотел попасть в ашрам и все увидеть своими глазами. Он хотел понять, как устроен мир. И его с Самвелом разборки — тоже от этого. А работа? Приборы? Наверно, и в этом есть что-то... Триединство, да, вот вы сказали, и я поняла, что это так, и это помогает понять характер Олежка... Помогает... А теперь уже не... Господи... Нет, не нужно, я... Извините...

* * *

— Может, закончим на сегодня? Не могу видеть женские слезы.

— Извините, Игорь, это мое расследование, верно? И я почти дошел до финала. Вы еще не поняли?

— Что я должен был понять? Не Акчурин же взорвал бомбу в этом чертовом ашраме!

— Спокойно, Игорь. Если вы такой чувствительный, — позвоните своему начальству и, если вам прикажут, запретите мне говорить с этой женщиной. У вас такого указания сейчас нет?

— Нет, но...

— Замечательно. Тогда не мешайте.

* * *

...О да, Олежек долго готовился к поездке. Как-то принес видеокассету, один его знакомый ездил... нет, даже не знакомый, они потом познакомились, а тогда это был просто... кто-то ездил, и Олежку удалось достать запись, мы вместе смотрели, очень интересно. Я никогда не видела такой Индии. В фильмах все иначе, а тут... грязные улицы, коровы, которые

ходят, где хотят, будто коты, и такие же драные, знаете, и еще дороги, они тогда на машине проехали почти через всю Индию и снимали на видео, а в ашраме Пери-бабы все очень красиво и организованно, двухэтажные белые домики для паломников, и довольно дешево, есть можно в общей столовой, а можно заказать в номер, веселенькие такие дорожки, кусты кругом, а больших деревьев нет, Олежек сказал, что это новый ашрам, построили его чуть ли не в пустыне, в предгорьях Гималаев, деревья еще не успели вырасти... Что? Нет, это я рассказываю про пленку, которую мы смотрели, Пери-баба на меня тогда произвел странное впечатление. Знаете, будто восточный факир, и весь даршан напоминал цирк... не совсем цирк, но что-то такое было в том, как люди толпились у помоста, строились в ряды, музыка играет, такая, знаете, заунывная, а потом наверху появляется он, весь в оранжевом, длинный огромный хитон и рукава, куда можно спрятать поезд. Все падают на колени, а гуру ходит, что-то распевно говорит, и на лицах, знаете, такая благодать, можно действительно поверить, что слепые там прозревают, а безногие начинают бегать. Потом самый интересный момент: гуру проводит материализацию — помните «Формулу любви» Захарова? Вы-то, конечно, помните, а вы во Франции могли не... Видели, да? Нет, совсем не похоже, просто слово то же самое — «материализация». Помоему, просто фокус — гуру прячет маленькие золотые вещицы в рукавах и делает движение рукой, будто достает что-то из воздуха, очень похоже на Арутюна Акопяна, помните такого фокусника, его часто по телевизору показывали, раз — и в ладони золотая статуэтка, очень небольшая, издавна вообще плохо видно, обычно это статуэтки животных, размером один-два сантиметра, не больше. Я говорила: конечно, он в рукаве прячет, а народ верит — если уж человек приехал в ашрам, то готов поверить во что угодно, их там «преданными» называют, а когда стоишь в толпе, и все такие возбужденные, радостные... Преданные, да. Эффект толпы. Любой фокус покажется волшебством... Что? Нет, это я о себе, Олежек как раз все наоборот говорил. Верил? Знаете, он не мог верить — он ведь ученый... То есть научный работник, Олежек терпеть не мог, когда я говорила «ученый». «Английские ученые открыли...» Он так сердился! Что, мол, это значит — английские ученые? Во-первых, не ученые, а научные работники, и у всех своя специальность — физики, химики, астрономы. А во-вторых, вообще нельзя так писать, нужно называть имена, университеты.

Что значит — английские? Они же где-то работают. Нет, это я просто... Олежек во всем любил точность и ни во что не верил, он всегда говорил: «Наука — не вопрос веры, это тебе не религия, в науке или ты знаешь что-то или не знаешь». Он считал, что Пери-баба что-то умел на самом деле, чего не умел, может быть, кроме него никто. Научная загадка, да. Он потому и мечтал поехать в ашрам... Нет, совсем не для того, чтобы разоблачить, наоборот, хотел посмотреть и заснять на камеру... Что? Конечно, он же сам приборы собирал и цифровую камеру переделал, она могла работать в ускоренном режиме, ну, я не знаю, как он... ничего в этом не понимаю. С собой в Индию он взял... да, камеру, конечно, фотоаппарат тоже, обычный, «Никон»-телевик, и еще какая-то штука у него была, Олежек сказал, что это таймер такой, знаете, — измерять очень маленькие интервалы времени, чуть ли не... Вот-вот: те самые фемтосекунды, такое уродливое слово. Нет, я не спрашивала — если ему нужно, мне-то какая разница? Поймите, он поехал, чтобы не просто на Пери-бабу посмотреть и вместе со всеми медитировать, он ненавидел толпу, но другого выхода... Да, это Олежек говорил: «Нет другого выхода, я хочу померить на месте все параметры, это чисто научный феномен, и никто его толком не изучает». Что? Я не знаю... Конечно, в ашраме контроль, но Олежек не вез с собой ничего такого... опасного, я имею в виду. Ну, камера — специальная, но всего лишь камера, он любому мог продемонстрировать. Пара приборов еще — их тоже на любом контроле могли проверить, что нет там ничего такого... И никого он не собирался разоблачать, это я от себя говорю: шарлатанство типа, фокусы... Олежек был уверен, что Пери-баба действительно... Нет, верить он не верил, я же вам говорю, он совсем иначе к этому феномену относился, при чем здесь вера? Он и самому Пери-бабе это сказал, наверно, когда был на аудиенции...

* * *

— Спасибо, Вера Владимировна, вы нам очень помогли.

— Ну, не знаю... Если вы считаете... Послушайте, вы можете... Закрытая зона, все такое... Но неужели нельзя устроить... Я должна... Вы не понимаете...

— Я все понимаю, Вера Владимировна. Постараюсь сделать для вас, что смогу, — правда, возможности мои невелики, я всего лишь следователь-эксперт, причем по проблемам, связанным с наукой, а не... Там пока тридцатимильная зона

отчуждения. Вы и сами видели по телевизору, верно? Когда расследование закончится, то, наверно, пустят и родственников, хотя... для вас это только лишняя травма. Поймите, там в центре...

— Господи, да знаю я все! Но ведь он там остался, Олежек, тела его нет, но там его душа, вы должны понимать, вы же сами русский, верно, я не ошибаюсь?

— Д-да.

— Пожалуйста, прошу вас...

— Хорошо, Вера Владимировна, обещаю... Вы можете ответить еще на пару вопросов?

— Но вы сказали, что уже...

— Извините, мне сейчас пришло в голову. Да это и не имеет отношения... Просто научная любознательность.

— Господин Немиров, мы закончили.

— С делами закончили, но мне интересно совсем другое. Можно?

— Не знаю... Если Вера Владимировна не против...

— Я вот о чем. У Олега, вы говорили, было хобби. Многомировая теория, да? Я этим интересовался в свое время, читал кое-что, потому и спрашиваю. У Олега были публикации? Можно что-то прочитать?

— Нет... То есть, он писал какую-то работу, я знаю. Обсуждал с Самвелом, вы лучше у него спросите, я в этом ничего не понимаю.

— Господина Саркисяна сейчас нет в Москве, он уехал в какой-то город в Армении, там и связи мобильной нет. Я, собственно, что хочу... В Интернете никакой информации о каких бы то ни было публикациях Олега я не нашел, в русских научных журналах тоже ничего.

— Конечно! Олег очень ответственно... Знаете, как относятся научные... ну, когда какой-то дилетант вдруг врывается... Олег для физиков-теоретиков, конечно, был дилетантом. У него ведь и степень по техническим наукам. Его бы и не опубликовали ни в одном приличном журнале, рецензент статью точно заporол бы.

— Вы так в этом уверены? Если статья хорошая...

— Господи, да кто определяет — хорошая или нет? Что значит — хорошая? Если в статье новые идеи, и если автор не специалист — в том смысле, что степени по физике у него нет, и окончил он не физфак, а научное приборостроение, инженерная профессия...

— Да, я понимаю, сам с таким отношением сталкивался... давно, когда еще в университете работал. Я же не сразу в Интерпол пришел, семь лет преподавал физику в Сорбонне. Так что хорошо понимаю, как это бывает. Хотя что-то осталось от статьи? Черновики?

— Нет. Ничего. У Олежка все было в ноутбуке, а ноут, вы знаете...

— Да-да. Но, может, он еще где-то записывал?

— Нет. Точно — нигде.

— Жаль. Если это так интересно, я мог бы посодействовать публикации в «Физикл леттерс».

— Олежек говорил знаете что? Типа: мы так привыкли, что в современной физике эксперимент — это обязательно огромные аппараты, коллективы сотрудников, «один в поле не воин», это раньше, знаете, можно было собрать на столе приборчик, пропустить ток и сделать открытие, а сейчас нужно, чтобы двести человек работали три года, и в результате получите какую-то восьмую поправку к третьему приближению...

— Да, это так. Современные эксперименты в физике — штука очень дорогостоящая.

— Нет! То есть, Олежек говорил, что сейчас физика возвращается к истокам, ну, вроде опять можно ставить эксперименты на столе и приборы использовать самые простые, и сделать открытие. Ренессанс, да. Олежек так говорил. Потому что...

— Да?

— Вы хотите, чтобы я вспомнила? Лучше спросите у Самвела.

— Он сейчас недоступен для связи. Я просто хотел понять, кем был Олег. Он ведь сделал открытие, я прав?

— Наверно... Олежек знает что сказал, вот я вспомнила! За день до отлета. Мы вещи собирали, я его заставляла взять три рубашки, а он рубашки вообще не хотел, только майки, знаете, такие — широкие, мне они очень не нравились, Олежек в майке становился похож на дядю Васю-сантехника, извините. А он говорил: там такая жара... И все вещи, что я клала, из чемодана выбрасывал. Там, правда, должен был ноутбук поместиться и камера, и еще прибор для измерения времени, Олежек хотел заснять процесс — как Пери-баба предметы материализует. Тогда он и сказал, типа, если получится, то это будет такое открытие, что и статью можно закончить, и, может, тогда рецензенты, наконец, смысл поймут, а не станут твердить, как попки:

не специалист, не специалист... В физике сейчас новая жизнь начинается, или, может, старая, все, типа, по спирали.

— Эксперимент... Вы думаете, он имел в виду свое хобби? Многомировую интерпретацию?

— Эвереттику. Он говорил — эвереттику.

— Если он об этом писал статью, то не вижу, почему рецензенты должны были ее отвергнуть. Потому, что в ней не было ничего нового?

— Как же не было? Не знаю... Может, не было. Нет, не может, чтобы не было!

— Вот и я так думаю. Должна была быть какая-то идея. Новая. Идея эксперимента в области многомировой интерпретации. Для этого Олег и прибор свой построил. И в Индию поехал, чтобы эксперимент поставить.

— Вы думаете?

— Разве не очевидно? Олег интересовался физическим Многомирием. И приборостроением. Пери-баба материализовывал предметы и раздаривал «преданным». Вы говорите — фокусы. А Олег наверняка думал, что Пери-баба, один из очень немногих людей на планете, мог действительно... нет, не творить предметы из ничего, это действительно чепуха, а соединять ветви Многомирия. Это называется склейкой — разные ветви в каком-то месте в какое-то время соприкасаются друг с другом, будто склеиваются на мгновение, и тогда предмет из одной реальности может оказаться в другой. В теории склейки всегда случайны. А что, если существуют люди, которые могут по своей воле склеивать реальности?

— Точно! Олежек об этом с Самвелом и спорил! Самвел говорил, что склейки — психологический феномен, что-то там с моментом выбора реальности, а Олежек — что это физика, психология тут вторична, и еще...

— Да?

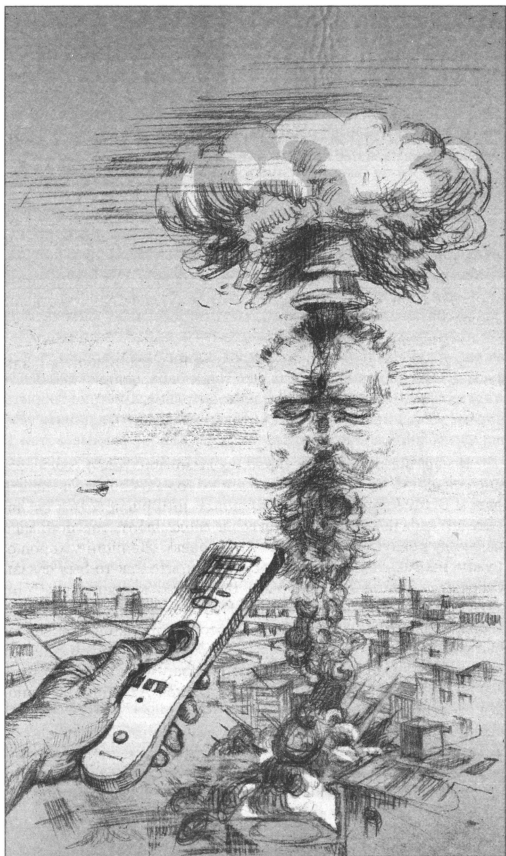
— Погодите... Дайте вспомнить. Вы думаете, Олежек для этого свой прибор взял? Чтобы измерить, как Пери-баба...

— Примерно. По-моему, так. Но... Вы что-то хотели вспомнить.

— Господин Немиров, давайте больше не будем мучить Веру Владимировну! У вас есть конкретные вопросы по делу?

— Игорь, еще минуту. Я заканчиваю. Вера Владимировна, вы хотели вспомнить...

— Да вспомнила я! Это о психологии. В последний раз, когда Самвел у нас был, они спорили, а когда Самвел ушел, мы с

Олежком... неважно... я только хочу сказать, что Олежек был такой задумчивый... Как же он тогда сказал? Да. Типа: хорошо, что законы природы нас оберегают, а то наша психология давно всех убила бы. Я спросила: как психология может убить? Олежек засмеялся, очень даже просто, говорит, ведь существует мировая симметрия, и никакая психология ее нарушить не в состоянии. Мы бы, типа, и секунды не прожили, если бы физика не была первична, а психология — вторична.

— Все, господин Немиров, нам пора уходить, Вера Владимировна устала.

— Ничего, я...

— Мы уходим. Господин Немиров вас больше не побеспокоит.

— Вера Владимировна... Простите меня, я всего лишь делал свою работу и понимаю ваше состояние... Олег ведь тоже делал свою работу, как он ее понимал.

— Господин Немиров!

— Да-да, уходим. До свиданья, Вера Владимировна. Дай вам Бог счастья...

К машине шли молча. Француз демонстративно сел на заднее сидение. Ну и ладно, Катасонову тоже не хотелось сидеть рядом с этим вощенным, показушным интерполовским следователем, делающим, как он сказал, свою работу, не понимая, какую душевную травму наносит человеку. Женщине. Хорошо, нужно им там для отчета опросить всех, кто как-то был связан с людьми, погибшими в ашраме. Воссоздать картину трагедии. Но в душу-то лезть зачем? Может, Немиров решил, что Акчурин взорвал ашрам своим прибором, который только и был способен измерять время? Если Пери-баба действительно мухлевал, вытаскивая золотые статуэтки из рукава, будто какой-нибудь факир, то своей камерой и своим счетчиком Акчурин, конечно, это зарегистрировал бы. Случился бы скандал. А так... Взрыв, все погибли — о Пери-бабе теперь везде пишут, как о святом великомученике. Об Акчурине никто, кстати, не написал, даже коллеги не изволили опубликовать некролог — был человек, и нет человека. Только жена о нем и помнит, только она убивается, и зачем напоминать ей о лучших временах, когда ее любимый был жив и счастлив?

— В отель? — спросил Катасонов, не оборачиваясь.

Немиров зашевелился на заднем сидении, пробормотал что-то.

— Не понял, — сказал Катасонов.

— Да. В отель.

Поехали — медленно, передвигаясь от пробки к пробке, перестраиваясь из ряда в ряд, замирая перед красным сигналом светофора. Немирову казалось, что вся нынешняя Москва — один большой красный сигнал, требующий остановиться, выйти из машины, пойти пешком, и тогда она откроется, покажет свои лучшие качества, которые не видны, если сидеть на заднем сидении автомобиля и видеть одни только так же застрявшие в пробке машины и в отдалении — дома, верхние этажи и небо, в котором Немирову почему-то не хватало грозowych туч, черных, пугающих и желанных. Парило третий день, а гроза так и не собралась.

— У вас самолет завтра в восемь пятнадцать, — напомнил Катасонов. — Я заеду за вами в шесть, иначе не успеем.

— Спасибо, — буркнул Немиров. — Наверно, вам это не очень удобно? Такая рань... Я закажу такси. Или ваше начальство желает убедиться, что я улечу?

Катасонов промолчал.

— Через месяц, — продолжал Немиров, — статус закрытой зоны будет снят, и туда устремятся туристы и всякие... любопытные. Вера Владимировна захочет поехать.

Катасонов пожал плечами, не заботясь о том, видит ли Немиров его жест.

— Скорее всего, у нее не будет достаточно денег для такого путешествия. Евросоюз может помочь с финансированием.

— Спасибо, — саркастически сказал Катасонов. — Не думаю, что это хорошая идея. Кстати, чтобы подъехать прямо к подъезду, надо сделать круг, а на Тверской сейчас пробки.

— Я выйду здесь, — понял намек Немиров. — Спасибо за содействие. Вы мне не очень мешали.

— Всего хорошего, — с облегчением сказал Катасонов. — Теперь вы, конечно, знаете, кто и как взорвал ашрам Пери-бабы.

Он надеялся, что в голосе его прозвучало достаточно сарказма и упрека и что интонацией он дал понять этому русскому французу, что нельзя, не по-людски заставлять женщину вспоминать то, что ей, по идее, сейчас нужно забыть.

— Да, — прозвучало с заднего сидения. — Теперь знаю.

Катасонов посмотрел в зеркальце, не смог ничего прочесть на постном лице интерполовца и обернулся. Немиров

сидел, забившись в угол, сложил на груди руки и думал, похоже, о чем-то своем. Наверно, даже не расслышал толком слов Катасонова.

— Да-да, я выйду здесь, — быстро сказал он и поднял лежавший рядом на сидении кейс.

Немиров захлопнул за собой дверцу и быстро зашагал в сторону Тверской, не попрощавшись и ни разу не оглянувшись.

* * *

В номере было прохладно, а из окон, выходивших на юг, видны были наступавшие на Москву тучи — как армия, собравшаяся взять город штурмом: впереди быстро мчались легкие облачка, сталкивавшиеся друг с другом и превращавшиеся в серые крутящи с опущенными вниз краями, а за ними надвигалась армада, черная, с серыми прожилками.

— Садитесь, — предложил Немиров неожиданному гостю. — Вообще-то я собирался принять душ и постоять на балконе. Гроза в Москве — это то, что я хотел увидеть. Нет, скорее почувствовать, если вы понимаете, что я имею в виду.

— Понимаю, — неуверенно произнес Катасонов, усаживаясь в кресло так, чтобы видеть и небо за окнами, и своего визави, с недовольным видом стоявшего посреди комнаты с полотенцем в руке.

— Чему обязан? — сухо спросил Немиров.

— Вы сказали, что знаете, кто взорвал ашрам, — напомнил Катасонов.

Немиров бросил полотенце на кровать, подошел к окну и долго стоял, вглядываясь в черневшее небо.

— Знаю, — сказал он, наконец. — Собственно, я предполагал это еще тогда, когда в Париже докладывал комиссару свой анализ происшедшего. Потому в Москву и послали именно меня, хотя, как вам известно, практической следственной работой я никогда не занимался. Я аналитик.

— Знаю, — кивнул Катасонов. — Потому нас и заинтересовало ваше желание провести беседу с Акчуриной. Почему вы?

— А почему вы? — не оборачиваясь, спросил Немиров. — Играем в открытую? Вы тоже не оперативный работник, почему именно вам поручили опекать меня?

Катасонов промолчал.

— Хорошо, — вздохнул Немиров. — Ваш вопрос первый, мне отвечать. Вы, конечно, знаете, что я двадцать лет работаю в

аналитическом отделе Интерпола. Время от времени, примерно раз в два года, вряд ли чаще, меня привлекают к расследованию не в качестве эксперта, а для работы в следственной группе — если, скажем, нужно участвовать в допросе ученого, и преступление, в котором его подозревают, как-то связано с научной деятельностью. Кстати, таких преступлений не так уж мало на самом деле, общественность это не очень интересует, не эффективно: подумаешь, кто-то присвоил результаты чьих-то еще не опубликованных исследований, взял патент, переехал в другую страну... и так далее. Когда погибли люди в ашраме, с самого начала предполагалось, что это теракт. Ни у кого не было опыта в расследовании подобных дел. Первый такой мегатеракт в истории, да... Но уже после сведения в систему информации со спутников стало ясно, что никто на Земле не мог устроить такой взрыв. Когда исключили версию атомной или термоядерной атаки, когда поняли, что это была аннигиляция примерно ста граммов антивещества... В общем, примерно через неделю стало понятно, что никаких идей нет. Просто нет, понимаете?

Пока мы ломали головы над физикой взрыва, наши коллеги-оперативники отработывали свидетельские показания. Живых свидетелей не осталось, конечно. Кроме тех, кто наблюдал взрыв с расстояния в десятки километров и ничего, кроме криков «Ужасно! Атомный гриб! Кошмар!» сказать не мог. Дней через пять стали опрашивать всех, кто имел какой-то контакт с погибшими. В ашраме погиб россиянин — некий Акчурин, физик-инженер. Естественно, следователи провели поиск в Интернете и к коллегам Акчурина обращались по электронной почте. Когда данные попали, наконец, к нам в аналитический отдел, то было уже известно, что Акчурин — прекрасный приборист, способный не только сконструировать, но и собрать своими руками чрезвычайно точную аппаратуру.

— Ну и что? — не удержался от замечания Катасонов. — Это все и нам было известно. Львиную долю информации об Акчурине Интерпол получил от нас. Ну, конструировал приборы. И что? Повез в Индию свой прибор — и что? На въезде в ашрам прибор был проверен, там не простаки сидят, опасности никто не усмотрел, иначе Акчурина не пустили бы на территорию. Ничего даже близко похожего на антивещество.

— Конечно, нет! О чем вы? Чепуха какая! Игорь, вы же физик, не нужно вешать мне на уши лапшу, будто вас ко мне представили исключительно для помощи, вы физтех окончили, я прав?

Катасонов удивленно посмотрел на собеседника.

— И Саркисяна ведь это ваша... как тут говорят... контора, да? Это ваша контора отправила Саркисяна в Армению, где связь с ним была временно утеряна. Кто-то очень не хотел, чтобы я с ним связался, а против моего разговора с Акчуриной возражать не стали. Не знаю, какие идеи бродили в головах ваших экспертов, но не надо мне говорить, что у вас это вообще не обсуждалось!

— Обсуждалось, — признал Катасонов.

— Неужели вы не пришли раньше меня к тем же выводам?

— К каким? — Катасонов непонимающе посмотрел на ви-зави, и Немиров с удивлением понял, что до сих пор недооценивал человека, навязанного ему в сопровождающие. Он ведь физик, был неплохим ученым, перестал заниматься активной научной деятельностью в области квантовой химии лет десять назад — видимо, тогда и перешел работать в органы безопасности. Бог знает, чем он в органах занимался, но, скорее всего, чем-то, связанным с наукой. Эксперт. Умный человек. Наверняка изучил все, что у них в органах есть об Акчурине. Наверняка говорил с Саркисяном и наверняка пришел к каким-то выводам, иначе не было смысла ограждать Саркисяна от разговора со следователем Интерпола. Размышляя о результатах поездки в Москву, Немиров еще вчера решил, что, скорее всего, Катасонову прекрасно известно то, к чему он пришел только сейчас, услышав рассказ Акчуриной и сопоставив факты с теориями. Если так, какой смысл Катасонову изображать из себя невежду?

Немиров прислонился спиной к теплomu оконному стеклу, он должен был принять решение — рассказать Катасонову о своих выводах или, как и тот, сыграть в незнание. Пусть в Париже решают — что говорить, что скрыть. Он свою работу закончил, а дальше...

— Хорошо, — вздохнул Немиров. — Я вам скажу, потому что... понимаете, Игорь, каждый должен решать сам. И не только за себя. Вы думаете, это можно сохранить в секрете? Только умоляю, не делайте вид, будто вы так и не поняли, что произошло в ашраме. Вы были хорошим физиком.

— Господин Немиров, — сухо произнес Катасонов. — Пожалуйста, если вы что-то хотите сказать, не изъясняйтесь намеками.

— Хорошо. Мой вывод: взрыв в ашраме устроил Акчурин...

— Глупости! — воскликнул Катасонов.

— ...вовсе того не желая. Он проводил эксперимент и был уверен, что все закончится благополучно. Акчури́н был цельным человеком, все в его характере и поступках было едино, и чтобы его понять, нужно учесть все составляющие.

— Послушайте, господин Немиров...

— Нет, теперь вы меня послушайте, Игорь! — возвысил голос француз и шагнул вперед, теперь он нависал над Катасоновым, оперся ладонью о ручку кресла, а другую ладонь положил Катасонову на плечо, будто пригвоздил его, заставляя сидеть и слушать. — Вы меня вызвали на этот разговор. Акчури́н был прекрасным физиком-прибористом, это раз. Второе: у него было хобби — многомировая интерпретация квантовой физики. В России придумали название — эвереттика по имени Хью Эверетта, вы знаете, конечно. И третье: Акчури́н мечтал посетить Индию и своими глазами увидеть великого гуру Пери-бабу. Все. Больше ничего не нужно знать для решения задачи.

— Ничего? — повторил Катасонов, пытаясь сбросить со своего плеча ладонь Немирова. Впрочем, он не очень-то и старался, скорее делал вид, а на самом деле вялым своим движением заставил француза, убедившегося в своей силе, говорить более раскованно.

— Ничего, — кивнул Немиров. — Естественно, нужны детали. Какие именно приборы конструировал Акчури́н? Какие именно идеи были у него в эвереттике? Что именно интересовало его в личности Пери-бабы? Что ж, все сходится, и я не понимаю, почему вы делаете вид, будто... Хорошо, если вам так удобнее, продолжу. Вы, конечно, помните, что Вера Владимировна говорила о том... точнее, не она, конечно, говорила, а ее муж... о том, что наука нынче возвращается на новом витке спирали развития к тем временам, когда открытия можно было делать в одиночку. Галилей открыл законы падения тел, бросая предметы с Пизанской башни и замеряя время падения. Гюйгенс открыл законы отражения и преломления света, Ньютон — законы механики, примеров можно привести множество, но в двадцатом веке это ушло в прошлое, настало время громадных установок, экспериментов, в которых невозможно было получить результат без участия десятков, если не сотен сотрудников. После работы Эверетта все изменилось, хотя в середине прошлого века этого еще не понимали. Что главное в теории Многомирия? Сознание. Наблюдатель. Вот ключевые слова. Если Многомирие существует, то каждый наш выбор приводит к появлению новых ветвей бесконечного мироздания. Выбирает

наше сознание, выбирает наблюдатель, проводящий эксперимент, выбирает каждый из нас — ежедневно, ежеминутно. Я положил ладонь на ваше плечо, но мог и не положить, верно? Значит, возникла другая ветвь, где я только подошел к вам, чтобы лучше слышать, но не стал до вас дотрагиваться... как сейчас.

Катасонов все же сделал движение, и рука француза упала с его плеча. Легче, впрочем, не стало. Он слишком много говорит, француз. Волнуется? Конечно. Сейчас скажет: «И эти ветви единого мироздания могут время от времени склеиваться, соприкасаться»...

— Эти ветви, эти миры существуют не независимо, — сказал Немиров. — Время от времени они соприкасаются, это называется склейкой, и может случиться так, что ваши очки, всегда лежавшие на столе, вдруг исчезнут, и вы не сможете их найти. Станете грешить на домашних, которые не хотят признаться, а на самом деле произошла склейка, и в другой ветви Многомирия другой вы не можете понять, откуда взялась вторая пара очков...

— Рене, — раздраженно прервал Катасонов, — зачем вы... Я все это знаю. Вы знаете, что я это знаю. Переходите к...

— О! Замечательно! Я ждал, что вы не станете выслушивать банальности из теории Многомирия и признаете, что вам они хорошо известны.

— Послушайте...

— Я продолжаю! В теории все это красиво: ветвление мироздания, множество миров, возникающих всякий раз, когда происходит процесс, допускающий не один, а два или больше вариантов выбора. Но как доказать, что теория верна? Допустим, что склейки действительно существуют. Вы обнаружили лишнюю пару очков. Это — доказательство? Нет, вам скажут: вы попросту забыли, что у вас была вторая пара... Но вернемся к Акчурину. Он говорил о том, что в наше время для открытий в науке не нужны большие коллективы. Вы понимаете, что он имел в виду — эксперимент, доказывающий существование Многомирия. Если наше сознание создает в Многомирии новые ветви, то наше сознание и должно стать тем прибором, с помощью которого удастся найти искомое доказательство.

— И что тут нового? — не удержался от реплики Катасонов. — Сознание, да. Вы подумали — перейти улицу на красный свет или дождаться зеленого. Решили пойти на красный, и в тот же момент возникла ветвь, где вы решили все-таки подождать,

пока зажжется зеленый. Как вы докажете, что обе эти ветви реально существуют?

— Я-то никак, — пожал плечами Немиров, — я не занимался этой проблемой, в отличие от Акчурина. А у него были любопытные идеи. Помните, Вера Владимировна упомянула, что ее Олежек говорил о законе симметрии? О какой симметрии мог говорить физик? Самая простая и самая устойчивая физическая симметрия — зарядовая. Вещество и антивещество. Материя и антиматерия. Во Вселенной на самых ранних стадиях количество вещества и антивещества должно было быть одинаковым, но мы живем в мире, где антивещества нет. Почему? Как вам такая гипотеза: когда вы делаете выбор и возникают две новые ветви, то непременно одна ветвь получается из материи, а другая — из антиматерии. Очередной акт ветвления вновь создает вселенную и антивселенную. Закон симметрии. Вы выбираете: перейти улицу или подождать. В результате возникают две вселенные — в одной вы перешли улицу, в другой — нет. Но кто скажет, какая ветвь получилась из обычной материи, а какая из антиматерии? В каждой из ветвей вы будете считать свою вселенную состоящей из обычного вещества, верно?

— Любопытная идея, — пробормотал Катасонов. — Непротиворечивая, да.

— Конечно! Но если существует закон симметрии, то возникает противоречие. Склейки! Какие, к чертям собачьим, могут быть склейки между мирами, если они, эти миры, случайным образом перемешаны, и склейка может с большой вероятностью произойти не с обычной ветвью, а с антимиром? Очки, оказавшиеся у вас на столе, окажутся из антивещества, и... понятно, что произойдет.

— Понятно, — кивнул Катасонов. — А поскольку этого не происходит, то нарушается главнейший физический закон — закон зарядовой симметрии, и тогда вся теория Многомирия летит к чертям, потому что...

— Ну, право! Вы меня провоцируете? Ничего не летит, надо только добавить к закону симметрии другой важнейший физический закон — закон сохранения: склейки могут происходить только в том случае, если ветви относительно друг друга состоят из материи одного вида. Миры могут склеиваться с мирами, антимир — с антимирами. Именно такой вывод, скорее всего, и сделал Акчурин в своей неопубликованной статье.

— Которую вы не читали, — подхватил Катасонов.

— Не читал, — согласился француз, — но, судя по дальнейшим действиям Акчурина, именно такое предположение он выдвинул и на нем построил решающий эксперимент, доказывающий, что существует не только Многомирие, но и сохранение в нем зарядовой симметрии.

За окном громыхнуло, и Катасонов поднялся, чтобы посмотреть, начался ли уже ливень. Нет, туча, шедшая с востока, закрыла пока полнеба, удивительным образом создав четкую границу между ярким солнечным днем и бесцветным мраком. Солнца видно не было, туча поглотила его, будто крокодил из сказки Чуковского, но синее море неба, хотя и отступило, но все еще сопротивлялось челюстям, и бежавшие впереди тучи светло-серые быстрые облачка показались Катасонову выбитыми у монстра зубами. Странная ассоциация, подумал он, и, обернувшись, обнаружил, что Немиров стоит рядом, чуть позади, и тоже смотрит в небо.

— В общем-то, вы правы, конечно, — сказал Катасонов, повернувшись к окну спиной и с легким удивлением обнаружив, что тень от тучи поделила странным образом надвое и фигуру Немирова: левая его сторона была освещена ярко-голубым отражением небесной выси, а правая выглядела темной, будто француз надел костюм шута, не хватало только бубенцов и островерхой шапки. Тень сдвинулась, впечатление растаяло, и Катасонов продолжил начатую фразу:

— Не хочу больше делать вид, будто не очень хорошо понимаю, что вы мне рассказываете. Будем дорожить временем? Вы действительно разобрались в проблеме.

— Слава Богу, — облегченно выдохнул Немиров. — Мне уже начало казаться, что я говорю в пустоту. Вы допросили Саркисяна?

— Естественно.

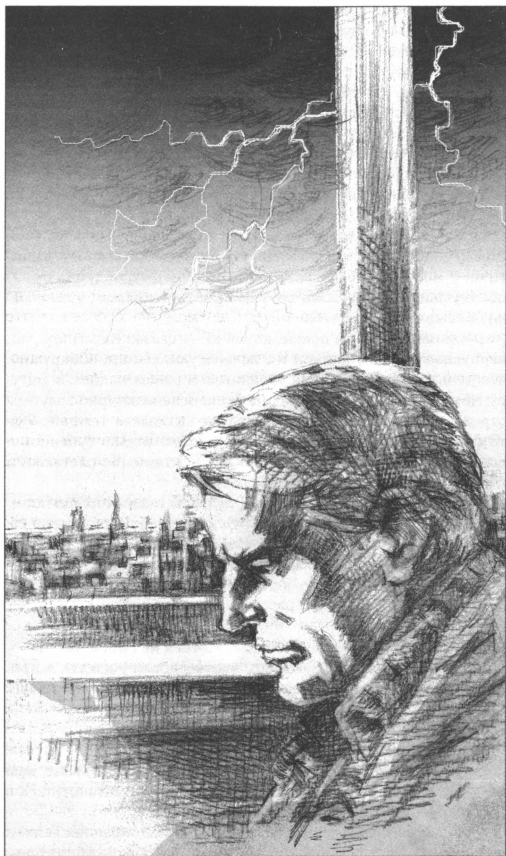
— И отправили его в Армению, чтобы я не смог с ним пообщаться? Вам, наверно, известно, что Интерпол посылал запросы на беседы с Акчуриной и Саркисяном, но получил разрешение только на разговор с женщиной.

— Да, я знаю, — не стал отпираться Катасонов.

— Мы могли бы еще вчера...

— Не могли, — отрезал Катасонов. — Видите ли, Рене, нам ничего не было известно о том, как далеко вы продвинулись в расследовании.

— Вы убеждали меня, что я, как садист, допрашиваю женщину, потерявшую любимого человека, — с горькой досадой

произнес Немиров. — В то время, как вы, похоже, говорили с ней прежде и с не меньшим пристрастием.

— Нет, — покачал головой Катасонов. — С ней никто не говорил, уверяю вас. Достаточно оказалось Саркисяна.

— То есть, — голос Немирова стал жестким, — вы уже какое-то время знаете причину взрыва в ашраме, но не сделали ровно ничего, чтобы проинформировать...

— Простите, Рене, ваш сарказм не по адресу. Я эксперт. Принимать решения — не мой уровень. Делаю, что приказывают.

— Хорошо, — сказал Немиров после минутного молчания. — Бессмысленный спор, вы правы. Я тоже принимаю решения не сам. Как я понял, вам разрешено поделиться со мной информацией, для начала проверив, насколько далеко я зашел в решении проблемы. Так?

Катасонов налил себе минеральной воды из стоявшей на журнальном столике высокой бутылки и выпил, сделав вид, что не расслышал вопроса.

— Похоже, — вздохнул Немиров, — мы оба пришли к одному выводу: взрыв в ашраме произошел по вине Акчурина.

— Вы уверены, что здесь применимо понятие вины?

— Убийство по неосторожности в ходе научного эксперимента — такое же убийство, и, если бы Акчурин не погиб, ему пришлось бы предстать перед судом, или вы в этом сомневаетесь?

— Сомневаюсь, — с легкой насмешкой сказал Катасонов. — Если бы Акчурина посчастливилось выжить — хотя, честно говоря, не знаю, как бы ему это удалось, — вряд ли его фамилия попала бы в прессу. В России точно не попала бы.

— Да, это вы умеете, — пробормотал Немиров, и Катасонов опять сделал вид, будто не расслышал.

— Итак, — сказал он, — как, вы полагаете, все происходило?

— Беседа с Саркисяном поставила бы все точки над *i*, — сказал Немиров, — но и так достаточно ясно... Акчурин на досуге занимается многомировой теорией или, как говорят в России, звереттикой. Выдвигает идею о зарядовой симметрии ветвлений: во время любого физического процесса, имеющего больше одного варианта развития, возникают мир и антимир, как при распаде фотона, когда рождается пара электрон-позитрон. При следующем ветвлении антимир опять делится на мир (то есть, антимир — по отношению к нашей ветви) и антимир (ветвь, которая для нас является обычным миром). И так всякий раз.

В бесконечном Многомирии половина миров — обычная, а другая половина — антивселенные.

Немиров сделал паузу, и Катасонов кивком головы подтвердил сказанное: продолжайте, мол, пока все правильно.

— Возникает проблема: если склейки между ветвями происходят хаотически, как это предполагалось в теории, то по чистой случайности миры и антимирры должны постоянно аннигилировать, и через какое-то достаточно короткое время от Многомирия, скорее всего, ничего не осталось бы, кроме жестких гамма-квантов, которые в расширяющихся вселенных постепенно создали бы обычный микроволновый фон. И ничего более — ни галактик, ни звезд, ни планет... А поскольку этого не происходит, значит, в природе существует запрет на склейки ветвей, состоящих из материи и антиматерии. Скажем, как в газе фермионов — две частицы не могут одновременно находиться в одном квантовом состоянии, это запрещено физическим законом.

— Любопытная аналогия, — улыбнулся Катасонов. — Вам сейчас пришло в голову?

— Сейчас, — не стал отпираться Немиров. — Не знаю, придумал бы Акчурин идею эксперимента, если бы не его увлечение индуизмом, если бы не его мечта посетить ашрам. Закон природы запрещает случайные склейки между ветвями и антиветвями, верно? Но если провести склейку целенаправленно? На Земле есть люди, их мало, но они есть, которые могут, сами того, скорее всего, не понимая, склеивать миры — как тот же Пери-баба. Откуда в его руке появляются золотые статуэтки? Что значит — он их материализует? Они возникают из ничего — так это представляется зрителям. Но что, если Пери-баба умеет склеивать миры и доставать свои артефакты из других ветвей Многомирия? Он ничего не знает, конечно, ни об Эверетте, ни о многомировой теории, действия его импульсивны и рефлекторны, но какая разница — он это умеет. И жив он был до сих пор только потому, что поступал именно рефлекторно, случайным образом, позволяя действовать закону природы, который Акчурин назвал... Кстати, как он этот закон назвал? Вы читали его работу, а я — нет.

— Не читал я ничего, — буркнул Катасонов. — Вы же знаете: ни в редакции журналов, ни в сетевые издания Акчурин статью не отправлял, а информация, содержавшаяся в его ноутбуке, погибла вместе с ним. Я знаю только то, что рассказал Саркисян.

— Что он рассказал?

— Никаких названий. Тот, кто теперь заново этот закон откроет, сможет назвать его по-своему.

— Почему бы вам не... Вы же физик.

— Исключено, и не будем говорить об этом. Может, вы? Вы тоже физик.

— Нет, — твердо сказал Немиров. — Это не мое. Очень интересно, но... нет. Мне бы завершить расследование и отчитаться... Ладно. Я хочу сказать, что Пери-баба, один из немногих на планете, кто способен производить склейки целенаправленно.

— Был, — поправил Катасонов.

— Что? Да, был... Он взмахивал рукой, хотя мог, наверно, обойтись без показухи, просто сделать мысленное усилие... Выбор реальности. Но он все-таки на публику работал... Да, взмахивал, и в его ладони оказывалась золотая статуэтка из другой ветви Многомирия. Закон... давайте, я буду называть его законом Акчурина... закон Акчурина действовал, и статуэтка оказывалась из обычной материи, все нормально. Но достаточно было Пери-бабе знать... просто знать о возможности антимиров, антиветвей... и он подсознательно мог вызвать статуэтку из антивещества. Это стало бы однозначным доказательством того, что ветвления существуют, что Многомирие — не просто красивая физическая теория. Не знаю, о чем подумал Акчурин, когда эта идея пришла ему в голову...

— Могу сказать, — Катасонов налил себе еще минералки, сейчас он с большим удовольствием принял бы сто граммов, и не коньяка, как этот француз, а водки, чтобы мысли в голове текли правильно, а не как им заблагорассудится.

— Могу сказать, — повторил он. — Акчурин обсуждал это с Саркисяном довольно детально. Он был в восторге. Именно это слово использовал Саркисян, когда рассказывал мне о том разговоре. Акчурин, по его словам, радовался, как ребенок, — это была замечательная идея прямого доказательства...

— Ценой гибели сотен людей? — поразился Немиров. — И себя? И Пери-бабы?

— Что вы, в самом деле! Он и не думал ни о чем подобном. Рене, вы провоцируете? Хотите, чтобы я... Да вы сами можете рассказать, как поступил Акчурин!

— Пожалуй... Правда, я не понимаю деталей, но это пока неважно. Акчурин полагал, что сумеет поговорить с Пери-бабой, добиться аудиенции, некоторые добивались, кое с кем Пери-баба действительно встречался лично. Вера Владимировна сказала, что Олег был у гуру вечером перед... Значит, Акчурин

действительно убедил гуру вызвать склейку с антивещью. Взять в руки антистатуэтку.

— И гуру согласился стать самоубийцей? Ну, знаете...

— Конечно, нет. Акчурин убедил его, что опыт совершенно безопасен.

— Это каким же образом?

— Вы сами понимаете, Игорь! Акчурин привез с собой аппарат для измерения времени, как сказала Вера Владимировна. Только ли? У аппарата были, я так думаю, еще две функции: он мог регистрировать гамма-фотоны, и, кроме того, там был генератор случайных чисел. Так?

Если Немиров надеялся получить ответ на свой вопрос, его ждало разочарование: Катасонов слушал внимательно, но и только.

— Как предполагал действовать Акчурин? — вздохнув, продолжал Немиров. — Смотрите: он договорился с Пери-бабой. Возможно, тому и самому стало интересно. Как бы то ни было, при всем честном народе...

— Почему не наедине с Акчуриним? — перебил Катасонов. — Они разговаривали без свидетелей. Почему бы именно тогда...

— Без свидетелей у гуру ничего не получалось! Для создания нужного душевного состояния Пери-бабе необходима была публика, поклонение, нужны были восторженные взгляды толпы. Нет, Игорь, наедине не получилось бы. Итак, при всем народе гуру производит склейку, и в руке его оказывается статуэтка из антивещества. Масса — граммов сто, как обычно. Сколько времени занимает процесс склейки? Теория об этом не говорит, но, скорее всего, это время сравнимо с квантовым — совершенно ничтожные доли секунды. Начинается процесс аннигиляции — первые атомы антивещества сталкиваются с атомами вещества обычного, возникает ливень нейтральных пи-мезонов, которые, в свою очередь, превращаются в жесткие гамма-кванты. До появления первого гамма-кванта проходит — это в теории достаточно хорошо известно — около стомиллионной доли секунды. Пери-баба ничего еще не успевает ощутить. Акчурин — тем более. Но у него в руке прибор, способный фиксировать жесткое излучение, отмерять время и производить выбор реальности — произвольный выбор, заметьте, поскольку генератор случайных чисел разумом и сознанием не обладает. Смотрите: расстояние от гуру до Акчурина — несколько метров, да? Это расстояние фотон пробегает за стомиллионную

долю секунды. Процесс аннигиляции только-только начал развиваться, сотня-другая атомов превратилась в пи-мезоны, а первые гамма-кванты уже разлетелись по сторонам, и один из них попадает в прибор Акчурина. Этого достаточно. Срабатывает генератор случайных чисел, происходит очередное ветвление, сознание в этом не участвует, значит, это ветвление подчиняется закону, который запрещает склейки между разнозаряженными ветвями... Понимаете?

— Продолжайте, — буркнул Катасонов. — Вы так эмоционально описываете...

— Да, собственно, все. В той ветви, где оказываются Акчурин, гуру и весь остальной мир, нет никакой склейки с антиветвью, в руке у гуру обычная статуэтка, он даже ожога не успевает получить, потому что весь процесс этого двойного перехода продолжается меньше микросекунды. А люди в ашраме и вовсе ничего не замечают, все идет, как обычно. И лишь Акчурин знает, что доказательство получено, потому что видит: в момент так называемой материализации прибор зафиксировал всплеск гамма-излучения. Всего несколько фотонов, но достаточно и одного, чтобы доказать теорию, верно?

— Это вы уже фантастическую версию излагаете? — мрачно произнес Катасонов. — Как все могло произойти, если бы... А дальше — успех, публикация, признание, Нобелевка... Да?

— Полагаете, Акчурин думал о Нобелевке? — заинтересованно спросил Немиров. — Это был человек увлеченный...

— Имел одну он думы власть, одну, но пламенную страсть, — продекламировал Катасонов.

— Знаете, Игорь, это ужасно.

— Конечно, — кивнул Катасонов. — Столько людей погибло.

— Я не о том. То есть, не только о том. Вы понимаете, что происходит? Если в науке опять становится возможно с помощью элементарных экспериментов делать открытия... Если опять ученый-одиночка может, как два века назад, придумать, разработать и поставить эксперимент... Двести лет назад в случае неудачи он мог даже сам погибнуть, а сейчас... вы представляете, в какую страшную зависимость мы все попадаем от личных качеств ученого, от его профессионализма, от его мудрости, наконец?

— Представляю, — буркнул Катасонов. — А есть выход?

— Нет, конечно. Наука развивается по своим законам. Вы мне лучше скажите... Я хотел спросить об этом у Веры

Владимировны, но не стал... да еще под вашим бдительным оком. Вы бы просто не позволили ей ответить на мой вопрос.

— Какой вопрос? — с подозрением спросил Катасонов.

— Планы. Они строили совместные планы... ну, когда он из Индии вернется. Поехать куда-нибудь отдохнуть, например? Или на спектакль?

— Спросите у меня, — хмыкнул Катасонов. — Отдыхать он не собирался, отпуск использовал для поездки в Индию, и никаких конкретных планов. Если вы имеете в виду, предполагал ли Акчурин, что опыт может закончиться... м-м... так, как закончился... Нет, он не думал о такой возможности.

— Не мог не думать!

— Не думал, — повторил Катасонов. — Он был уверен в надежности своей аппаратуры. В институте экспериментальной физики об аппарате Акчурина знали многие, тайны он не делал — только о том, для чего на самом деле эта штука предназначалась, не говорил. Юстировали аппаратуру жестко, вероятность отказа была практически нулевой.

— Но прибор отказал.

— Да. И если что-то еще нужно расследовать в этом деле, то — почему прибор не сработал.

— Думаю, — сказал Немиров, — Интерпол обратится к российской стороне с предложением создать совместную комиссию. Или принять участие в международной.

— Что тут можно узнать? — удивился Катасонов. — От прибора ничего не осталось.

— Не знаю, — признался Немиров. — Это уже не в моей компетенции. Но... честно вам скажу, мне стало страшно жить. Извините, что я... Если уж мы завели разговор... Помню, лет двадцать назад много писали о том, что экспериментальная наука себя изживает. «Конец науки» Хоргана — помните?

Катасонов кивнул.

— Чепуха, — сказал он. — Страшилка. Мода была такая. «Конец истории» Фукуямы, «Конец науки»... Что-то меняется, что-то сильно меняется, но... конец?

— Привычной нам экспериментальной науке действительно пришел конец в начале нашего века, разве нет? Коллайдер размером с город, телескоп, части которого размещены на пяти континентах. Всему есть предел, основные законы природы уже открыты, ничего принципиально нового наука не обнаружит... Гигантомания как раз и означает, что экспериментальная наука зашла в тупик. И так далее. Многие и сейчас так думают. На

самом деле наука вышла на следующий виток спирали — от исследования нашей единственной Вселенной к изучению Многомирия. Оказывается, человек может создавать реальности, просто делая выбор. В свое время много спорили об ответственности ученого за сделанные им открытия. Должен Беккерель нести ответственность за открытие радиоактивности? А Ферми, Оппенгеймер, Сциллард, Сахаров, Харитон... они ведь понимали, что делали — и делали! И если бы, как сейчас, великое открытие зависело не от работы тысяч ученых, а от выбора одной-единственной личности? От того, хороший это человек или плохой...

— Законы природы от личности не зависят, — сказал Катасонов. — Если бы не Акчурин...

— Этот эксперимент провел бы кто-то другой! В том-то и проблема. Потому я и говорю: страшно жить в мире, где наука опять, но теперь уже на новом уровне, зависит от личности одного ученого... от его вменяемости.

Катасонов встал.

— Послушайте, Рене, — сказал он твердо, — я понимаю вас, но не нам с вами решать, верно? Мы должны отчитаться — каждый перед своим руководством.

— Вы перед своим уже отчитались, — горько произнес Немиров. — Отослав Саркисяна в Армению, ваше руководство ясно дало понять, что не заинтересовано в полном расследовании.

— Мы хотим сначала сами разобраться, — пояснил Катасонов. — И очень надеемся, что Интерпол на данном этапе не будет настаивать... В конце концов, результат расследования будет...

— Да Бог с ним, с результатом! — воскликнул Немиров. — Ну да, не сработал у Акчурина прибор. И мы не узнаем — почему. Но вы хоть понимаете, что мир изменился? Я уже не об ответственности ученого говорю — это отдельно. И безнадежно, потому что... Господи, не сделает один ученый, пойдет на поводу своей ответственности, так сделает другой, у кого ответственности меньше, а совести вовсе нет. Я о том, что мы живем в Многомирии, и если стал возможен такой опыт по направленному ветвлению, если доказано, что возможны склейки разных ветвей... Дальше — дело техники. Год, два, десять — и кто-то научится пересекать невидимые линии между ветвями Многомирия. Кто-то первым научится вызывать склейки так, чтобы сцеплять миры с антимирами... Все это техника.

— Ну и замечательно, — бодро сказал Катасонов. — Миллиарды миров, с которыми можно связаться. Даже не миллиарды, много больше. Вы представляете перспективы?

— Все это техника... — бормотал Немиров. — И каждый день будешь просыпаться, не зная, в какой ты реальности, и кто еще что-то учудил. Кто сошел с тропинки и раздавил бабочку.

— О чем вы? — Катасонов подошел к окну. В общем, они вроде бы все обсудили. Лишь бы интерполовец не пожелал еще раз встречаться с Акчуриной. Она-то ни при чем. Зачем ей знать, что сотни человек погибли из-за желания ее мужа доказать научную гипотезу? Из-за нелепой ошибки... которой, возможно, и не было вовсе. Может, прибор прекрасно сработал, но какой-то другой закон природы, о котором Акчурин не догадывался, проявил себя?

— Я, пожалуй, пойду, — сказал Катасонов, — а то сейчас полет, до машины не смогу добежать. Единственное, что хочу сказать: когда будете готовить доклад, подумайте о Вере Владимировне. Мы не хотим, чтобы она из пресс-релиза Интерпола узнала о том, что...

— Мир стал другим.

— Ладно, — махнул рукой Катасонов. — Прощайте, Рене.

Дверь за ним захлопнулась с неожиданно гулким стуком — будто крышка гроба.

— Он всего лишь сошел с тропинки... — бормотал Немиров. Ему казалось, что с воздухом что-то произошло, какое-то химическое изменение, настолько незначительное, неуловимое, что лишь слабый голос подсознания говорил ему о перемене. И краски — белая, серая, синяя, оранжевая, на стенах, на мебели, в небе за окном — что с ними случилось? По коже бегали мурашки. Пальцы дрожали. Всеми порами тела Немиров улавливал нечто странное, чужеродное. Будто где-то кто-то свистнул в свисток, который слышат только собаки. И его тело беззвучно откликнулось. Он понимал, что это — нервы. Слишком много эмоций он потратил, разговаривая с Акчуриной, с Катасоновым. За окном — целый мир улиц и людей. Но как отсюда определить, что это за мир теперь, что за люди? Немиров чувствовал, как они движутся там, за стенами, — словно шахматные фигурки, влекомые сухим ветром. Акчурин, — подумал Немиров, — всего лишь сошел с тропинки...

...И сверкнула молния.

Одна шестьсот двадцать седьмая процента

Рассказ

Прищури и без того узкие недобрые глаза, Китаец тщательно перетасовал колоду. Завершил тасовку заливчатской врезкой и размашистым полукругом двинул колоду по столу Гнилому — поднять. Продемонстрировав фиксатый, траченный кариесом оскал, Гнилой выполнил съём, по-жигански чиркнул спичкой о ноготь, поднёс прикурить Ершу и прикурил сам.

Морщась от смрадного дыма дешёвого босяцкого курева, Китаец раздал. Игра шла уже третий час, и пока ни одному их троих не удалось ни ухватить за горло шалавую девку Фортуны, ни закентоваться с её родным братцем — пижонистым мальчиком Фартом.

— Прошёлся, — Ёрш небрежно бросил в центр стола выдавшую виды купюру.

— Дал и я, — поддержал Гнилой, уравнив ставку. — По лобовой хожу, по тузу.

— Кайся, грешник, туз в лобешник, — усмехнулся Китаец. Прикрыв свои карты ладонью, он уколол их взглядом из-под блатного прищура. Побарабанил пальцами по столу, изображая нерешительность, и сказал: — Десять в гору, господа фраера.

Китаец отсчитал десяток купюр из лежащей перед ним стопки и вальяжно бросил их в банк.

— Замерил, — без раздумий уравнил ставку Ёрш.

Теперь настала очередь Гнилого. Мусоля в губах наполовину скуренную сигарету, он изучил свои карты, покивал нечёсаной башкой и сказал:

— Десять и сто по рогам.

— Зарыл, — сдался Китаец, бросив карты в колоду. — Сражайтесь, пацаны, наша не пляшет.

— Сто, и тебе... — Ёрш замялся, затем решительно сгрёб лежащие перед ним деньги и, не считая, двинул в банк. — И тебе всю мебель.

— Всю мебель, говоришь? — Гнилой подарил партнёру тусклый взгляд невыразительных, вечно слезящихся от трахомы глаз. — А если я оберну?

— Не пугай, пуганый, — жёстко проговорил Ёрш. — Лавэ есть? Оборачивай.

— Лавэ? — Гнилой жадно затянулся и выпустил дым через нос. — Лавэ-то есть. Он достал из внутреннего кармана засаленного пиджака внушительную пачку долларов. — Зелёные, — констатировал Гнилой. — Здесь двадцать кусков. Потянешь?

— Ни себе хрена, — присвистнул Китаец. — Ни хрена себе заварили секу.

— Сека губит человека, — согласился Гнилой. — Так потянешь?

Ёрш вновь проверил пришедшую комбинацию.

— Проиграю — должен буду, — угрюмо сказал он. — Ставь.

— В долг здесь не катают, — Гнилой заплывал окурком и бросил его на пол. — Если засадишь, ответить придётся.

— Как ответить?

— Как положено — отработаешь, — Гнилой повернулся к Китайцу. — Прав я?

— Прав, — подтвердил тот. — Просадишь — отработать придётся. Дело тебе найдём.

— Ну?! — насмешливо спросил Гнилой. — Годидзе?

— Пошло, — выдохнул Ёрш. — Ставь бабки на кон.

Не люблю я ночные смены. Впрочем, кто их любит, разве что стажёры, но у них нелюбовь к ночным сменам ещё впереди...

— Здравствуйте, Олег Саныч, — не дала додумать Галка. — Что-то вы сегодня, мне кажется, немножко помятый. Не выпались? А может быть, — Галка сделала страшные глаза, — вам кто-нибудь мешал спать? Точнее, мешала?

Ох уж эти стажёры. Тот факт, что большинство сотрудников «Ангехрана» ни с кем не спит, от них скрывают. Вернее, не то что скрывают. Шила, как известно, в мешке, тоже, как известно. Так что не скрывают, а скажем так, замалчивают. Потому что рано или поздно стажёры станут сотрудниками. И скорее рано, чем поздно. Не все, конечно, и даже не половина. Меньшая часть. И совершенно ни к чему делать эту часть ещё меньше, запугивая молодняк слухами о, прямо скажем, скудной, а то и вообще никакой интимной жизни будущего ангехранца.

— Кофе сотвори, — попросил я и, обогнув Галку, двинулся в диспетчерскую. Семён, мой сменщик, едва сдерживая зеवоту, пожал мне руку.

— Ну как? Красные в городе? — отпустил я дежурную шутку.

Красным светились точки на экране монитора, отображающего карту района. Светились лишь в том случае, если индикатор клиента диагностировал критическое состояние. То, в котором тот становился опасным для окружающих. Именно в тот момент, когда жёлтая точка краснела, и начиналась наша работа. С жёлтым цветом мы не боролись. Он означал, что клиент потенциально готов покраснеть, но пока что лишь потенциально. Ну, а специфика наших подопечных такова, что когда жёлтый цвет менялся на нейтральный зелёный, куратор лишь пожимал плечами в недоумении. Адекватное состояние клиентам «Ангехрана» было, мягко говоря, несвойственно.

— Всё, как обычно, — устало сказал Семён. — Среднестатистически. Восемь покраснений за день. Одно серьёзное, остальные так, чепуха.

— Что за серьёзное? — лениво поинтересовался я.

— Да Баран ширнулся и вылез поутру из притона. С пером.

— Баран, Баран... — принялся вспоминать я. — Это такой рыжий верзила, отмотавший червонец за вооружённое ограбление?

— Да нет. То Козёл, — у Семёна была феноменальная память. — Он же Козлов Иван Николаевич. А Баран — педофил, развратник, пятнашку строгого мотал.

— Вспомнил, — сказал я. — Давно не слышно было сволочуги. Выполз, значит, на свет божий. И что?

— Да ничего. Там все линии сходились на том, что встретит он нынче ночью малолетку. Пока альтернативную линию в третьем слое отыскал, пришлось попытеть. Так что Баран сейчас зелёный, как молодой салат.

Я кивнул. Зелёный означало, что Баран нарвался. Неважно на что. Отыскал ему Сеня линию, приведшую к упавшему на голову кирпичу или к отметелившей Барана в подворотне хулиганской кодле, мне было безразлично.

Я хлопнул сменщика по плечу и направился в только что покинутую им каморку — наш кабинет, который мы делили на троих. Третьим был Павел Ильич, ангехранец последнего, пятого уровня. Он заступал на выходные и дежурил двое суток подряд, пока мы с Сеней зализывали раны в менталитете, которыми работа охотно нас награждала.

Я уселся в кресло перед монитором, и Галка, бесшумно ступая, осторожно поставила передо мной дымящуюся чашку с кофе. Сейчас мне предстояло, как говорили в «Ангехране», «вжиться» в обстановку, процесс непростой и иногда мучительный даже для сотрудника третьего уровня. Занимает-то он всего ничего, минут десять, от силы пятнадцать, но в эти минуты ангехранца лучше не трогать. Чревато нервными срывами и пробоями в ауре, реакция сотрудника, выведенного из вживания посторонним вмешательством, может оказаться непредсказуемой.

Через пятнадцать минут я откинулся в кресле и потянулся за кофейной чашечкой. Я вжился. Восемьсот девятнадцать моих клиентов. Семьдесят шесть за пределами района и, значит, их ведут коллеги. И ещё восемьдесят четыре чужака — из других районов, забредших в мой в поисках неприятностей.

Сейчас мне не надо было напрягать память — я помнил всех. Бандиты, хулиганы, проститутки, алкоголики, наркоманы — винтики в системе, с которой я теперь составлял единое целое. Мои подопечные. Клиенты. Акулы в аквариуме. Россыпь трёхцветного конфетти. Того, где цвет угрозы и крови — красный.

Гнилой бросил пачку стодолларовых купюр поверх лежащих на столе.

— Здесь двадцать кусков, Ёршик, — сказал он. — Можешь не проверять.

— 3-замерил, — запинаясь, сказал Ёрш. — С меня д-двадцать. Вскрываю.

Одну за другой он перевернул карты рубашками вниз. Туз треф лёг на даму и десятку той же масти.

— Пупка, — назвал комбинацию Ёрш. — Тридцать одно.

Наступила тишина. Тридцать одно очко, пупка, вторая по старшинству комбинация в секе, приходит катале раз в несколько лет. И то при условии, что он играет ежедневно.

— Не пей кровь, Гнилой, — Ёрш подался вперёд. — Капли пота катились по ставшему багровым лицу. Что у тебя? Ну?!

— Не подфартило тебе, фраерок, — Гнилой рывком перевернул свои карты. Туз бубён накрыл двух своих тёзок — тузов пик и червей. — Три лба, фуцан, — ладонью припечатал карты к столу Гнилой.

— Ты, сука, — Ёрш, перегнувшись через стол, схватил противника за грудки. — Ты что мне гонишь? Колода заряжена. Кто сдавал? Ты сдавал, гнида?! — отпустив Гнилого, Ёрш метнулся к Китайцу.

Китаец сделал едва заметное движение. Он был быстрый, как и положено духовому авторитету. Заточка скользнула из рукава в кулак. В следующую секунду она, пробив ткань фуфайки, упёрлась Ершу под сердце.

— Дёрнешься — завалю, — нарочито спокойно проговорил Китаец. — На понт взять хочешь, курва? У меня такое непрохонже, понял?! Засадил — будешь платить. Ясно? Ну?!

Ёрш обмяк и повалился на ветхий стул, на котором сидел во время игры.

— Сволочи, — сказал он. — Недаром братва говорила не садиться, когда вас двое. Гады, заряженную колоду поставили против своего. Не запаadlo вам?

— Не пойман — не вор, — резонно возразил Китаец. — А свой — не свой — у картишки нет братишки. Закон знаешь? За руку не поймал — значит, схавал. Теперь отработаетесь. Да ты не бзди, дело простое. Тебе оно как два пальца.

— Засунь свои пальцы... — начал Ёрш. — Вот же гады, — не закончил он фразы. — Ладно, банкуй. Что за дело на мне?

— Давай, Галочка, — я поднялся с кресла. — Вживайся, пока красных нет.

Стажёрка заняла моё место, длинные вороные волосы спрятались под шлем, нежное полудетское личико стало сосредоточенным. Через полтора месяца стажировка у Галки заканчивается. Экзамен она почти наверняка выдержит, девочка способная. И сосредоточенность на лице закрепится, станет профессиональной. А вот нежность наверняка уйдёт — наша работа быстро перекраивает людей под себя.

Вживание заняло почти полчаса, что ж, неплохой результат для паранормала нулевого пока уровня. Я, помнится, тратил, когда стажировался, минут сорок.

Мы вновь поменялись местами, и я подключился к системе. Электроды приятно холодили виски. Конструкция шлема за бытность мою в конторе совершенствовалась раз десять. Надо отдать должное разработчикам: последние модели уже не доставляли особых неудобств и не вгоняли в клаустрофобию, как бывало раньше. Иногда я даже ощущал некую приязнь к охлаждающим кожу электродам.

— Красный, Олег Саныч! — Галкин голос в наушниках звучал несколько искажённо.

Красный появился на северо-востоке, в правом верхнем углу монитора. Я настроился и через несколько секунд уже считывал первую информацию. Титов Сергей Сергеевич, двадцать шесть лет, кличка Титок, последняя профессия — сутенёр. Память, многократно усиленная аппаратурой, услужливо подсказала остальное. Два срока, первый на малолетке за хулиганство, второй — пять лет общего за разбой. Датчик имплантировали на зоне два года назад во время операции по удалению аппендицита. Ещё через год Титок откинулся, и с тех пор — наш клиент.

Я подключил усиление. Теперь исходящие от клиента флюиды угрозы и его беспорядочные мысли трансформировались в более-менее осмысленную речь. Строки побежали внутри очертившего красную точку пульсирующего квадрата.

— Сука, — скороговоркой считывала эти строки Галка. — Шлюха малолетняя, кинуть хотела, долю скрысятничать. Огребёт по полной, манда, мать-перемать.

Красная точка медленно смещалась к центру экрана. Скорость смещения соответствовала передвижению пешком, а значит, временем мы располагали. Я прикинул возможные продолжения. Случай оказался простым — остановить распавшегося Титка можно было любым из трёх наиболее вероятных вариантов.

— Давай, девочка, — я высвободил голову из-под шлема, и через пару секунд Галка заняла моё место. — На принятие решения у неё ушло полминуты.

— Вариант два, Олег Саныч, — Галка вопросительно посмотрела на меня.

— Не жалко парня? — спросил я.

— Такого — не жалко, — решительно сказала стажёрка.

— Что ж...

Галкины пальцы забегали по клавиатуре, задействуя мотиваторы поведения вовлечённых в вариант людей. Я отметил, что сам бы проделал необходимые операции лишь ненамного быстрее.

В десяти километрах к северо-востоку штангист-легковес Коля Зайцев внезапно отчаянно захотел курить. Коля бросил полгода назад и с тех пор мучился отсутствием никотина, проклиная тренера и спортивный режим. Сейчас, однако, Зайцев почувствовал, что сделать пару затяжек ему попросту необходимо. Несколько секунд ушло на борьбу с самим собой. Наконец, в сердцах плюнув и мысленно послав тренера, Коля наскоро оделся и сунул ноги в кроссовки. Круглосуточный ларёк был от него в десяти минутах ходьбы.

Выскочив из подъезда, Коля едва не столкнулся с сутулым неприглядным индивидом, шагающим вдоль дома и дымящим зажатой в губах сигаретой. Необходимость бежать к ларьку отпала.

— Закурить не найдётся, земляк? — улыбнулся сутулому Коля. — Угости сигареткой, будь другом, понимаешь, курить охота смертельно.

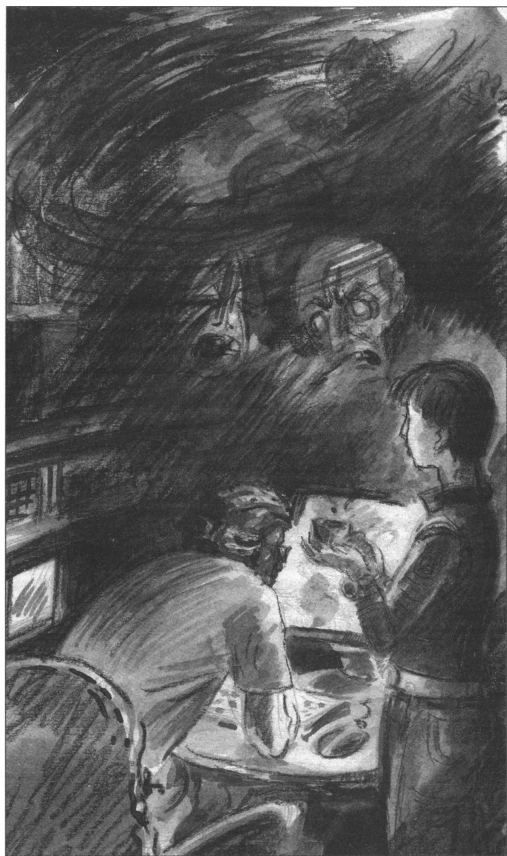
— Да пошёл ты, — смерив Колю быстрым взглядом, отозвался сутулый. Он был на голову выше и шире в плечах. — Козёл, мать твою.

Зайцев на секунду опешил. Тряхнул головой, приходя в себя. Кровь бросилась в лицо, кулаки непроизвольно сжались. Тренер неоднократно пенял ему за вспыльчивый нрав, говоря, что штангист в решающие моменты должен уметь оставаться спокойным, но толку от нравоучений тренера было мало.

— Ты что сказал? — Зайцев в три прыжка догнал сутулого и ухватил за рукав. — Ты что мне сейчас сказал, сволочь?!

Парень дёрнулся и высвободил руку. Отпрыгнул назад и пригнулся. Лезвие выкидухи тускло сверкнуло в свете, падающем из окон первого этажа.

Коля Зайцев потерял самоконтроль. Без причины оскорбивший его наглец и хам оказался к тому же опасным. Зайцев рванулся вперёд, увернулся от метнувшегося к нему лезвия, а в следующее мгновение сложенными в замок руками ввалил парню с ножом под челюсть. Ещё две минуты Коля, не обращая внимания на крики из окон, безжалостно месил сутулого

кулаками, а когда тот упал — ногами. Прервал избиение лишь пронзительный гудок милицейской сирены.

У вокзала Ёрш поймал такси. Вытащил из кармана мятую салфетку, сквернословя, с грехом пополам разобрал намалёванные на ней Китайцем каракули.

— Гони на Гражданку, — велел он наконец водителю.

— Куда именно на Гражданку?

— Угол Непокорённых, — сверившись с адресом на салфетке, сказал Ёрш. — Давай, рули, на месте разберёмся.

Он откинулся на спинку сиденья. Стиснул челюсти. Дай волю, он голыми руками передушил бы обоих гадов, прокрутивших с ним игровую подлянку. Однако воли ему не дали, и теперь приходилось отрабатывать за то, что прошёл за лоха. Мысли отказать у Ерша даже не возникало, что-то, а карточные долги платить его приучили давно. На зоне фуфломёта вполне могут опустить, а то и перехватить ему ночью горло бритвой или обрезком проволоки.

Ёрш снова прикинул, что ему предстоит. Старик-филателист в хате один. Если толково сработать, даже не пикнет. И хрен-то с ним, старому тысяча лет с прицепом, можно считать, зажился. Отмычка подобрана, Китаец на гада божился, что её точил мастер. Что ещё? Может, конечно, сработать сигнализация, хотя навряд ли, не должен старик включать её на ночь, пока сам в хате. Ну, а если сработает — что ж, значит, не подфартило, спиной повернулось к бродяге босяцкое счастье.

Ёрш почувствовал, что ненависть и злоба едва не распирают его. Перед делом надо успокоиться, взять себя в руки, однако это получалось плохо. Перед глазами маячила поганая ухмылка на гнусной роже Гнилого, её сменял недобрый раскосый прищур Китайца.

— Крысы, — в который раз подумал Ёрш. — Обещали долю. Пойди пойми, какая доля с альбома с марками, кто знает цену? Да какая бы ни была — наверняка опять скрысятничают. Паскуды, что с них взять. После того, как подставили кореша под мокрое дело.

Следующая красная точка появилась на западе. Я сноровисто идентифицировал клиента и, не доверяя памяти, сбросил его личные данные на экран.

— Господи, какое страшное лицо, — ахнула слева Галка.

— Скорее, рожа, — поправил я.

Рожа действительно была отвратной. Вылупив на нас белёные мертвяцкие глаза, с экрана нехорошо улыбался некто Череп, он же Андрей Черепков, шестидесяти четырёх лет, неоднократно судимый за кражи, разбой и мошенничество.

— Хорошая хавира, такая мать, — быстро считывала Галка бегущую по монитору строку. — Бабок по ходу быть не должно, зато рыжѐ верняк есть. Толкнуть, хрен ли, рыжѐ барыгам и сгрести на море, прогреть на хрен старые кости.

С Черепом пришлось повозиться. Ни одна из наиболее вероятных линий будущего совершить взлом ему не препятствовала. Я просканировал второй слой и тоже ничего не нашёл. На третьем, впрочем, обнаружили сразу два варианта.

— Какой бы ты выбрала? — обернулся я к стажёрке. Для себя я уже всё решил, но хотел услышать её мнение.

По первому варианту дежурная смена шестого отделения милиции должна была внезапно ощутить жгучее желание покинуть тёплые насиженные стулья в родной ментовке и совершить внеплановый рейс по району. Черепа они бы спутнули, и тот забился бы в нору до завтра, чтобы повторить попытку через сутки.

Альтернативный вариант, гораздо более жёсткий, откладывал эту попытку на неопределённый срок. Я удовлетворённо кивнул, когда после секундного колебания моя стажёрка выбрала именно его. Умение принимать жёсткие решения входило в арсенал ангехранца. Я задействовал мотиваторы поведения, выставив максимальную мощность. Вероятность событий третьего слоя мала, и приходилось их подхлестывать.

Выпить Жорику хотелось с утра. Накануне вечером он славно поддал с друзьями, и наутро подпитие отозвалось мучительной мигренью. Усилием воли подавив желание немедленно опохмелиться, Жорик отправился на работу.

День не заладился. Сначала вставший с левой ноги шеф долго объяснял Жорику, что сам не понимает, почему до сих пор его не уволил. Затем позвонила стервозная Ленка из бухгалтерии, и Жорику влетело за то, что квартальные отчёты у него не в порядке. Неприятности Ленкиным звонком не ограничились — до обеда бедолага, мужественно борясь с приступами головной боли, пытался разрулить чёртову кучу навалившихся внезапно

проблем. Затем, наскоро перехватив в ближайшей закусочной полусъедобную пиццу, Жорик вернулся в офис, и тут неожиданно нагрянула финансовая инспекция. В довершение всех дел, когда до конца рабочего дня оставалось всего ничего, позвонила Ирка.

— Так, Жорес, — Ирка всегда отличалась напористостью и бескомпромиссностью. — Отгадай, что ты делаешь сегодня вечером.

— М-м... Я сегодня, это... занят, — соврал Жорик, пытаясь отвертеться.

— Правильно, занят, — не стала возражать Ирка. — И я сейчас скажу тебе чем. Ты сегодня отвозишь нас с мамой на дачу. И никаких отговорок, Жорес, слышать ничего не желаю.

Возвращаясь с проклятой дачи, осатаневший от патологической болтовни своей будущей тёщи Жорик мечтал лишь об одном — оказаться как можно скорее у себя на кухне, содрать пробку с бутылки сорокоградусной и сделать внушительный глоток прямо из горла.

— Пропади оно всё пропадом, — вслух бранился Жорик. — Вечно на мне все ездят, я им что, двужилый, в конце концов? Так недолго и копыта отбросить. И после этого ещё претензии — почему, мол, выпиваешь. Да от такой жизни последний абстинент запьёт. Лошадь запьёт от такой жизни.

Когда до дома оставалось всего-то полчаса езды, терпеть стало невозможно. Жорик притёр выдавший виды «Фордик» к тротуару, выскочил и посеменил к павильону. Там он отоварился чекушкой, затем, недолго думая, отъехал, свернул в первый попавшийся переулок и там в три приёма чекушку опорожнил.

Неправедно угнетённый организм немедленно воспрял, возрадовался и обрёл вкус к жизни. На душе полегчало. Жорик закурил, завёл свой «Фордик», дал по газам и с ветерком поехал домой.

Пешехода перед капотом он заметил слишком поздно. Жорик успел лишь отчаянно крутануть баранку влево и избежать, тем самым, лобового наезда. Зацепив пешехода задком и отбросив его в сторону, «Фордик» выскочил с дороги на трамвайные рельсы, прогрохотал по ним, снёс бетонный поребрик по другую их сторону и оказался на встречной, по счастью в это время пустынной. К чести Жорика, он не дал дёру. Через полминуты он уже суетливо оттаскивал сбитого им мужика на обочину. Затем вызывал скорую и звонил в милицию. Ещё через полчаса Жорика увезли в отделение, а пострадавшего — в больницу.

Им оказался гражданин Андрей Кузьмич Черепков, известный также как отмотавший четыре срока вор-рецидивист по кличке Череп.

С намеревавшимся взломать продуктовый магазинчик ворышкой и собиравшимся разобраться с женой алкоголиком легко справилась Галка. Потом я утихомирил парочку распоясавшихся в ночном ресторане хулиганов, способствовал задержанию группы обколотых отморозков и отогнал от роддома сексуального извращенца, демонстрирующего половые органы под светом уличного фонаря.

К пяти утра обычно наступает затишье, жёлтые точки на экране сменяются зелёными, появление красных становится маловероятным, и это означает, что можно немного расслабиться.

— Устали, Олег Саныч? — заботливо спросила Галка.

— Нет, — ответил я. — Не устал.

Да, я устал. Смертельно устал за десять лет бессменной работы. С тех пор как у меня обнаружили паранормальные способности и пригласили для собеседования в «Ангехран» — институт, официально не существующий и потому не значащийся ни в одном документе. Тогда, десять лет назад, он ещё не назывался «Ангехраном», он никак ещё не назывался, да и института как такового не было. Была лишь горстка людей, решивших посвятить себя неблагодарной работе. Ангехранцами мы стали позже, когда один из нас пошутил, что мы — ангелы-хранители. Только не персональные, а общественные. Охраняющие людей от нелюдей. Тех, которые по недоразумению тоже считаются людьми.

Я устал. Устал работать без отпусков по двенадцать часов в сутки, получая за это мизерную зарплату. Устал от того, что у меня нет перспектив, нет личной жизни, по сути, ничего нет. И главное — устал осознавать себя богом. Хорошо, пусть не богом, пусть ангелом. Вынужденным принимать решения, влияющие на человеческие судьбы. А иногда и на жизни. Устал от парадоксальности детерминизма, от того, что решения эти зачастую не те, что пристало принимать человеку, а лишь те, которые возможны в будущем. Я не мог сдать насильника, грабителя или убийцу ментам, не мог велеть жертве уносить с места преступления ноги, не мог ничего, если в будущем эти события имели нулевую вероятность. Или настолько малую, что искать

их надо было в шестом слое, а то и глубже — в слоях, панораму моего уровня не доступных.

Вот эта девочка. Ей девятнадцать, столько же, сколько было мне десять лет назад. И у неё сейчас столько же энтузиазма и восторженности, сколько во мне хладнокровия и цинизма. Она хочет стать одной из нас, мечтает об этом. У неё обнаружили способности, такие же, как у меня тогда. Способности видеть возможное будущее и влиять на него. Многократно увеличенные техникой. А кроме того, она училась в медицинском, пока не бросила, начав стажировку у нас. Нам крайне нужны врачи, просто необходимы. Их работа во много раз хуже моей — им предстоит ассистировать на хирургических операциях в тюремных и лагерных больницах, вживляя индикаторы агрессивности будущим клиентам.

— Иди домой, Галочка, — сказал я. — До конца смены вряд ли что-нибудь уже случится.

— Можно, я останусь, Олег Саныч?

— Оставайся, — вздохнул я. — Хотя я на твоём месте уже был бы дома. В пяти минутах, к тому же, живёшь. Отоспался бы, потом, проснувшись, почитал, посмотрел хороший фильм, сбежал бы на свидание.

— А вам не приходит в голову, — Галка вдруг покраснела, — что мне не хочется бегать на свидания?

— Вот как? И почему же?

— Иногда мне кажется, что для паранормала третьего уровня вы на удивление непроницательны, Олег Саныч.

Теперь настала моя очередь краснеть. Я пристально посмотрел на опустившую очи долу стажёрку. Неужели... Я ведь уже давно забыл, что это такое. Или не забыл?.. Я почувствовал, как во мне вдруг зародилась и окатила теплым приливом волна нежности. Неужели эта девочка...

Додумать я не успел. Красная точка появилась внизу экрана и с приличной скоростью устремилась от периферии к центру — клиент явно передвигался на машине. Я навёл сканер — этого человека я не знал. Залётный. Я быстро запросил на него информацию и сбросил её на экран. Ершов Геннадий Степанович, сорока трёх лет. Из которых пятнадцать отсидел за умышленное убийство. Жесткое, даже жестокое скуластое лицо с перебитым носом и короткой стрижкой. Выдающийся вперёд подбородок, взгляд твёрдый, решительный.

— Гнилой китаец, — скороговоркой начала считать бегущую строку Галка. — Китайская гниль. Чушь какая-то, Олег

Саньч. Подставили под мокряк, гниды, урыл бы обоих. Отмычка, старик дома один. Есть ещё какая-то шалава, типа внучки. Китаец божился, что по ночам её не бывает. Б...ет, по ходу, сучка. А хрен ли, если и бывает. Один мокряк, два, без разницы.

Галка вдруг резко замолчала.

— Что такое? — быстро спросил я. — Продолжай.

— Олег Саньч, мне кажется...

— Что кажется?

— Куда он едет, Олег Саньч?

Я оторвался от сканирования первого слоя и бросил взгляд на экран.

— Похоже, по направлению к нам, — сказал я. — В чём дело?

Вместо ответа Галка схватила мобильный телефон и судорожно принялась нажимать кнопки на его лицевой панели. Я оторопел: её лицо стремительно побледнело, руки заходили ходуном, в глазах появился вдруг страх.

— Дедушка, возьми трубку! — закричала в телефон Галка. — Дедушка, родной, пожалуйста, не спи,ними трубку. Олег Саньч! Олег! — стажёрка бросила мобильник на стол, теперь она кричала мне в лицо. — Он едет к нам, я точно знаю. Дедушка — филателист, он собирал марки всю жизнь. Этот бандит, он думает...

— Что он думает?! — теперь я тоже кричал. — Что думает эта сволочь?!

Я подался к экрану и вгляделся в бегущую по пунктирному квадрату строку.

— Марки, мать-перемать, — лихорадочно считывал я. — Дались гнидам эти марки, на хрен они нужны, кому их Китаец собирается толкнуть. А может, пробросить Китайца. Мочкануть старика, толкнуть самому, и — в бега.

Красная точка проделала уже половину пути от периферии экрана до центра. До синего кружка, которым отображалось здание нашей конторы. Через десять минут, от силы двенадцать, машина, на которой передвигается убийца, будет здесь.

— Олег, сделай же что-нибудь!

Я лихорадочно перерыл первый слой, не нашёл в нём ни одной подходящей линии и спустился на второй. Тоже ничего. На третьем слое линий были десятки. Теперь я работал как автомат, хватая их одну за другой, вживаясь, погружаясь в возможное будущее и отбраковывая. Через две минуты я прошёл их все. Ни одна линия не препятствовала готовящемуся убийству.

Я судорожно выдохнул и спустился на четвёртый. Вероятность событий этого слоя составляла ничтожные доли процента. Зато их были сотни, и я не успевал. Я уже понимал, что не успеваю, моего уровня не хватало, нужен был пятый или по крайней мере четвёртый. Я же мог рассчитывать лишь на везение — на то, что нужное событие обнаружится в числе первых.

Я нашёл его, когда времени уже практически не оставалось.

— Вероятность одна шестьсот двадцать седьмая процента, — подсказал сканер. — Время на принятие решения — тринадцать секунд.

За полтора квартала до перекрёстка Ёрш велел водителю остановиться. Расплатился и вылез из такси. Сверившись с номерами домов, нашёл нужный. Начинало светать, и Ёрш, подняв воротник плаща и надвинув на глаза кепку, размашисто зашагал по направлению к цели.

Вероятность одна шестьсот двадцать седьмая процента. Таковой она была бы, не окажись фигурантом события заинтересованный в его исходе человек. Но такой человек был, и звали его Олег Александрович Зелинский. Двадцати девяти лет, холостой, бездетный, сотрудник официально несуществующего института с нелепым названием «Ангехран». Паранормал третьего уровня с десятилетним стажем работы.

Я потратил ещё четыре секунды на отслеживание возможных результатов события. Я увидел такое, что должно было вести и без того ничтожную вероятность к нулю.

— Олег! Боже мой, Олег! — кричала откуда-то издалека, из другой галактики Галка.

Я взглянул на неё. Чужая молоденькая девчонка. Никто мне, по сути, стажёрка, каких было немало, и будет ещё много. Искажённое отчаянием нежное, почти детское личико. Умоляющие глаза, слёзы по щекам, губы...

Я не успел осознать, почему и зачем я это сделал. Не успел. Я лишь на полную врубил мотиватор. Максимально допустимая мощность, полторы максимальной, двойная. Я вскочил. Любовь, которой не было, взявшаяся из ниоткуда, тысячекратно усиленная техникой, захлестнула меня. Я любил эту женщину, секунду

назад ещё совершенно чужую мне девчонку, любил страстно, любил так, что ради неё готов был на всё.

Ёрш, широко отмахивая шаги, приближался к цели. Он уже поравнялся с домом и теперь искал нужный подъезд.

Я, задыхаясь, опрометью нёсся вдоль по проспекту Непоко-рённых. В кулаке был намертво зажат обрезок подобранного на газоне ржавого арматурного прута.

Ёрш определил подъезд по номеру квартиры и двинулся к входной двери.

Я был в сотне метров от него. Я знал, что один из нас не выживет. Я видел кладбище, похороны и могилу. Я не видел, кого в неё опускали, не стал смотреть, струсил.

Ёрш замер на месте и оглянулся. К нему, крича на ходу, бежал, нелепо размахивая зажатой в руке железякой, очкастый тщедушный задохлик.

— Стоять, гадина! — орал я и не слышал своего крика. — Стоять на месте, сволочь!

Ёрш шагнул вперёд и потянул из кармана финку.

Я уже был от него всего лишь в пяти шагах.

Муки творчества

Рассказ

*Легко ли написать фант-боевик?
Многие полагают, что путь «жестянищиков» усыпан розами. Увы,
на сём пути множество терний! 8-)*

Аффтар:

— Ну, начнём, помолясь...

Тычет в клавиатуру, и появляется Главный Герой.

Аффтар:

— Ну чё, сынок, работаем?

ГТ (с некоторой опаской):

— Как скажешь, папаша.

Аффтар тычет в клавишу. Перед ГТ разворачивается панорама — мрачные руины, озаренные зловещими красными сумерками, полуистлевший труп возле стены...

ГТ (мрачно):

— Опять ядерная война... Постапокалипсис или армагеддон ваять будем?

Аффтар (поперхнувшись):

— Чего?!

ГТ (ещё мрачнее):

— Да я это так, мысли вслух... Ты этих слов не знаешь. Ваяй дальше. Что это хоть за местность-то?

Аффтар:

— Даю вводную. Это город Бобруйск после ядерной войны. Всю землю захватили злобные пиндосы, качают нефть и газ бесплатно...

ГТ (*изумлённо*):

— Нафига этим самым пиндосам нефть после ядерной войны?! Покойники плохо прожарились?

Аффтар (*строго*):

— Поговори у меня! Разговорчив стал... Вот это твоя машина.

Аффтар тычет в клавиатуру, и возле ГТ появляется серебристый «Бентли».

ГТ (*озадаченно*):

— Я не пойму, ты выпил, что ли? Откуда в развалинах Бобруйска такая тачка?

Аффтар (*подумав*):

— А, да.

Тычет в клавиатуру, и «Бентли» превращается в армейский «Хаммер».

ГТ:

— Тот же вопрос.

Аффтар (*терпеливо*):

— Я ж тебе толкую — всю землю захватили злобные пиндосы. И Бобруйск тоже. А сами на «Хаммерах» ездят. Вот это от них.

ГТ (*ухмыляясь*):

— Подарок?

Аффтар:

— Не тупи. Ты его угнал, а пиндосов, которые в нём ехали-то, перебил.

ГТ (*иронично*):

— И они согласились?

Аффтар (*строго*):

— Поговори у меня! Кстати, насчёт выпить... насчёт выпить...

Тычет в клавиатуру, и в нагрудном кармане ГТ появляется объёмистая фляжка.

ГТ (*одобрительно*):

— Оце дило! Вот за это люблю тебя и многое прощаю. Это всегда натурально выходит у тебя... специалист...

Делает глоток.

— Французский коньяк... м-м... надо же, не ожидал. В развалинах Бобруйска, да после ядерной войны...

Аффтар (*подумав*):

— А, да.

Тычет в клавишу. В это время ГТ делает второй глоток и заходитесь в кашле.

ГТ (*сипло*):

— Что это?

Аффтар:

— Денатурат. Ты же сам сказал — откуда в Бобруйске... Короче, я поправил.

ГТ (*с досадой*):

— Язык мой — враг мой... Ладно, что дальше?

Аффтар (*колотя по клавише*):

— Сейчас, сейчас... Тебе понадобится оружие. Много оружия.

На заднем сиденьи «Хаммера» возникают автомат Калашникова, пулемёт МГ и куча железа, определить которое с ходу невозможно.

ГТ (*кивая на железо*):

— А это что?

Аффтар (*лихорадочно колотя по клавише*):

— Потом, потом разберёмся! Сейчас главное — гнать сюжет. Садись за руль, сынок, поехали!

* * *

Мрачный колодец двора, выбитые окна, стены, закопчённые пожаром. Из недр полуразрушенного здания слышатся нечленораздельные утробные звуки и душераздирающие женские стоны.

ГТ:

— Ну и за каким мы сюда приехали?

Аффтар (*возмущённо*):

— Ты чего, не слышишь — девушку насилуют? А ну вперёд! Ты должен её спасти!

ГТ (*тяжело вздыхая*):

— Ну, раз должен...

ГТ входит в здание. Осторожно крадётся вдоль стены. Звуки становятся отчётливее. В полупустой комнате на полу роскошная обнажённая Блондинка, сверху шкафообразный монстр два на два,

заросший до бровей курчавым чёрным волосом, изо рта торчит одинокий клык.

Аффтар (*горделиво*):

— Нравится? Это я сам придумал. Радиоактивный мутант!

ГТ:

— Не будем им мешать... Всё как-то демографию в Бобруйске поправлять надо...

Аффтар (*возмущённо*):

— Я тебя для чего сюда направил? Ты же Главный Герой! Спасай её, быстро!

ГТ (*пожимая плечами*):

— Ладно... Эй, ты, урод! А ну отвали с неё, живо! Дальше я сам!

Радиоактивный мутант (*не прекращая занятия*):

— А по е...льничку?

Аффтар (*колотя по клавише*):

— Вдарь ему, вдарь!

ГТ бьёт Радиоактивного мутанта ногой в челюсть, но промахивается. Мутант прекращает занятие, встаёт, бьёт ГТ меж ног и попадает.

ГТ:

— Уюююююу!!!

Радиоактивный мутант:

— А то!

Добавляет ГТ.

Аффтар (*решительно*):

— Нет, так не пойдёт!

Выделяет текст и нажимает Delete.

* * *

Снова сцена у машины внизу.

ГТ:

— ...Ты нигде не говорил, что я владею каратэ, ушу, тэквондо и пхеньяном!

Аффтар (*озабоченно*):

— Ну это же само собой подразумевается...

ГТ (*возмущённо*):

— С какого бодуна?! Что, все подряд владеют тэквондо?!

Аффтар (*примириительно*):

— Ладно, ладно! Счас поправим.

Колотит по клавише.

— Ну всё. Смело иди и ничего не бойся!

ГТ снова входит в здание и достигает комнаты, где идёт процесс.

— А ну отвалил с неё, урод!

Бьёт ногой, и на сей раз удар достигает цели. Мутант крикает, вскакивает и завязывает встречный бой. Перевес в ловкости на стороне ГТ, однако Мутант втрое шире его и впятеро массивней. Наконец ГТ пропускает удар и летит в угол.

ГТ:

— Кхххх...хххх...

Мутант:

— А вот ещё по е...льничку!

Добавляет ГТ ногой 56 размера.

Аффтар (*решительно*):

— Нет, это снова не то!

Выделяет текст и нажимает Delete.

Опять сцена у машины внизу.

ГТ:

— ...Ты сам сделал его таким здоровенным! Его из гранатомёта только валить!

Аффтар (*озабоченно*):

— Да, придётся... Конечно, голыми руками оно эффективней... Ладно, бери автомат.

ГТ:

— Наконец-то допетрил... Оставить автомат в машине, читатели подумают, что я идиот...

Аффтар (*примириительно*):

— Ладно, ладно. Всё же поправлено, видишь?

В третий раз ГТ достигает злополучной комнаты с насилуемой Блондинкой.

ГТ:

— Хенде хох! Аллес! В угол!

Автоматная очередь валит Радиоактивного мутанта наповал.

Блондинка:

— А-а-а-а!!! Вася! Васечка мой, солнышко!

Аффтар (*в досаде*):

— Да что ж такое, право слово...

Выделяет текст и нажимает Delete.

* * *

Комната с ГТ, убитым Мутантом и спасённой Блондинкой.

Блондинка (*жарко ласкаясь к ГТ в чём была*):

— Спасибо, родимый! Спаситель мой!

ГТ:

— Нежизненно как-то... Таких совсем уже полных овец по жизни не бывает.

Аффтар (*колотя по клавише*):

— Счас поправим!

Маслянистый блеск глаз Блондинки сменяется тлеющим огнём. Она извлекает из кармана ГТ фляжку с денатуратом, откусывает горлышко и единым махом выпивает содержимое. Утирается ладонью.

Блондинка (*низким и хриловатым голосом, полным свирепой страсти*):

— Иди ко мне, мальчик мой...

ГТ (*в ужасе*):

— Слышь, аффтар... Не надо, пусть уж лучше будет овца!

* * *

Там же и те же. Из Мутанта успела натечь огромная лужа крови, в которой возлежат ГТ и Блондинка.

Блондинка (*тамно*):

— Как тебя зовут, котик?

ГТ (*тоскливо*):

— Как меня зовут? Ты ж нигде ни словом...

Аффтар (*задумавшись на полсекунды*):

— Вячеслав Полунин!

ГТ:

— Вячеслав Полунин я, детка.

Блондинка (*ещё более темно*):

— Я так люблю тебя, Славик... И хочу ещё...

ГТ (*ещё более токсично*):

— И зачем я убил этого бедолагу...

Аффтар (*бодро*):

— Ещё пару раз, и хватит. Смелей, сынок! Не унывай, нас впереди ждут великие дела!

* * *

Обширное пространство, опоясанное тремя рядами колючей проволоки, освещено прожекторами. На вышках пулемёты, между рядами колючки бегают питбули размером с корову. Внутри ряды брезентовых палаток, меж ними лениво бродят вооружённые до зубов люди. Большинство в касках и форме US ARMY, но попадаются и бородатые субъекты явно кавказской национальности в камуфляже, и бандеровцы в форме ОУН-УПА, и ещё какие-то совсем непонятные личности. На переднем плане колышек с табличкой «Пива нет».

Аффтар (*смущённо*):

— Маленькая оплошка, звиняй... Счас пропишем содержание плаката...

Тычет в клавишу, и надпись изменяется: «Danger! Mines!».

Аффтар:

— Вот это укрепленный лагерь злобных пиндосов, терзающих нашу землю.

ГТ (*вглядываясь в панораму*):

— А это кто ещё?

Аффтар (*солидно*):

— А это их пособники. Чеченские террористы, всякие там хохлы и прочие прибалты.

ГТ (*хмуро*):

— Ну-ну... А что они делают на радиоактивных развалинах этого Бобруйска, можно поинтересоваться?

Аффтар (*задумчиво*):

— А, да.

Колотит по клавише, и между палаток возникают громадные цилиндры-цистерны нефтехранилища.

Аффтар:

— Вот видишь, тут они держат нефть, украденную из недр твоей многострадальной родины.

ГТ:

— Гондураса?

Аффтар (*выпучив глаза*):

— Почему Гондураса? Разве Бобруйск в Гондурасе?

ГТ (*с тоской глядя на багрово-чёрное небо*):

— Пуркуа бы не па? Или они нефть из Гондураса в Бобруйск возят... С тебя станется. Во всяком случае, моё происхождение в тексте не упомянуто ни единой буквой, так что где она, та родина...

Аффтар (*раздражённо*):

— Ты меня не путай! И вообще, всё это мелкие детали, никому не интересные. Экшен важен, экшен!

ГТ (*безнадёжно*):

— Ладно, экшен так экшен... Ещё вопрос. Как вышло, что такая масса идиотов сбежала из клиники, и кто дал им в руки оружие?

Аффтар:

— Не понял...

ГТ (*усмехаясь*):

— А чего тут понимать... Кто же разбивает лагерь между цистерн нефтехранилища?

Аффтар (*в сердцах*):

— Слушай, то тебе не так, это не этак! Достал уже! Кто здесь аффтар, я или ты?

ГТ (*мрачно*):

— Ты, ты.

Аффтар:

— Так и делай, что я тебе велю!

ГТ (*вытягиваясь по стойке «смирно»*):

— Есть, шеф! Разрешите исполнять!

Аффтар:

— Ну то-то! Бери автомат. Не, лучше пулемёт!

ГТ (*обречённо берёт пулемёт МГ*):

— Взял. Что дальше?

Аффтар:

— Целься в цистерну. Давай, мочи их! Да с выражением!

ГТ (*передёргивает затвор, нажимает на спуск, открывая шквальный огонь*):

— А-а-а, гады! За Родину, за Сталина! За Машу, за Дашу, за Наташу!

Пули, выпущенные с большой дистанции, с визгом рикошетируют от цистерны. С вышки открывают ответный огонь, и ГТ падает навзничь.

Аффтар (*расстроено*):

— Да что ж такое-то, Господи...

Выделяет текст и нажимает Delete.

* * *

Закопчённая комната где-то в развалинах. В углу груды вскрытых черепов вперемишку с банками из-под тушёнки.

ГТ (*с мукой в голосе*):

— Слушай, ну что тебе ещё... Всех живых в этом городишке перетрахали, всех мёртвых, не чрезмерно разложившихся, тоже... Весь де-натурат выпили. У меня печень болит... Отпусти, а? Я жениться хочу... картошку сажать...

Аффтар (*бодро*):

— Какой жениться, слушь! У нас же не дамский роман, у нас жёсть-боевик, голова два уха! Потерпи, родной. Последнее усилие... (*решительно.*) — Я знаю, отчего твой героизм оказался недостаточен. Тебе соратники нужны, во чего!

ГТ (*глядя в стену стеклянным взглядом*):

— Лучше инвалидность... хоть третью группу...

Аффтар (*лихорадочно колотя по клавише*):

— Сейчас, сейчас... А вот и соратники!

В комнату входят трое странно одетых личности, грязные и небритые. Впереди Матрос в тельняшке и кирзовых сапогах, перепопсанный лентой от авиапушки. На бескозырке красуется надпись: «Полный Песец». За Матросом катится на колёсиках пулемёт «Максим». Сзади Интеллигент в зелёном плаще, шляпе-сомбреро и розовых тапочках с помпонами. Замыкает процессию Батюшка в рясе, с огромным крестом из чистого золота, с автоматом ПППШ наперевес.

Матрос:

— Ты, что ли, будешь Главный Герой? Мы тебе на подмогу, стало быть.

ГТ (*ошеломлённо*):

— Вы из цирка, ребята, или как?

Матрос (*криво улыбаясь*):

— Ты как будто первый раз в романе, братан.

Интеллигент (*вежливо снимая сомбреро*):

— Видите ли, в первоначальный текст аффтаром внесены изменения, призванные объяснить наше появление. Поскольку деталями аффтара пренебрегает, то... Например, в отношении меня он упомянул шляпу с очень широкими полями и мягкую домашнюю обувь. Дальше действуют читательские ассоциации...

Матрос (*щёлкая себя по опоясывающей ленте от авиалушки*):

— А тут совсем просто. Аффтара упомянул калибр, да малость ошибся.

ГТ (*усмехаясь*):

— Понятно... Ну что, ребята, пошли? Аффтара заверил, якобы последняя сцена.

Матрос (*деловито*):

— «Варяга» петь будем? Он меня всегда заставляет...

ГТ:

— Законный вопрос. Аффтара, мы как, «Варяга» петь будем?

Аффтара (*в раздумье чешет нос*):

— Не, тут, пожалуй, не надо... Перебор выйдет...

Все четверо героев (*с облегчением, хором*):

— И то хлеб!

* * *

Тот же лагерь, с цистернами и пулемётами на вышках. Чеченские террористы совершают намаз, злобные пиндосы и прочие им усердно помогают. Собаки подывают в такт заунывным сурам из Корана. ГТ с соратниками вытаскивают из «Хаммера» автоматическую пушку.

Матрос (*пыхтя*):

— Тяжёлая, зараза... А вот интересно таки, откуда ж взялась эта пушка?

ГТ (*озираясь*):

— Тихо, ребята, тихо... А то он опять текст править начнёт. Может быть гораздо хуже.

Интеллигент:

— Батюшка, позвольте полюбопытствовать... Отчего это все молятся в таком едином порыве, притом строго на север?

Батюшка (*утирая пот рукавом ряс*):

— На север оттого, что аффтара так велел. Он счёл, что мусульмане молятся на север... А что в единодушном порыве, так молятся они

о том, о чём и нам не мешало бы помолиться, братие. О скорейшем окончании сего достославного романа.

Аффтар (*жизнерадостно*):

— Ну как, управились? Вижу, молодцы! Значит, так — Матрос заходит слева, Батюшка справа, Интеллигент — заряжающий при орудии. Ну а на тебя, мой Главный Герой, вся надежда. Огонь открывать по моей команде!

Все (*хором*):

— Так точно, вашбродь! Разрешите исполнять?

Аффтар (*закладывая руку за борт пиджака, подобно Наполеону*):

— Вперёд, орлы!

* * *

ГТ (*задумчиво разглядывает не такие уж далёкие вышки*):

— Как думаешь, отчего они не стреляют? Им же нас прекрасно видно.

Интеллигент (*негромко*):

— Во-первых, им аффтар не велел. А во-вторых... Полагаю, им до смерти хочется, чтобы роман всё-таки закончился, притом их уже устраивает любой исход. Главное, чтобы скорее.

ГТ:

— Вероятно, ты прав.

Голос аффтара с небес:

— Внимание! Приготовились! Огонь!

ГТ нажимает гашетку, пушка сотрясается, выпуская длинные трассирующие очереди. Снаряды пробивают цистерны с нефтью, и море огня окутывает обречённый вражеский лагерь.

ГТ:

— Ну наконец-то! Мы победили! Аффтар, мы победили или как?

Аффтар (*довольно*):

— Да победили, победили.

ГТ (*с огромным облегчением*):

— Ну слава те, Господи!

Интеллигент (*негромко*):

— А я вот никак не могу понять... Какова тут роль Матроса и нашего уважаемого Батюшки? Да и я, собственно... В конце концов, есть же иные средства, зачем столько народа?

ГТ (*весело-изумлённо, с сильным одесским акцентом*):

— Ви спрашиваете мене?

На главной площади разорённого Бобруйска стоит шеренга, выстроенная по росту. Главный Герой, Батюшка, Матрос и Интеллигент. Замыкает строй блондинка, совершенно голая и перемазанная кровью, на ногах которой розовые тапочки с помпонами, подаренные Интеллигентом.

ГТ (*вполголоса*):

— Хоть бы помыться дал девушке, я уж молчу про одежду... Сколько времени прошло в романе-то...

Аффтар (*торжественно*):

— Сегодня великий день, друзья мои! Полчища врагов уничтожены, и свобода нас ищет радостно у входа!

ГТ (*вполголоса*):

— И братья меч нам отдадут...

Аффтар:

— Что? Меч? Не, меч, это же в следующем романе... В общем, благодарю за службу и все свободны! Главный Герой, а тебя я попрошу остаться.

ГТ (*со стоном*):

— О нет!

Аффтар (*успокаивающе*):

— Для эпилога, сынок, всего лишь для эпилога!

Все торопливо расходятся, бросая на ГТ сочувственные взгляды.

Аффтар (*доверительно*):

— Слушай, такое дело... Ты тут насчёт картошки чего-то говорил, ну я и подумал — счас позитив многие читатели хочут... Что ежели мне Блондинку вернуть? Поженитесь, для совсем уже полного хэппи энду...

ГТ (*безнадёжно*):

— Да мне уже всё равно, хоть Блондинку вертай, хоть Матроса... Делай что хочешь.

Аффтар (*примирительно*):

— Ну ладно, ладно, не дуйся. Я подумаю.

Аффтар закрывает файл, некоторое время сидит, разглядывая заставку. Потом извлекает из ящика стола фляжку с коньяком, откусывает горлышко и делает несколько хороших глотков.

— Уффф... До чего ж тяжёлы всё-таки они, эти муки творчества!

Другой мир

Рассказ

Другой мир раскинулся перед его глазами. Огромный, густо населенный, где есть все. Широкие реки, великие заросли, крестьяне, пастухи, воины, цари...

Люди не замечают того, что совсем рядом с ними, настолько, что — буквально ногами ходят — живет своей жизнью гигантская Вселенная, великая и другая Жизнь.

Как странно, для того чтобы разглядеть ее, не нужно ни ехать за тридевять земель, ни завоевывать другие страны, ни плыть месяцами по бушующим морям, рискуя каждый миг головой. Чтобы окунуться в этот мир, не нужно читать великие книги, вызывать смерчи и быть могущественным волшебником. Нужно всего лишь нагнуться, а лучше лечь на землю и посмотреть. В любом месте, в любое время. Любой мальчишка способен на это.

Странно. Он никогда не находил времени. Вечная занятость, вечная спешка. Сейчас даже почти смешно: столько не увидел, столько не понял, а всего дел — лечь на лугу и всмотреться. Хотя нет, конечно, нет, он знал об этом мире, видел его много-много лет назад. Много-много лет, десятилетий.

Густая чаща, где ветви-листья переплетаются на невысказанной высоте, где-то у самого неба. Тропка, петляя, вьется между толстыми, словно столетними, стволами. По ней ходят, и часто, так она очищена: все торчащие сушины обломаны, а где и... вырублены?.. Видно, хозяин здешних мест радеет о своей земле.

А может, это торговая тропа, по которой плывут в город неслыханные барыши? Вон они, хозяева, ползут. Что-то тащат в своих крепких челюстях. Кого-то больше, крупнее и, наверняка, сильнее себя. Еще один захватчик повержен и получил по заслугам. Кто взял в руки меч, должен быть готов, что ему может попасться такой же, взявший. И кто окажется сильнее — предугадать невозможно. Великих нет. На силу есть ловкость, на хитрость — другая хитрость.

Или не захватчик — добыча. Тоже подчас неплохо.

Он прищурил глаза и вгляделся вдаль. Ветерок слегка колышет траву, по полю проходят почти морские волны. Впереди где-то должен быть овраг, но если смотреть вот так, то его совсем не видно. Край леса, углом выпирающий в разнотравье слева, уже окрашен золотым: солнце садится, скоро ночь. Ну, еще, конечно, не совсем скоро, светило опускается за видноткрай очень медленно. Очень. словно черепаха.

Уши ловили даже самые далекие звуки, но, кроме стрекотания цикад, ничто больше не нарушало тишины. Неужто отступятся?

Он вновь опустил голову. В этом, другом мире звуков было хоть отбавляй. Топоча, бежит большой паук, тащит огромное белое яйцо, спешит. С хрустом приземлилась на стебель острца саранча. Трава, безразмерные леса странного мира, шумит, скрипит, шелестит на ветру. Где-то там, в другом мире?.. это всего лишь теплый летний ветерок, а здесь подчас это целый ураган. Он пригибает к земле толстые стволы, сбрасывает на землю жителей, разрушает, калечит, губит.

Совсем, как иногда там, наверху.

Он улыбнулся одними губами. Вот еще странность, удивился. Губы вовсе, казалось, отвыкли улыбаться много лет назад. А вот стоило опуститься вниз, лечь, всмотреться, как когда-то давным-давно в детстве, и тело вспоминает само, как это было раньше; лицо — начинает улыбаться, нос — ловить ошеломляющие запахи простых луговых цветов, отвыкшие от красок глаза — вновь видеть красоту. Странно, все по-другому. Но так было раньше.

Скорей бы ночь, подумал он. Или нет? Еще тоже. Чудно, нелепо, странно. Он ждет ночи, ждет ее так мучительно... и не хочет, чтобы она приходила! Почему?

Потому что тогда исчезнет этот удивительный, загадочный, другой мир, ответил сам себе. Такой близкий и абсолютно далекий, забытый и почти вовсе стершийся из памяти. Погрузится

во мрак, опустеет и умрет, сотрется совсем. Солнце, великий диск — даритель жизни, вот как его называют люди. Хотя истинным дарителем солнца остается вот здесь, в этом мире. Солнце на небе — все живет; закатилось за край мира — везде смерть, тишина. В ужасе замирают все обитатели нижнего мира, только Смерть выползает, вылезает из своих укрытий и странствует по нему, собирая жатву.

Ужас! Он усмехнулся и вдруг понял — да, ужас. Беззащитность перед сильнейшим, полная незащищенность. Ползет муравей — а паук, или земляная оса, или еще кто-то, просто больше и сильнее, — просто берут и убивают его. И сами умирают в пасти ящерицы, а та — в зубах змеи. Человек может хоть попробовать защититься... в подобных ситуациях, да и убивать людей не так нелепо. Взял в руки меч — будь готов к смерти. Знал, на что идешь.

Он выглянул в «большой мир». Все тихо.

Опустился и замер. Тонкий желтый луч пробился сквозь траву. По листу вереска, тонкому, удивительно зеленому в вечернем свете, полз жучок. На такого не обратишь внимания из того, другого, мира: обычный, скажешь только, и все. А здесь по листу шествовал удивительный и неповторимый обитатель. Когда до него всего один взмах ресницы, замечаешь, как красив этот невзрачный жук. Синевато отблескивают толстые, кованые крылья, чернота лат только подчеркивает красоту и благородство рыцаря. Тонкий клинок сзади и могучее оружие на голове. Похоже, на синеватом панцире даже можно разглядеть фамильный герб. Жучище!

Он грезил.

Серое трепыхание. Он затаил дыхание. Легким сгустком серого тумана проплыл вечерний... мотылек? Даже слово не сразу вспомнилось. Мотылек долетел и прилепился к высохшему стволу лопуха, вмиг став неразличимым на его фоне. Серый, словно завернутый в серый балахон адепта Темного круга.

Почему-то щемило сердце.

Неслышно переступая мохнатыми лапами, ползла, изгибаясь, огромная гусеница, похожая на толстый каток соломы немислимой длины. Он вновь, как мальчишка, замерев и слыша только стук собственного сердца, смотрел на странный, другой мир. Таинственный и ошеломляющий, полный загадок и удивительных приключений, другой, похожий и непохожий...

Он вздрогнул, вслушался. Так и есть, собаки!

Улыбка, разгладившая было острые, резкие черты бледного лица, вмиг исчезла, оставив после себя тонкие, по-змеиному

сжатые губы. Глаза, ставшие голубыми почти как раньше, побурели, словно в них плеснули кровью.

Он поднял голову и увидел. Преследователи. Собаки летели по лугу прямо к нему, за псами следом из-за края леса вываливала толпа, вооруженная — он знал — кто топором, кто мечом, а кто и просто заостренным колом, выдернутым из изгороди. Похоже, нашли! До ушей донесся яростный ор и злой лай. Вот и учуяли!

Толпа затрясла оружием. Ну что ж, таиться более нет смысла.

Он поднялся.

Взвихрился черный балахон, и вмиг округ стало темней. Намного темней. Что ж, он ждал ночи, он хотел уйти, никого больше не трогая. Просто уйти. Далеко-далеко, может даже в какой-то... другой мир. И ушел бы, и не тронул никого.

Толпа ускорила шаги, крики стали громче и яростней. В свете заходящего солнца заблестело оружие. Собаки были уже рядом. Он уже видел их горящие глаза, распахнутые клыкастые пасти. Любо-дорого посмотреть.

Сила послушно потянулась к нему. Он не случайно затаился здесь, на старом поле битвы, среди груд костей, слегка присыпанных за полсотни лет землей. Сколько здесь было пролито крови, сколько здесь витало страданий! Просто клад. Вскинул руки и увидел, как с распростертых пальцев потекли серые нити — Паутина Праха, простое заклинание темного мага. Оно достигло собак, нити оплели псов, высасывая жизнь, и те упали замертво.

Люди и не думали останавливаться, только заголосили сильнее и побежали быстрее. Их вели ярость и страх. Конечно, страх, только он способен толкнуть это стадо на решительные шаги. Подумаешь, один младенец... А теперь — три десятка взрослых...

Это много, слишком много для одного воина.

Но он не воин.

— Смерть некроманту! — услышал он визгливый выкрик.

Да, это ему сулят смерть.

Некромант.

Он зло ухмыльнулся и вскинул руки.

Шиворот- навыворот

Повесть

После полудня свершилось: сначала я получил расчетные, приятно подытожив эпопею с подработкой на стройках столицы, а потом ликвидировал последний хвост на факультете. Теперь чувствовал необыкновенный прилив сил и настроения.

Вечер в общаге, однако, выдался рядовым и будничным.

Анюня сидела за компом: она у нас дипломница, дипломная горела. Манюня тоже поначалу, второкурсница несчастная, намеревалась взяться за ум, то есть за свои дамокловы дифуры. Я некоторое время бесцельно слонялся из угла в угол, потом немного побоксировал с грушей, но после ужина не боксировалось. Полюбовался одиноко грустящей на подоконнике засушенной розой в бутылке из-под шампанского, отнял у Манюни учебники и заставил играть со мной в гусарика. Да, такой я растлитель юных душ, не дающий студенткам нормально учиться.

Негромко лопотало радио, Анюня стучала по клавишам, мы с Манюней резались в гусарика, вздыхая о завтрашнем вечере. Не каждый день в Москву заруливает Мэрлин Мэнсон, а чтобы его концерт еще и не собирались запрещать-отменять, вообще выдающийся случай. О билетах я позаботился. Мэнсонов шутовской сатанизм никакого чувства, кроме снисходительного умиления, вызвать не способен, но музыка на уровне. К тому же люблю придурков и уродов.

Радиодикторша полностью разделяла мою позицию. Манюня как раз пыталась нам возражать, что в Мэнсоне все же есть нечто сатанинское, когда в наш уют, нашу тишь да блажь вторгся Яшка Бармалей.

Большой и кучерявый Яшка учится в одном заведении с нами. Он — настоящий ботан, причем из продвинутых. В большом авторитете на своем истфаке, преподы с ним за ручку здороваются. А по виду не скажешь. По виду Яшке Бармалею мебель на складах грузить да портвейн в подворотне глушить.

Впрочем, Бармалей не гнушается ни тем, ни другим.

Все мы четверо, как ни удивительно, учимся на разных факах и курсах (я — на биологическом). Познакомились еще на нашей первой для всех абитуре — но тогда поступила одна Анюня. Она вообще у нас самая умная. И, конечно, самая красивая. Манюня тоже ничего, но у Анюни на руках неперебиваемый козырь: она блондинка. Бармалей в нее тайно по уши влюблен — он мне в этом однажды признался. Находясь, естественно, в том состоянии и виде, в котором идиотские признания слетают с языка с особенной легкостью. Впрочем, он влюблен и в Манюню («немного»). А скорее, просто, скотина, мне завидует. Завидует, что у меня они сразу обе, а у него ни одной. Раньше я думал, что его зависть белая.

Наш кучерявый товарищ отказался расписать с нами настоящую пульту — мол, есть вопрос поважнее — и картинно бросил на стол потрепанную желтую бумажку с замысловатыми каракулями.

— Что это, Яша? — бархатно спросила Манюня.

— Великая Ключица! — раздуваясь от важности, провозгласил Бармалей.

— Чего-чего?

Бармалей повторил с прежним пафосом:

— Это текст Великой Ключицы, магической формулы, или, если хотите, заклинания, которым можно вызвать Сатану!

Мы с Манюней скептически усмехнулись.

Бармалей тоже улыбнулся, и просквозило в его улыбке что-то безумное. Я еще не подозревал, кто из нас окажется настоящим психом. Манюня поинтересовалась — похоже, чисто из деликатности:

— А зачем его вызывать?

— Чтобы душу заложить, — машинально откликнулся я. Чтением готических страшилок я не брезговал, да и без них сомнений здесь быть не могло: с какой же целью вызывать к Дьяволу? Но Бармалей уточнил:

— Будем называть вещи своими именами, Хасан. Не заложить, продать.

Хасан — это я. Не думайте, я стопроцентно русский, натуральный «сами мы пскопские», — и рожа подходящая. Очень не московская рожа, мусора на каждом углу тормозят. И очень огорчаются, узнав, что я не залетный «браток» и не гастарбайтер и в плане извлечения какой-либо выгоды интерес представляю сомнительный. Это фамилия у меня почему-то Хасанов, поэтому Хасан.

Манюня иронически поинтересовалась у Бармалея:

— И где же ты нарыл такое сокровище?

Яшка, не обращая внимания на подковырку, ответил с высоты своего привилегированного статуса:

— Как-то я по случаю побывал в рассекреченных архивах Лубянки, ну, я вам рассказывал. Там и нарыл — чего только не нароешь в лубянковских и кремлевских архивах. До кремлевских я, правда, еще не добрался, но когда-нибудь — обязательно. Так вот, раскопал я этот документ, посмотрел-покрутил и положил на место. Но к повторному визиту подготовился. Нашел похожую бумагу, разведаль насчет отксерить в архивах и так далее. В общем, вы видите оригинал. Из дела о каких-то лжемасонах, конец девятнадцатого века.

— Ну и как? Действует?

Бармалей затравленно улыбнулся — видно было, что его зациклило на этой Ключице всерьез. Яшка Бармалей был мне тогда другом, и мне стало за него больно. Чем на Великой, лучше бы его по-прежнему клинило на ключицах Анюни. Он опустил глаза и загнусавил:

— До конца не дочитывал: страшно. После ведь не переиграешь, билет выдается в один конец...

Манюня тоже почувствовала, что с нашим товарищем нехорошо, и возмутилась:

— Яша, это ведь смешно! Оглянись по сторонам! Мы посреди Москвы, за окном двадцать первый век, вон шпиль родного универа. А ты говоришь как не знаю кто. Дремучий халдей вавилонский...

Манюня — математик, значит, закостенелый рационалист.

— Халдеи с шумерами были не глупее нас, — обиделся за своих Бармалей.

Он историк, а древнее Междуречье было его последним увлечением. Все уши нам прожужжал Вавилоном, недаром он Манюне на язык подвернулся.

— Текст Великой Ключицы можно найти даже в печатных изданиях, — защищался Бармалей. — Если знать, где искать. Но в моем документе есть кое-что уникальное, вы еще увидите. Я начинал его зачитывать. Результат лучше наблюдать воочию. Хотите, попробуем вместе?

Он задержал взгляд на мне и стал им меня буквально буравить. Я пробормотал:

— Ну, почему бы и не попробовать.

Обожаю эксперименты — Бармалей знал, как меня подловить.

— Прекрасно! — возликовал он.

Минут десять-пятнадцать мы с Манюней под Яшкиным руководством изучали текст — надо же было для начала посмотреть, что он из себя представляет. Потом выключили радио, и Яшка, патетически гнусая, как он это любит и умеет делать, принялся читать рукопись вслух.

И буквы на бумажке, едва он начал, засветились. Прочитанные письма просто пылали неоново-рубиновым пламенем. Остальные с каждым Яшкиным словом мерцали все отчетливее, а когда он подобрался к концу первого абзаца, заиграли натуральными огненными бликами. Дальше Бармалей читать не стал, оборвавшись на полуфразе.

— Чем ярче мерцает непрочитанное, тем навязчивее становится желание дочитать текст до конца, — поведал чтец, вытирая внезапный пот. Язык у него ворочался с очевидными затруднениями. Он натянуто засмеялся:

— Зловещий оттенок, а?

Огонь, которым полыхала Ключица, имел действительно весьма отвратный вид. Он мне только в первый момент показался рубиновым, а теперь извивающиеся на желтом фоне буквы-огоньки напоминали сильнее всего скользких жирных пиявок на нездоровой желтой коже — пиявок, сочащихся мрачным матовым пламенем, точно фосфоресцирующим кровавым гноем. Отталкивающее, гадкое зрелище. Бармалею стоило бы в морду дать за то, что он приволок сюда эту мерзость, да еще и вывалил на обеденный стол. Нате вам к чаю, кушайте пожалс-ста! Бр-рр...

Впрочем, чего еще и ждать от Бармалея. Некоторое время мы молча наблюдали странный феномен, потом огоньки-пиявки стали тускнеть и погасли.

— Ловкий фокус, — сказала Манюня. Да, женщину, всякие виды на веку повидавшую, ничем не прошибешь. Я за Манюню был горд.

Но Бармалей воспринял ее непробиваемый скепсис благодушно. Подлец не сомневался, что впечатлены мы оба одинаково.

Я почесал темечко. Потом спросил:

— Ну, а дальше кто читать будет?

Бармалей умыл руки:

— Не я.

И стрельнул лукавым оком в меня. А я отвел взгляд и опасливо покосился на Манюню. Ей полезть в бутылку — раз плюнуть, а кому всегда расхлебывать? Но и Манюня на этот раз проявила благоразумие.

Никто не стал друг друга подначивать — некоторое время мы молчали. Потом Бармалей глубокомысленно потер подбородок:

— Всего-навсего владеть такой вещью — круто. Но жаль, что ее ни к чему не применить. Такое добро зря пропадает...

Манюня фыркнула:

— Тоже мне добро!

И тут вынырнула из киберспейса Анюня. Отвлеклась хлебнуть чаю с сигаретой, блондиночка моя. Чтоб в этом вертепе тебе на рабочее место чай-кофе подали — век не дожدهшься, а без горячительных напитков она не курит.

Поздоровалась с Бармалеем — только сейчас его заметила, уходит в комп всегда с головой. Часто и нервно поправляя очки на носу — очки ей очень к лицу, люблю, когда она в очках, — заварила чифирь на скорую руку. Мы с Манюней ввели ее в курс дела. Это оказалось легко: выяснилось, что Анюня даже знает о Великой Ключице. Филолог.

Прихлебывая чай, она поделилась соображениями:

— Может быть, все и вздор, но я бы проверять не стала. Шутки шутками, а мало ли...

И ее застекленевшие зеленые глазки подернулись туманной дымкой:

— Когда-то я о Великой Ключице задумывалась, и знаете, по какому поводу? Вы ведь слышали о черной мессе сатанистов. Там все нужно делать точно как в обычной христианской, только наоборот. А что если поступить так же с их главным заклятием? Прочсть его задом наперед?

— Ух ты! — немедленно сложил губы дудочкой Бармалей. — Круто! Я об этом не думал, а ведь и в самом деле. У сил Добра и Зла все наперекор друг дружке...

Мне сейчас кажется, что его удивление было преувеличенным, наигранным. Но тогда я не обратил внимания. Анюня,

затянувшись в последний раз, обвела нас победным взглядом — так вот, мол. И, отчаянно вмяв окурочку в пепелку, молча ретировалась за комп. Филолог и ее филологический юмор...

Это было знакомо. Анюнин стиль. И неудивительно, что она наслышана о Великой Ключице. Все волшебные сказки она, например, знает наизусть. Сочиняет про них филологические анекдоты.

Типа: идут по лесу Маленький Мук и Карлик Нос. Навстречу им Мальчик-с-Пальчик. Эти двое сами гномы-полумерки, а тут совсем лилипут нарисовался. «Ничего себе, угораздило бедолагу, — удивляется Маленький Мук. — Не иначе, съел что-нибудь». Карлик Нос возражает: «Нет, скорее, понюхал». «Дураки вы, братцы! — отвечает им Мальчик-с-Пальчик. — Это родовая травма».

Анекдот так себе, хотя и довольно милый. Но филологи просто ухохатываются. Прочитать Великую Ключицу задом наперед могла придумать одна Анюня.

И ушла, теоретик несчастный, предоставив ломать голову дальше практикам. Вот вам вся моя Анна-Мария! Во всей своей красе! Выкинет что-нибудь, а мне разруливай. Но тогда я об их манерах не думал. Тогда я сказал:

— А в этом что-то есть.

И вижу: Манюня и Бармалей дружно уставились на меня. И многозначительно так молчат... Я возмутился:

— Почему Хасан? Как что, так сразу Хасан! Как в прорубь нырять — Хасан, как Великую Ключицу задом наперед читать — Хасан...

А мои враги-товарищи эдак потупили взоры, просто две невинности. Манюня говорит:

— Вовочка, тебя же никто не заставляет...

Вовочка — это тоже я, так меня мама с папой прозвали. Спасибо им огромное.

— Действительно, — лицемерно поддакнул Бармалей, — мы бы тебя даже не прочь отговорить.

— Чего уж... — буркнул я. Все уже было решено. Ведь мы собирались звать к силам Добра, чего мяться и комплексовать? О том, что могут быть варианты, я не задумывался.

А стоило. В том, насколько я бездумно кинулся в омут с головой, действительно чувствуется нечто необъяснимое, мистическое. Главное, меня сразу стало одолевать смутное беспокойство насчет того, что затея не сулит ничего хорошего конкретно мне. Почему я не прислушался к подсознанию? Почему заглушил его голос? Не знаю.

Затянула массу острых ощущений — даже если бы никто не откликнулся. Манюня воздушно вздохнула, брюнеточка моя. Люблю, когда она так вздыхает, — у нее, точно как по Бунину, *легкое дыхание*. Вдохнув, предложила:

— Может быть, нужно как-нибудь обстановку организовать соответствующе? Свечи зажечь, благовония и лампы... Где взять лампы?

— ...И паникадила! — немедленно загоготал Бармалей. Но Манюня заинтересовалась:

— Кстати, что такое паникадила?

Бармалей, устыдившись ее невинности, буркнул:

— Неважно.

И принялся сосредоточенно ковырять полировку стола, и без того облупленную. Я отвел взгляд и поглядел в окно.

Там внизу достраивали церковь. Действительно, Манюня права. Когда все красиво и торжественно, то и настрой совсем другой, то и дух поднимается и воспаряет. Может быть, в предприятиях, подобных нашему, это даже имеет решающее значение.

Озвучил я, однако, несколько иную мысль:

— А по-моему, если не знаешь правильного ритуала, то и не нужно его унижать нелепой пародией. Лампы, гм!

Бармалей оставил в покое полировку и снова схватился за подбородок:

— Интересно, кто должен явиться для переговоров? Сам или какой-нибудь его представитель?

— Ну, насчет *Самого* ты явно загнул, — заметил я и блеснул своими познаниями в религиозных сферах:

— Мы собираемся воззвать к антисатане, но считать антисатаной Бога — значит лстить нечистому. Дьявол не соперник Богу. Вообще, в христианстве Зло — не конкурент Добру, а лишь отступление от него. Поэтому дьяволу на его уровне ограниченности противостоит архангел Михаил, главный небесный военачальник. Господь не снисходит до разборок тварей своих...

Больше мне не нашлось, чем блистать, и повисла пауза.

Потом Манюня сказала:

— Странная у нас религия. Безбашенная какая-то... Хасан, я только сейчас подумала, что в утверждении, будто добрый Бог сотворил дьявола, есть нечто безумное.

— И очень человеческое, — заметил Бармалей. — Творец, он ведь как мы. Вспомните: «по образу и подобию своему...» Половину — ангелов, половину — бесов...

Я, усмехнувшись, предположил:

— Возможно, заботило Господа, чтобы в его Вселенной никому скучать не приходилось. И никакого тут нет безумия, никакой безбашенности. Банальный расчет и диалектика.

— А вдруг и в самом деле, — с затуманившимся взором сказала Манюня, — вдруг и в самом деле, архангелы, Бог, Дьявол — никакая не религия, а действительность?

Это она угодила в яблочко. В этом и заключался весь интерес. Отрицательный результат ничего, конечно, не доказывал, а положительного не очень-то и хотелось. Но какая щекотка нервов!

— Поживем — увидим, — буркнул я, беря в руки документ.

...И едва не сломал язык, вымучивая каждое слово Ключицы задом наперед. Письмена, пока я читал, и не думали загораться своими зловещими пиявками, но когда я уже заканчивал, мне показалось, будто они все-таки чуток нам подмигнули. Яшка это тоже заметил, но Манюня утверждала, что мы с ним выдумываем. Больше уж точно ничего не происходило.

И только дочитав до конца, я внезапно осознал причину своего подспудного беспокойства. Ведь Небеса — совсем не та инстанция, в которую мне, с моими замашками и образом жизни, стоило обращаться. Все равно как взломщику прямо с места преступления позвонить в милицию и, сложив лапки, дожидаться прибытия наряда. Но поезд ушел, слово не воробей.

Я не без раздражения подумал, что мои товарищи могли бы меня и предостеречь, если уж я сам не способен думать о последствиях своих поступков. Тебе ли, мол, Хасан, очи к Небу воздевать? Но нет, им лишь бы посмотреть, как Хасан выкручиваться будет в случае чего...

Ощущения оказались острее, чем ожидалось. Прошла еще минута.

— Все-таки, если эта штука действует, то, наверное, только в одном направлении, — сказал я.

Очень хотелось, чтобы так оно и было.

Но только одному мне.

— Может, у них там, как на компе, идет обработка информации, — сказал Яшка.

Манюня противно хихикнула:

— Сервер буксует.

Мы ждали еще минут пять, потом сели пить чай.

Мы сидели за столом лицами к закату и засушенной розе в бутылке, листок с Великой Ключицей лежал перед нами посередине

стола. Заходящее солнце за окном металось между коробками окружающих общагу многоэтажек. Где-то за спиной вдохновенно барабанила по клавишам Анюня. Все обычно и буднично, но мир обрел какие-то свежие, необыкновенно сочные краски.

Шло время. Солнце садилось, чайник пустел, только Анюнин дытел за компьютером оставался неистощим.

Напряжение потихоньку начинало спадать. Бармалей вскоре сдался:

— А жаль, все-таки, что не сработало...

Манюня возразила:

— А по-моему, оно и к лучшему. Кто его знает, как еще обернуться могло бы?

Я был с ней полностью солидарен: пощекотали нервы — и будет. Но промолчал, сделав вид, что весь сосредоточен на закате и чае. Становилось ясно, что все обошлось благополучно, у меня понемногу отлегалось от сердца. Но рано.

Каким макаром просочился в комнату незнакомец, никто не заметил. Только что его не было — и вот он. С ходу вкрадчиво поинтересовался:

— Серафима вызывали?

Мы опешили.

Серафим предстал перед нами существом цыганской наружности с обнаженным смуглым торсом. За спиной — лохматится нечто, подозрительно смахивающее на сложенные крылья. Это же лохматое обернуто вокруг ног и бедер. Кажется, серафимы шестикрылы. Дивно похож на своих собратьев, какими их рисовал художник Врубель. Еще бы пару крыльев расправить, и прямо с полотна сошел.

Мы молча пялились на гостя, он тоже глядел на нас. Был его взгляд немного огорченным и чертовски магнетическим.

В конце концов серафим вздохнул:

— Понятно, опять не ждали, что сработает!

И тут же извлек из лохматых складок на бедрах абсолютно не вяжущийся с его возвышенным обликом черный кейс. Устроился на краешке Манюниной кровати и положил кейс на колени. Извлек какие-то бумаги и так же вкрадчиво, как начинал, поинтересовался:

— Ну что, молодые люди, контракт будем заключать коллективный или как?

Меня с ног до головы окатило холодным потом. Я на самом деле чего-то подобного и ожидал — и это были мои самые

худшие ожидания в жизни. Яшка, тоже, как я заметил, насквозь мокрый, сориентировался в мгновение:

— Лично я никаких серафимов не вызывал, и попрошу меня ни в какие контракты не впутывать!

В конце тирады Яшкин голос дрогнул, едва не сорвавшись. Я от его бессовестной наглости забыл про первый испуг. Привстал и говорю:

— Ну уж дудки — не впутывать!

Очнулась и Манюня:

— Хасан, а меня за что?

А ведь они еще даже не знали, что за контракт предложит серафим! Я, однако, с Манюней не мог поступить подло — она-то уж точно была здесь практически ни при чем. Сочувствие ей спровоцировало во мне приступ благородства тотального. Я расправил плечи и сделал решительное и почти хладнокровное заявление:

— Уважаемый серафим, пригласить вас — это действительно лично моя затея, которая моих друзей не касается. Давайте будем к ним великодушны.

Серафим подумал и кивнул:

— Ну, как прикажете. Значит, разговор у нас пойдет лишь о вашей душе, Хасанов Вова. Присутствующих здесь баламута пустоцветного Яшку Бармалея и Марию Заморокову, блудницу недостойную, попрошу не вступать.

Манюня едва слышно буркнула: «Зовите меня Магдалиной...» В ее заявление был вложен особенный смысл: Яшка с нами недавно поделился информацией, что знаменитая «кающаяся Мария Магдалина» никогда не была блудницей. В смысле, не в чем ей было каяться. Согласно Яшкиным сведениям, Мария Магдалина была такой же ученицей Христа, как и другие его апостолы, и такой же проповедницей Его учения. И ничего больше. Просто ее образ смешали с образами других Марий, в частности Марии Египетской, которая с Иисусом никогда лично не встречалась, зато действительно была раскаявшейся блудницей. Ранней христианской церкви очень не хотелось признавать, что среди избранных Учителем была женщина — равная с людьми... Пусть она лучше считается примазавшейся потаскухой. Вот так. В православии, правда, Марию Магдалину всегда почитали как «равноапостольную», но и все равно: «равноапостольная» и «женщина-апостол» — немножко разные вещи, согласитесь. Да и пропаганда образа Магдалины как блудницы оказала настолько сильное действие на христиан всех ветвей

и ответвлений, что даже и православные в большинстве своем тоже до сих пор сомневаются в ее «облико морале» — особенно всякие маловерующие, типа нас.

Так что Манюня буркнула не просто так, а с вызовом. Серафим вызов проигнорировал.

Яшка, немедленно почувствовавший себя гораздо увереннее, поддержал выступление новой Магдалины:

— Кому Яшка Бармалей, а кому Иван Иванович Варфоломеев!

Голос у него дрожать мигом перестал.

— Бросьте, — отмахнулся от них обоих серафим, поморщившись, и развернулся ко мне.

Некоторое время мы с ним разглядывали друг друга. Ангел смотрел на меня задумчиво, а я на него, наверное, очумело. Интересно, как к нему крепятся крылья? Растут прямо из-под кожи? Наверное, пока не полетит, все равно не разглядеть.

Наш поединок взглядов прервала любопытная Манюня. Видимо, окончательно уверилась, что лично ей ничто уже не угрожает, и расхрабрилась. Она спросила небесного посланника:

— А что у вас в руках за бумаги?

Посланник после непродолжительной внутренней борьбы сменил задумчивое выражение лица на деловое.

— Это, — сказал он, кинув взгляд на листы в руках и снова вперившись в меня, — образцы типовых контрактов. Надлежит выбрать один из них, и только как исключение мы иногда вносим индивидуальные поправки. Но не более, чем по одному из непринципиальных пунктов.

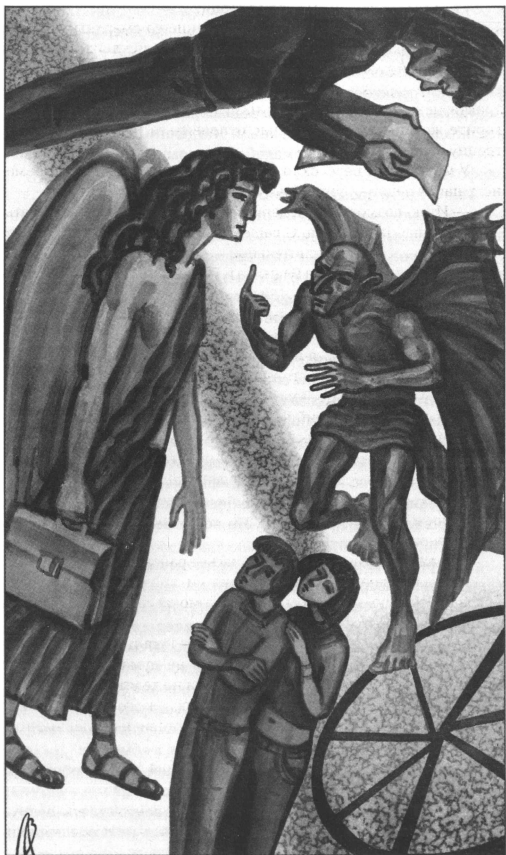
Серафим говорил, обращаясь к одному ко мне, не сводя с меня взгляда. Потом ко мне даже сунулся:

— Желаете ознакомиться с вариантами?

Никакими подобными желаниями я в тот миг не страдал. Хотелось совершенно противоположного: проснуться и забыть кошмар поскорее. К тому же я сильно сомневался, что еще способен во что-либо вчитываться. Все мое хладнокровие ушло на предыдущий широкий жест. Во рту теперь стояла отвратительная сушь, в виски колотило кузнечным молотом. В глазах плясали темные разводы. Весело было бы взять и хлопнуться в обморок!

Я попытался поправить положение чаем — спасибо, хоть руки не дрожали (почти). Потом кое-как выдавил:

— Видите ли, уважаемый серафим, мы с вами, судя по всему, друг друга не вполне понимаем. Я, собственно, не помышлял ни о каком контракте. Хотелось просто пообщаться.

Серафим грустно покачал головой:

— Уважаемый Вова, простое общение со смертными у нас, ангелов, не в ходу. Мы с людьми общаемся исключительно по делу, не взыщите. Так что, не отнимайте, пожалуйста, моего драгоценного времени. И сразу вношу ясность: отказаться от контракта невозможно. Кто не с нами, тот против нас. Вы же не горите желанием прямо сейчас отправиться на муки вечные в геенну огненную?

У меня снова пересохло во рту. Ангел небесный, тем временем, начал вещать, перебирая свои бумажки:

— Итак, возможны три варианта. Первый — это, так сказать, минимальная программа. С вашей стороны — жизнь по заповедям и не во грехе, неукоснительное следование Промыслу Божьему, усиленная пропаганда Благодати Господней. Как видите, ничего особо обременительного. Миллионы людей живут так задаром, уповая лишь на милость Всевышнего. Естественно, Господь старается их не забывать. В вашем же случае мы предоставляем твердые гарантии. Обязуемся во время вашей земной жизни хранить вас от соблазнов мира настолько, насколько возможно. Обязуемся по смерти обслужить Вашу душу вне всякой очереди. Стигматы — пункт, допускающий варианты. Непринципиальный пункт, но если вы его не отвергаете, у вас появляется возможность со временем претендовать на ангельский чин. А иначе по смерти имеет место простое водворение души Вашей в сады Эдемские гарантированно безо всяких проволочек и на веки вечные.

Серафим тяжело перевел дух, и я, учтив момент, робко поинтересовался:

— А как там в садах Эдемских насчет райских дев и прочего...

Не знаю, зачем я присовокупил «и прочего». Только одна безрадостная дума целиком завладела моим сознанием. На веки вечные!

— Вова! — осадил меня серафим. — Гурии находятся в мусульманском секторе, можете о них и не думать. Из Эдема в Джанну и обратно у нас такси и трамваи не ходят.

Предупреждая мой следующий вопрос, уже готовый сорваться с языка, серафим тут же поспешил расставить последние точки над «и»:

— Бог един, и все Его религии пред Ним равны, но перемена вероисповедания не приветствуется. Посмертных мытарств души не избежать, даже если вере изменяет истинный праведник — из искреннего и чистого чувства. А это не ваш случай, Вова.

Я сам понимал, что не мой. Но какая перемена веры? Ведь еще неизвестно, крещен ли я. Мои родители, как и подразумевает их закоренелое совковое воспитание, мыслят категориями непростижаемого материализма. И сами в церковь ни ногой, и тащить туда меня им бы и в голову не пришло. Единственно, возили они меня как-то в детстве полюбоваться бесподобной Покрова на Нерли, но даже не заикнулись о том, что этот выдающийся памятник древнерусского зодчества — Божий храм.

Я, конечно, человек более широких взглядов, но тоже на принятие веры не сподобился. Хотя, например, к той же Покрова на Нерли, к самой красивой церкви в мире, меня влекло неудержимо, и я, едва смог передвигаться самостоятельно, возвращался в нее вновь и вновь. Но только в качестве туриста.

Правда, покойная двоюродная бабка... Ходила в семье версия, что когда я был еще младенцем, она меня тайно крестила. Я поделился сомнениями с серафимом. Он их рассеял, как мне почудилось, не без затаенного злорадства:

— Если бы вы не были крещены, Владимир, Великая Ключица не сработала бы ни в какую сторону.

Значит, бабка свершила-таки свое черное дело. А иначе, выходит, у меня бы сейчас и вовсе не было никаких проблем с серафимами. Спасибо, бабуля! И негасимым синим пламенем гореть бы тебе в аду...

А серафим не рассусоливал:

— Я надеюсь, с минимальной программой разобрались. Вот более серьезная версия: она предполагает, что вы, Вова, добровольно и от чистого сердца решаетесь целиком посвятить жизнь бескорыстному служению людям. Во Славу Всевышнего, естественно. Со своей стороны, мы гарантируем, что у вас будет возможность раскрыться на поприще подвижничества полностью. Возможно, еще при жизни вас причислят к лику блаженных. А после смерти немедленно начинается ваша небесная карьера. Разумеется, с младшего, девятого чина — с простого ангела. Но до архангела и Начала — уже рукой подать. И здесь тоже имеется подвариант со стигматами. При жизни приняв стигматы ран Христовых, вы после смерти сразу производитесь в архангелы, а если являлись еще и служителем церкви, то в Начала. Но служитель церкви — подвижник без стигматов — это не тянет больше, чем на архангела. Кстати, само по себе служение в церкви вообще не котируется никак. Только дает дополнительный плюс к подвижничеству.

Тут же мне пришли на ум имена матери Терезы и Сергия Радонежского. Больше никого из великих подвижников вспомнить

не получалось: мой ошеломленный мозг работал в режиме максимальной безопасности и, следовательно, минимальных энергозатрат. Но и так получалась славная компания. Сергей Радонежский с матерью Терезой — и Вовка Хасан. Как же без него? Обхохочешься, но было не до смеха. А шестикрылый, благоговейно понизив голос, уже перешел к третьему варианту.

— Наконец, программа-максимум... Если вы предпочтете контракт на ее условиях, вам, Вова, придется выложиться не на шутку. Придется проявить незаурядную целеустремленность и самоотдачу. От вас также потребуются инициативность, находчивость и твердость духа. Впрочем, никто не оспаривает, что вы необычайно предприимчивы, изобретательны и отличаетесь несгибаемым упорством в продвижении к намеченной цели — этого у вас не отнять при всем желании. Итак, я говорю о стезе пророка. Мы обеспечиваем вас первоначальной аудиторией и скромным, но впечатляющим набором карманных чудес. Предоставляем консультации любого рода и по первому требованию. В конце пути — мученическое самопожертвование и вознесение на Небеса. После смерти вы сможете претендовать сразу на чин *господства, силы или власти*. Это — вторая триада небесных чинов...

— А чего не первая? — машинально ввернул я.

— Не зарывайтесь, Владимир! — прищекнул серафим. — Вот если бы вы прошли стезей пророка без нашей страховки, то вас бы, несомненно, сразу пожаловали в престолы, херувимы или серафимы...

— Странно, — подал тут голос дотошный Яшка, — я слышал, что архангелы — начальники над серафимами, а в вашем изложении получается, что напротив.

Шестикрылый кивнул:

— Распространенная путаница. Командует нами действительно архангел Михаил, начальник Воинства Небесного. Но он как бы такой главнокомандующий, который довольствуется званием старшего лейтенанта. Конечно, такая параллель условна. Михаил — из числа первоположенных семи архангелов Господних. На самом деле все они — явные серафимы, херувимы или престолы. Но предпочитают именоваться по-старому, архангелами.

На уста *ангела высшего разряда* набежала рассеянная полуулыбка. Видимо, вспомнил о чем-то своем, Эдемском. Манюня воспользовалась моментом, чтобы напомнить о себе.

— Скажите, а контракт подписывается кровью? — спросила она о самом интересном.

Ну и ляп! Или Манюня внезапно и катастрофически поглупела, или это была отчаянная попытка разрядить обстановку любым способом.

И серафим поддержал этот фарс. С прежней усмешкой на устах, только чуть более кривоватой, он поведал:

— Если клиент настаивает на проведении церемонии по полной форме, то мы обычно даем ему заверить Контракт красными чернилами. Но подписывать Обязательства пред *Ним* на самом деле даже излишне. Достаточно простого Слова.

Красные чернила! Как в дешевом кинофильме... Я едва не засмеялся, но вовремя взял себя в руки: могла случиться истерика. Серафим слегка встряхнул крылами за спиной — затекли, наверное, — и, снова сделав строгое лицо, объявил:

— Мне бы очень хотелось, чтобы вы, Владимир, сделали выбор в пользу третьего варианта. Вы обладаете всеми необходимыми данными. Но предпочесть то, что вам больше *по душе*, — ваше право. Определяйтесь и выбирайте!

Я снова покрылся холодным липким потом: неужели вот так вот сразу и бесповоротно профукать всю свою судьбу — и земную, и *в вечности*? Под ложечкой засосало так, что мне показалось, будто меня сейчас туда всосет всего, по самую макушку. Из последних сил я вытянул шею и взмолился:

— Но погодите же! Я ведь должен все как следует обмозговать, посоветоваться с друзьями... Дайте мне хотя бы неделку, а лучше — две или три.

Серафим нахмурился, но сказать ничего не успел.

Потому что тут у нас появился еще один гость — опять никто не уловил момента материализации. Все дружно уставились на него. Чрезвычайно худой, хотя и ширококостный. Тоже завернут в какой-то перепончатокрылый кокон — далеко не такой симпатичный, как у серафима. Но это еще ничего.

Потому что если серафим имел просто лицо восточного типа, то новоприбывший был вылитый абрек. Гнусная рожа! Эти воспаленно-красные глаз без век и узкий лоб без бровей, этот костлявый горбатый нос и уродливый подбородок с желваками, эти высокие острые хрящи вместо ушей... Подобные уроды не созданы внушать доверие, от подобных уродов разумнее всего держаться подальше.

Далее события стали развиваться в нарастающем темпе. Новоприбывший обратился к серафиму:

— В чем задержка, а? Ныкак упорствуют, а?

Это был явный наезд. И голос, голос с сильным акцентом, непонятно, с кавказским или арабским, но точно, что их самой неприятной разновидности; голос еще более гнусавый, чем у Бармалея; голос, от которого непередаваемо веяло первозданно животным, неукротимым неистовством, — этот голос не предвещал ничего хорошего. Тон был ужасен. Заявления, сделанные подобным тоном, как подсказывал мне мой богатый личный опыт, случаются непременно к скандалу. Мне самому приходилось их делать неоднократно, надеясь, что в случае чего мой бокс мне поможет. На этот раз уповать на бокс было несерьезно.

Дипломатичный серафим, прежде чем ответить абреку, scel нужным нам его представить:

— Познакомьтесь с дежурным по вашему сектору херувимом. Мы с ним иногда работаем в паре. Прошу извинить его манеры — но он не настолько злобен, насколько хочет казаться. Сильно не пугайтесь.

Абрек согласно кивнул:

— Молодэц, вэрно сказал! Парву бэз всякой злобы — чысто по долгу службы!

Ничего себе херувимчик! Сказал — и повел по нам своим воспаленным взором. При этом обнаружилось, что затылок у него начисто отсутствует, а вместо затылка со спины имеется второй лик, львиный. Двудикость херувима смотрелась неожиданно органично. Жуткая тварь. Нет, о боксе лучше и не думать.

Сдали нервы у Бармалея, и он, вскочив, начал кричать и руками размахивать:

— Вот на меня только прошу не скалиться! Еще раз повторяю, что я тут человек посторонний и случайный! Если позволите, вообще буду рад покинуть собрание!

Вопя, Бармалей нервно дергался, будто порываясь бежать. Но Ангелы Небесные, заняв позиции в стратегических точках, надежно перекрывали нам все пути к отступлению. А идти на прорыв — не в Яшкином стиле. Брать голосом он горазд, а вот на физическое действие, несмотря на всю свою внушающую уважение комплекцию, слабоват.

Херувиму Яшкины стенания были до лампочки.

— Ну? — тихо, но с упором рыкнул он серафиму уже своим альтернативным ликом. — Дэла нэ ждут, а? Говоры, с которого начинать-зачынять!

Серафиму в очередной раз не удалось ответить на заданный ему вопрос. Потому что Яшке с херувимом удалось-таки дореветься до Анюни.

Когда Анюня с головой уходит в киберспейс, ее оттуда трудно вырвать. И если нет на то веских оснований, то лучше этого и не делать.

Она нарисовалась во всей красе и ярости, какие возможны.

— Вам тут что, матч ЦСКА — «Спартак»? — завопила она. — Тут рядом с вами люди делом занимаются, между прочим! У вас тут что, глотки луженые, и драть их не жалко? Так я их вам сейчас раздеру еще быстрее!

Жесты и мимика органично дополняли речь. В особенности удались стройные ляжки в негодующих пупырышках.

Ангелы небесные к подобному обращению, похоже, не привыкли. Серафим беспомощно взглянул на херувима, херувим застенчиво повернулся к Анюне звериным ликом. Анюня от восторга даже присела:

— Вот колбасит дядьку, а!

Но тут же медленно и плавно поправила тонкие очки на тонкой переносице и круто сменила гнев на милость:

— Ладно, вы тут развлекайтесь, только старайтесь сильно не шуметь. А то у меня дипломная. Ну, я пошла.

И канула обратно в свою виртуалку с дипломом. С той же стремительностью, что и вынырнула. Отступление, похожее на бегство... На мгновение стало оглушающе тихо, только стучали Анюнины клавиши и слышалось булькающее дыхание Бармалея.

Длилось это дивное, блаженное мгновение недолго. После окончания шоу разъяренной женщины херувим вновь развернулся к нам человекоподобной рожей — выглядела она, правда, уже не так жутко. Даже почти жалобно. Еще бы, такую оплеуху отгрести. А серафим ничуть не смутился. Как ни в чем не бывало, он вперился в меня пылающим оком. Оказывается, у серафимов глаза тоже могут светиться.

— В общем так, Вовочка-Хасан, сутки тебе на размышление. Можешь провести их как угодно: подглядывать за тобой никто не станет. Можешь нас не вызывать: сами придем, дорогу знаем.

Херувим иронически хмыкнул в свой горбатый нос.

И тут началось самое дикое.

Серафим заправским факиром сменил кейс в левой руке на пылающую жаровню — натуральную жаровню с раскаленными углями. В его правую руку прыгнули длинные щипцы. Ими он ловко подхватил горящую уголину и ткнул ею прямо мне в лицо. Все произошло в мгновение ока — я только и успел, что чуток

отдернуться, но серафим с подобной реакцией новобранцев Воинства Небесного был, по всей видимости, хорошо знаком. Увернуться не удалось, и пыл-жар лизнул мне по губам. Никакой боли — укол абсолютного холода, и мои губы задеревенели, как от новокаина в кабинете стоматолога. Онемение длилось секунду и бесследно исчезло.

Щипцы и жаровня тоже куда-то пропали.

— До завтра! — жизнерадостно воскликнул серафим и белым облачком растворился в воздухе. Херувим дематериализовался не прощаясь.

Запаха серы демоны не оставили.

Секунд через пять или десять взмыленный, как загнанная лошадь, Бармалей поинтересовался с фальшивым участием:

— Хасан, ты в порядке?

Голос у него из гнусавого сделался сиплым.

— Вроде бы ничего, — неуверенно ответил я.

Бледная как полотно, Манюня пискнула:

— Ой! Мне в туалет надо.

И стремительно умчалась по своим делам. Бармалей тоже вспомнил о чем-то неотложном. Задницей вперед попятился к выходу:

— Ну, я это... Хасан... В общем, увидимся.

Он испарился прежде, чем я успел понять, что предпринята попытка к бегству. Неожиданно я остался совершенно один. Все, за что цеплялись мои оглушенные взгляд и разум, выглядело безотрадным, пустым и мертвым — и безнадежная роза в бутылке, и безысходный закат за окном, и недопитый чай в стакане. В душе и пространстве налицо было полное истощение сил и энергий. И только где-то за спиной и сбоку вдохновенно барабанила по клавишам неумолимая Анюня...

Итак, было совершенно очевидно, что мое дело — труба. Отвертеться от беспросветных Контрактов не представлялось возможным. Когда вновь нарисовалась Мария, мы не сказали друг другу ни слова. Так и молчали, пока к нам не присоединилась Анна. Потом я слушал, как Манюня излагает ей происшедшее. Иногда кивал: мол, сказанному верить. Анюня не верила, хотя вроде бы видела серафима с херувимом собственными глазами — еще и через свои зрительные приборы. Мне было наплевать на ее неверие — я думал только о том, что теперь в моей жизни не найдется места никаким Анюням-Манюням, как и многим другим вещам. Боксу, например, потому что заполучил

в правую челюсть — подставь левую. Преферансу, потому что это азартная игра, а следовательно, тоже разврат и непотребство. И так далее. Серафим недвусмысленно дал мне понять, что жизнь праведника — меньшее, что меня ждет. Господи, сколько я должен был лишиться по собственной глупости! Господи, почему Ты так жесток?

Оставались лишь сутки нормальной жизни — и я решил напоследок отдать ей дань...

Но уже ночью случилась первая осечка — самая жуткая. Раньше со мной такого и в страшном сне не приключалось. Тут и Анюня поверила, что наш бред об ангелах небесных — не розыгрыш. Потому что поверить в серафимов и херувимов легче, чем в то, что я способен на явленное бессилие, тем более на его имитацию. Сразу у Анюни нашлось и объяснение постигшей меня беде. Она сказала: «Серафим ведь очистил твои уста от скверны. Наверное, очищение коснулось всего тебя в целом». И добавила: «Так что, Хасан, не переживай. Очень скоро мыслей скверных у тебя тоже не останется». Это она меня так утешала, сострадательная моя. Я на нее не сержусь, привык не обижаться на правду. Действительно, мне уже и хотелось-то не очень.

Бессмысленно было пенять на то, что ангелы играют нечестно, сперва подарив мне сутки, а потом их тут же и лишив. Ведь разговор шел только о времени на размышление. Размышлять я мог сколько угодно — за это дело и принялся.

Нужно ли отдельно говорить, что я не сомкнул глаз до утра? О чем я передумал той ночью, должно остаться со мной. Скажу только, что я много плакал и смеялся над всей своей прошедшей жизнью, такой милой и такой короткой... Кажется, мешал спать девчонкам. А они все-таки спали, я бы на их месте не смог. Впрочем, бабы ведь, им все как с гуся вода.

Наутро, глянув в зеркало, я смог оценить, как приблизительно должен выглядеть начинающий праведник. Не буду описывать подробностей. Скажу только, что зрелище не для слабонервных. Мои Анна-Мария к таким не относятся, но проняло и их. Манюня даже вызвалась сбегать за пивом и сосисками.

Прекрасно начать день с пива и сосисок! Но, увы, пиво в горло не лезло. На любимые венские сосиски я не мог смотреть без отвращения. Поделился новой неприятностью с девчонками.

— Процесс идет полным ходом, — оптимистично заметила Анюня. Она, конечно, имела в виду мою трансформацию в праведника.

— Насчет алкоголя ясно, — согласился я, скрепя сердце. — Но чем провинились сосиски?

— У нас тут некоторые называют сою картоном, — деликатно потупила глазки жестокая и всеведущая красотка, — и дешевые сосиски покупать запрещают. А сейчас идет последняя неделя Великого Поста. Тебе на самом деле нужно потерпеть всего несколько деньков, Хасан. В воскресенье Пасха, тогда и разговеешься...

Я от таких речей подскочил, едва стол не уронив. Схватил куртку и пулей вылетел из комнаты. Хотелось бежать, спасаться... Но, увы, я понимал, что бежать поздно и некуда. Серафим ясно сказал: «Дорогу знаем». То есть везде, мол, сыщем, из-под земли достанем.

В довершение ко всему меня начало мучить какое-то смутное, неопределенное желание. Незнакомое и тягостное желание, я еще не мог сказать о нем ничего конкретного... но оно мне заранее не нравилось.

Я отправился в универ. А куда еще?

...Вокруг — все предельно буднично, все как всегда. Умирающий трамвай до «Университета», забулдыжный троллейбус до родного биофака. Проворные московские старушки, нахрапистые кавказцы-сумочники — или таджики, поди их разбери. Очкастые студентки с конспектами, вкрадчивые контролеры с беспокойными глазками. Киоски, лотки, бомж под светофором. Буржуйские «мерсы», ментовские «форды». Голые деревья и хрупкое небо, линялые афиши и вездесущая реклама. Одним словом — Москва. Местами накрученная, местами раскрученная. Лихая, безоглядная, почти всегда — нечистая на руку. Но в целом — вполне предсказуемая. Я никак не мог взять в толк, как я умудрился попасть в такой беспредел...

Где читают лекции нашему курсу я не знал, бываю на них нечасто, а уж про первую пару и говорить нечего. Пошел на то, что подвернулось, но так и не понял, куда попал. Внимания не было никакого. Потом бесцельно блуждал по коридорам и лестницам, пока кто-то меня не окликнул.

Я оглянулся: Леха Ларкин из моей группы. Первый ботан у нас на курсе — даже именной стипендии удостоился за таланты и усердие. Ни в таланте, ни в усердии ему действительно не откажешь, но вообще-то никаких чувств кроме раздражения и гадливости Леха у меня не вызывает. Не в том дело, что я не люблю ботанов, — ничего против них не имею, хотя, на мой взгляд, надо и

меру знать. И не в том, что Лехе не мешало б малость подкачаться, хотя и не нахожу я ничего симпатичного в упорствующих хляках. Просто уж очень точно Леха чувствует «политику партии» в моей любимой генетике. Очень правильные у него взгляды и позиции, аж противно. Догматик он, короче. И еще — упорно набивается мне в друзья. Без мыла лезет — приятного мало.

Леха обрадованно принялся совать мне распечатки:

— Хасан, тебе вопросы к последнему колку по биохимии клетки нужны? Лектор раздавал, я взял и на тебя. Колок будет через две недели прямо на лекции и для всего курса разом. Кстати, лекции у нас в М-1, если ты не знаешь.

М-1 это аудитория. Люди науки частенько бывают немного рассеянны, и гости факультета, если их направляют в какое-нибудь «М», иногда попадают не по адресу. Особенно любопытно наблюдать за рассеянными гостями типа «Ж».

Со свирепой мордой лица я вырвал из рук у Ларкина распечатку, развернулся и пошел прочь, не разбирая куда. Физически почувствовал, как у меня за спиной щупленький ботаник крутит пальцем у виска. Сволочь.

Почему-то сегодня Ларкин показался мне еще противнее, чем обычно. Сегодня было б хорошо не в сторону его отпихнуть, а каблуком, как таракана... Совсем не праведнические мысли и настроения меня вдруг посетили. Я их даже внутренне устыдился немножко — и переключил внимание на распечатку с вопросами, чтобы отвлечься.

Неужели в мире существуют не только неумолимые серафимы, но и такие безобидные и приятные вещи, как биохимия клетки? «Парадокс», — подумалось мне.

Я поднялся на кафедру, к своему научному руководителю. К счастью, его в лаборатории не оказалось.

К счастью, потому что я не знал, чего от него хотел. Потому что не был расположен вести посторонние беседы. Потому что вновь подкатило к горлу непонятное желание, теперь уже начинающая меня по-настоящему мучить, хотя я по-прежнему не мог сказать, в чем оно состоит.

Потому, наконец, что с первым шагом на порог лаборатории мне почудилось, будто я совершаю нечто непозволительное и постыдное, — и я опрометью бросился вон. Ноги меня сами понесли.

Остановился я, только покинув здание. И тут меня осенило: как новоиспеченный праведник, я обязан испытывать должное уважение к Промыслу Божьему, о чем серафим заявил чуть

не первым пунктом. Как это уважение, спрашивается, увязать с моей генетикой? Кровь остановилась в жилах: без генетики я себя не мыслил. Но это ненадолго, серафим ведь обещал хранить меня от соблазнов, плюс злополучное очищение. Значит, вскоре помыслию. Вот уже спасаюсь бегством из лаборатории. Я недоуменно посмотрел на вопросы по биохимии, которые до сих пор мертвой хваткой сжимал в кулаке. Пошел к мусорной урне у входа в факультетский корпус и отправил распечатку в нее. Биохимия мне уже не понадобится, так-то! Оставляю на откуп Ларкиным!

Но ведь тогда получалось, что меня очень скоро вовсе не станет, я же генной инженерией брежу с пеленок, я без увлечения ею стану не я, *стану кто-то другой!*

Это был уже кошмар на всю катушку. Вспомнилось знаменитое гумилевское «мы меняем души, не тела». Выходит, поэт прав, и Бог есть, а бессмертия души нет и в помине. Даже если душа продолжает жить после смерти тела, ее вечность — одна иллюзия. Лицемерный обман.

Но с другой стороны, все должно расти и развиваться, душа не исключение. Представим себе, что происходит банальный качественный скачок. Диалектический.

Прекрасно! Но почему мне не оставляют выбора?

Я попытался разыскать Бармалея. Еще ночью у меня возникли, а теперь и окрепли, подозрения, что он знал заранее, как оно обернется, с тем ко мне и шел. Бармалей уже давно ноет, что я обеих наших девчонок под себя приспособил и его не подпускаю, не хочу делиться. Как будто делиться женщинами — не последнее дело... Короче говоря, Бармалей запросто мог попробовать убрать меня с дороги. Возможно, в сговоре с ним выступила и Анюня. Уж больно кстати она вынырнула со своим «задом наперед». Может, действительно снюхались у меня за спиной, с них станется.

В любом случае, если даже Бармалей и не имел злого умысла вначале, потом все равно меня позорно предал, и теперь заслуживал справедливого отмищения. Несмотря на все перемены в душе и темпераменте, я чувствовал, что еще способен набить ему морду. Как минимум.

Начал розыск я с учебных корпусов. Бармалеевская группа нашлась быстро, но он сам отсутствовал. Я отозвал в сторонку Мишку Крупикова, который делил с Бармалеем комнату в общежитии, — выяснилось, что мой кореш вообще пропал. Со вчерашнего

дня нигде не появлялся. Видимо, предусмотрительно ушел в подполье.

Тогда я подумал было, не заявить ли на него куда положено. Но для этого требовалось ехать в общагу за свидетельством его преступления. А я ведь еще и не настолько освоился в шкуре праведника, чтобы бестрепетно входить в Обитель Зла, каковой, несомненно, является Лубянка...

И кроме этого, на меня сильно подействовало краткое общение с Крупиковым — *умиротворяюще*. Мишка Крупиков — сложный человек, который несмотря на молодые годы успел уже побыть композитором, экономистом, теперь вот историк. Но его сложность строилась на чем-то честном и гармоничном. Будто в грамотном архитектурном комплексе или искусно ограненном кристалле. Славный, чистый парень, прямая противоположность мерзкой гниде Ларкину.

«Интересно, откуда вдруг такая категоричность суждений? — подумалось мне. — Откуда такая уверенность в справедливости оценок?»

Но, покидая исторический корпус, я почувствовал, что знаю, откуда. Я теперь всех мог видеть насквозь. У каждого из нас есть некий скрытый психический орган, позволяющий с одного взгляда составлять общее впечатление о человеке. Смутное, нестойкое... У меня этот орган вдруг заработал на полную мощность — и стал выдавать не обманчивые впечатления, а точные и верные оценки. Я знал, что верные. Почувствовал своим пробуждающимся праведническим чутьем — и *понял всю шкалу*. Крупиков и Ларкин — это как полюса, а, например, Анна-Мария и Бармалей — болтаются где-то посередине. Есть в них много дурного, но и немало хорошего... Мне стало ясно, что бить морду Бармалею не стоит, наверное. Жаль, очень жаль!

Совсем раздосадованный, я пошел куда глаза глядят, потом поехал, а потом каким-то образом очутился в Парке культуры имени Горького. В дороге меня беспрестанно терзало то самое, возникшее утром, невыразимое желание. Вымотало меня до предела — и отпустило только тогда, когда мои чувства уже совсем отказались что-либо чувствовать.

Сел я, совершенно бесчувственный, на скамеечку и сижу, ни о чем уже не думаю. И задремал даже. Наверное, не больше, чем на пару минут, но успел увидеть сон. Приснилось мне, будто сижу я на этой самой скамейке, а мимо проходит двуглавое чудовище, Анна-Мария. Я, наверное, выгляжу еще чудовищнее, потому что

одна из голов, правая, Анюнина, говорит: «Да это же Хасан! Надо же, как его угораздило!» Левая голова, Манюнина, жалостливо вздыхает: «Похоже, съел что-то, бедненький». А Анюнина голова ехидно так усмехается: «Да не, всего-то понюхал». Я чувствую, что мне совершенно необходимо растолковать безмозглому монстру насчет моей родовой травмы, у меня и рот уже раскрывается... Но язык не поворачивается воспроизвести ужасное признание. Я с языком борюсь, а он отказывается шевелиться, деревянный, как вчерашние губы; я борюсь, а язык не ворочается; у меня уже скулы сводит от перенапряжения — а язык не поддается...

И тут я проснулся — с нехорошим чувством во рту и на сердце. Захлопнул разъявленную пасть и нервно огляделся по сторонам.

Явь была ужаснее сна. Вернее, ужаснее сна было то, что в обыденной и нестрашной яви на меня обрушилась вся эта изуверская средневековщина с бесчеловечными Контрактами, с инквизиторским очищением от скверны. Как вообще может с обычным по всем меркам человеком, пусть даже и травмированным, приключиться история с участием подлинных серафимов и херувимов? Тем более в таком приземленном городе, как Москва, со всеми ее сумочниками, мусорами, собачьими какашками...

Однако, подумалось тут мне, что если вспомнить, какими конкретными пацанами оказались явившиеся по мою душу небесные посланники, то где ж подобным историям и приключаться, как не в Златоглавой...

Ко мне на скамейку подсела невзрачная девица с булочкой. От булочки она отщипывала крошки и бросала их вившимся вокруг голубям. Голуби, причем, были мало похожи на тех, которыми парк Горького так и кишит.

Впрочем, они вообще были незаурядны. Белые как снег, удивительно чистые и гладкие — просто загляденье. Резкий контраст с незатейливой девицей, что их кормила: вся она была маленькая, худенькая и блеклая. Блеклая с головы до пят, от неопределенного оттенка прилизанных волосиков до линялой джинсы и разбитых кроссовок.

Но ее голуби были чрезвычайно хороши, не сравнить с обыкновенными городскими и даже с породистыми. Я сразу понял, что это именно ее голуби: такие прекрасные птицы не бывают бесхозными.

Блеклая незнакомка их кормила, они смешно скакали и прыгали, о чем-то между собой курлыкая на своем голубином

наречии. Девушка голубям заливисто смеялась и весело оглядывалась на меня, — наверное, не прочь была завести знакомство. Инстинктивно я тоже заулыбался — и сказал:

— Симпатичные пташки.

— Меня зовут София, — не стала ходить вокруг да около девица.

Я почувствовал, как тихо тает моя улыбка: нахлынули разные неприятные ассоциации. Вспомнилось, что в православии София — олицетворение Мудрости Космической. Самые знаменитые православные церкви древности были посвящены той Софии, под ее знаком христианство пришло на земли нашей Родины. А тут еще удивительные голуби...

Почему-то сразу стало невыносимо жаль и блеклую девушку, и ее блистательных голубей. Но я решил с этим чувством бороться.

— София, Софья, Софи... — покатал я ее красивое знаковое имя во рту и, усмехнувшись, спросил:

— Святая, что ли?

— Да, — просто ответила девушка.

— Понятно, — вяло кивнул я.

Действительно, святая, так святая. Способность хоть чему-нибудь удивляться покинула меня еще вчерашним вечером. Я только поинтересовался у космической гостьи:

— Искушать будете?

— Зачем? — удивилась она. — Сам искушисься.

Потом помолчала и говорит:

— Просто я люблю знакомиться с будущими пророками вот так, когда они еще не утвердились в своем выборе окончательно.

И пояснила:

— Если ты избереешь стезю пророка, нам с тобой придется встречаться особенно часто. Я тебе еще успею надоесть хуже горькой редьки, Хасан. Какое тут может быть искушение?

Я с пониманием кивнул и поинтересовался:

— И с кем я еще должен буду познакомиться?

— Со многими, — загадочно улыбнулась София. И тут же выдала утешительное:

— Будет трудно, но скучать не придется.

Я снова кивнул. И подумал, что, в принципе, жизнь пророка может оказаться удивительно интересной, богатой событиями и приключениями. Как и жизнь подвижника, и даже простого праведника. Трудностей я не боялся, скучать не умел.

Подумалось мне и о необъятных космических просторах — главной арене вечного противостояния Добра и Зла.

Я спросил Софию:

— Каков расклад сил во Вселенной?

— Борьба идет с переменным успехом, — ответила святая, уклончиво глядя вдаль. Она отломила мне кусок булки, и мы стали кормить голубей в четыре руки.

— А знаешь, — сказала София, — на Небе совсем как у нас здесь.

Я спросил:

— Почему у нас?

— Да я ведь тоже родом отсюда, — ответила Мудрость Космическая. — И здесь я рожала своих дочерей: *Веру, Надежду, Любовь*. На Небе нас большинство с Земли. Нигде во Вселенной не встретить столько чувствительных к Добру и Злу людей, как на этой планете.

Я подумал, что, следовательно, и в Преисподней одни наши. А вслух сказал:

— Мы все здесь вечно чем-то глобальным озабочены, не вполне разбирая, чем именно. «И сам не понял, не измерил, кому я песни посвятил, в какого Бога страстно верил, какую девушку любил...»

София тихо рассмеялась:

— Да уж...

Потом мы молча кормили ее голубей, думая каждый о своем. Я обратил внимание, насколько голуби упитанные. Аж лоснятся все, чисто бройлеры! Наверное, сдобные булочки у Софии не переводятся. А сама-то...

Но так и должна выглядеть истинная Мудрость Мира. Другое дело, будь она Премудростью, но ведь она именно Мудрость. Премудрость — это поэтическое преувеличение, когда о Софии. Настоящая премудрость к ней никакого отношения не имеет, настоящая премудрость — от Лукавого, потому что наполовину хитрость.

Такие спокойные и сдержанные истины мыслились мне в тот момент, и в окружающей атмосфере тоже витал дух умиротворения и отрады. Где-то в глубине я чувствовал, что тихо схожу с ума, но это было приятное чувство.

Потом святая ушла. «Милое создание, — подумал я ей вслед. — Хорошо, что в Раю водятся не одни серафимы с херувимами, мне ведь там жить...»

Вновь накатило давешнее таинственное желание. С новой, ужесточенной силой. Томимый им, я воспринимал окружающее подернутым некоей нереальной дымкой. То и дело подкатывал к горлу мучительный комок. Может, это напоминание о том, что пора определяться со стезей? Но мне не давало покоя предчувствие, что невыразимое желание в результате окажется чем-то гораздо большим, нежели простым напоминанием о неизбежности грядущего.

Я поехал домой, в общежитие. Дежурным охранником на пропусках стоял знакомый Пашка Матвейченко. Он, как всегда, спросил:

— Ну что, никаких себе еще членов не клонировал, генетик Хасан?

Я всегда ему отвечаю: «С теми, что есть, управиться бы...» Это у нас как «Салам Аллейкум» — «Валлейкум Ассалам». Но сегодня я Пашке сказал:

— Еще нет, но всерьез над этим задумываюсь.

Наверное, я был убедителен. От неожиданности Пашка, даже не вспомнив о полагающейся ему мзде, пропустил в наш студенческий храм каких-то девиц, пытавшихся в него внедриться без пропусков. Я проследовал за девушками и в лифт.

Анна-Мария были уже дома. Анюня, может быть, вообще сегодня из комнаты не выходила, просидев весь день за компьютером.

Ко мне сразу начали приставать с глупыми вопросами о моем самочувствии, но я только отмахнулся. Выпил чая с сухой хлебной коркой — и стал сыт. Таинственное желание по-прежнему поднималось откуда-то изнутри и жгло душу.

Потом я сидел напротив Анюни с Манюней, молча их разглядывая, они застенчиво отводили глаза. Я вдруг понял, что люблю их. Нет, я только теперь их полюбил! Потому что любовь — это не трепет жил и не замирание сердца. Любовь — это изумительная, всепоглощающая боль *сострадания*, которая единственно и способна дать тебе понять, что такое *жить*. И только теперь я впервые ощутил всеохватное чувство полноты бытия своего, и понял, что *люблю*. Я, кажется, облизнулся. Анна-Мария, правильно приняв это на свой счет, но истолковав превратно, начали строить мне глазки.

Я им не отвечал. В голове продолжали роиться неопределенные мысли, сердце ныло от неизбывной любовной тоски и вконец измучившего меня желания неизвестно чего. Пришло новое чувство — горячее убеждение в том, что своим загадочным

желанием я вскоре должен разродиться словно выношенным в собственной утробе ребенком. И этот драгоценный плод мой, сокровенная мука сердца, открывшись, уже никогда меня не покинет. Навсегда поселится в душе моей, озаря тихим сиянием ее бытие *в вечности*. И почти сразу нахлынуло ощущение того, что долгожданное желание наконец созрело и рвет родовые оболочки, отливаясь в форму внутреннего слова. Я не сдержал порыва и его озвучил, воскликнув:

— Господи, как же хочется сделать что-нибудь *доброе*!

Анюня отодвинулась от меня подальше, Манюня смахнула слезинку со щеки. Я тоже промокнул глаза. Новорожденная часть моей души агукала и пускала пузыри, сердце мое ликовало.

Я улыбнулся девчонкам широкой, жизнерадостной улыбкой. Осмелюсь предположить — лучезарной. Анюня немедленно вскочила и помчалась искать себе компанию на Мэнсона — не пропадать же билетам. Сведений об очередной отмене концерта до сих пор не поступало. Манюня идти на Мэнсона отказалась наотрез. «Хватит с меня вашей мистики, — сказала она, — сыта по уши». И уехала в свою математическую общагу.

Я Манюню понимал, сюда вскоре должны были нагрянуть Ангелы Господни. Зачем лишний раз мозолить им глаза? Но все-таки удивляло, с какой легкостью и она, и Анюня воспринимали коренную ломку моей судьбы и личности. Как будто со мной происходило нечто вполне естественное и не особенно страшное. Как будто мои перемены девчонок не затрагивали, ничего в их жизни не меняли. Неужели я для них так мало значил? Может быть, очищение от скверны коснулось и их? Может быть, это заразно?

До назначенного часа времени оставалось навалом. И я сел писать эти записки, надеясь с их помощью привести свои разбегающиеся мысли к единому знаменателю. Помимо этого, требовало немедленного утоления новорожденное желание делать добро, а если я предам гласности свои перипетии с Великой Ключицей, то, несомненно, принесу людям некоторую пользу. Ведь кто-нибудь сможет извлечь из происшедшего со мной очевидные уроки, сделать правильные выводы. И я вдохновенно, как Анюня, забарабанил по клавишам.

Даже вдохновеннее. Сейчас я смотрю на этот документ, и у меня в голове не укладывается, как я мог набарабанить столько в один присест.

К настоящему моменту я не только смирился со своим жребием, но и перестал на него сетовать. Действительно, пусть я

лишаюсь моих Анны-Марии и пива с сосисками, преферанса, рок-музыки, бокса. Даже генетики, дьявол с ней. Зато какие передо мной раскрываются горизонты и перспективы! Стезя пророка, таким образом, манит меня с особенной силой.

Бармалей я простил — Господь ему судья. Анюню, если она с Яшкой заодно, — тоже. Ее я вообще люблю. Мои внутренние метаморфозы меня теперь только радуют, себе прежнему я не могу не ужасаться.

Но за три или четыре часа, которые потребовались мне, чтобы изложить события последних суток, сомнения иного рода стали одолевать меня...

Ибо даже заключая Контракт на минимальных условиях, я получаю дар, который обременяет меня величайшей ответственностью. Я ее не боюсь, но достоин ли ее? Кто я такой, чтобы Благодать Господня благоволила ко мне по-особенному? По какому праву я претендую на то, в очереди за чем стоят другие, куда более капитальные люди?

Правильно говорила София: *искушисься сам*. Потому что свалившееся на меня и есть не что иное, как *искушение*. Хотя и такое... шиворот-навыворот. Но и все равно, оно должно быть преодолено, какой бы ни обладало силой. Я не заслуживаю ни стези пророка, ни даже Спасения и теплого местечка в Раю. И не могу идти на Контракт, которого недостоин.

Возможно, у меня не появилось бы сомнений, если б не ранг небожителей, занявших моей скромной персоной. По первому вызову явился сразу целый серафим, потом еще и херувим, и, наконец, сама святая София. Направить ко мне кого-нибудь из господств или сил — и то было б громадным перебором.

Ни под каким предлогом, ни на каких условиях не пойду я и на компромисс с собственной совестью. Возможно, серафим перестарался с очищением меня от скверны.

Но заслуживаю ли я мук геенны огненной? Ведь случилось всего-навсего недоразумение, единственно из-за моего прежнего безрассудства. Из-за безрассудства, которое, я уверен, вовсе не входит в число страшных, или, как принято говорить, смертных, грехов. Которое, быть может, и грехом не считается.

Да и Анна-Мария: кто о них позаботится, если не я? Бармалей, что ли? С другой стороны, на кой им обеим сдалась забота праведника? Они и так меня, своего Хасана, Вовочку, стали уже сторониться, а ведь не прошло еще и суток, как я был очищен. А насильно мил не будешь, да и не способен я теперь ни на какое насилие.

Нет, не могу я пускать на самотек пропащие души, это в высшей степени несолидно. Как ни парадоксально, у меня остается лишь один выход, и мой выбор предрешен. Раздумывать тоже некогда, время уже поджимает.

Но я и без всяких раздумий знаю, что поступаю правильно. В моем распоряжении менее четверти часа, но я должен успеть. И серафим обещал, что подглядывать за мной никто не будет.

Все, ставлю точку и сохраняюсь, вырубая комп и зачитываю Великую Ключицу как положено.

* * *

Получилось, успел. Могу продолжить свой рассказ. Особого желания, правда, нет.

Поэтому буду краток.

Договариваться со мной от лица Лукавого пожаловали старые знакомые — серафим с херувимом. Ребята пашут на обе конторы сразу — по совместительству. Дефицит кадров, если верить им на слово.

Возможно, демоны лгут, и все с самого начала было подлой подставой. Но что тогда за сущность выступила в роли святой Софии? Ужасная Лилит? Хотя неважно.

Уже ничего нельзя исправить. Контракт подписан. Заверен мной натурально собственной кровью, о красных чернилах никто и не заикнулся.

Мое помешательство прошло. Согласно достигнутым договоренностям, Анна-Мария и пиво с сосисками, бокс, генетика и все остальные потери мне возвращены. Но в целом условия оказались так себе...

И Бармалея я, Сатаной клянусь, со свету — сживу.

Силой и лаской

Рассказ

Не могу, говорит, тебя любить.
Всё по швам. В клочья. Всё-всё-всё.
Говорит:
— Глупая ты.

Хочу возразить, возмутиться — а у кого из нас красный диплом мехмата? А как же моя кандидатская по частным решениям задачи трёх тел? А как же?..

— Ты реши сначала задачу двух тел, — горячо и зло шепчет Макс прямо мне в лицо. — Вот они мы — ты и я, а толку?

Постель — как клетка, как ринг, из которого нельзя выйти. Тусклый ночник заливает поле боя ярче сотни прожекторов. Некуда спрятаться.

— Я не вижу тебя. Ни утром. Ни вечером. Ни ночью! — гвоздь за гвоздём, он умеет. — Ты обменяла меня на... это! — палец-молния бьёт в потолок.

Зелёные цифры часов — как счётчик такси. Ноль-три-один-четыре. Пи. Время Пифагора. Да, я пришла домой десять минут назад.

Нагота не объединяет, а разделяет нас. По перекрученным простыням бродит электричество.

— Это ненадолго! — оправдываюсь — опять, в тысячный раз оправдываюсь я. — Скоро будет график и посменная работа, надо только немного потерпеть, Макс! Джаф обещал, что осталось совсем чуть-чуть...

Так поднимают с пола и прикладывают друг к другу осколки какой-нибудь сахарницы — зная заранее, что склеивать смысла нет.

— Джафар вас за лохушек держит, а вы рады уши развесить! Семь царевен, ахи-охи...

Прорывается наружу тот Макс, которого я стараюсь не видеть, не замечать, даже не представлять. Мой парень преодолевает ступеньку за ступенькой — по лестнице, уходящей за облака. Он ценит деньги, потому что знает, как они достаются. Он умеет подать себя — каждым жестом, взглядом, поворотом головы... Иногда он абсолютно, совершенно безжалостен.

Макс успешен — в рамках тесного, размером с планету, мирка дилеров бытовой техники. И знает эти рамки. И ощущает разницу между своим бизнесом и моим делом. И сжигает себя самоиронией. Но сейчас человек-пылесос вышел из себя. Содержимое мусоросборника того и гляди вырвется наружу.

— Всё, как всегда: ты не со мной. Где уютно, только не здесь. Я к тебе лицом — а ты спиной! Не бывает, понимаешь, не бывает такой любви! — о, это старая фишка, заезженная пластинка.

Я лишь шуюсь, чтобы не смотреть, не слышать, не чувствовать. Я в домике.

— Ты мне больно делаешь, Лёлька! — кричит Макс в полутьме. — Что тебе дороже?!

Его радужка светится, словно тонкая воздушная плёнка вокруг чёрной ночной Земли.

А где-то там, далеко за пределами атмосферы, скользят сквозь пустоту умные рыбки, блестя невесомой чешуёй. Старенькие «Ресурсы» и «Океаны», застывшие в геостационаре «Электро», безымянные номерные военные штуковины. Навигация, связь, наука, разведка. Стайки серийных «Циклопов» и «Авгуров». Можно протянуть руку и погладить их угловатые бока.

Если ты ставишь вопрос ребром, Макс, то я выбираю спутники.

Теперь всё и впрямь по-другому. Макс бы удивился. Хотя, конечно, Джафово «чуть-чуть» растянулось ещё не на один год...

У меня безупречная осанка, слегка усталый взгляд много повидавшей женщины, две бесшумных тени за спиной и маленький серебряный значок на лацкане делового пиджака. Я работаю ровно по десять часов один раз в четыре дня. Я отдыхаю в любом уголке мира, куда есть смысл метнуться максимум на восемьдесят шесть часов. У нас в «Орбитах и Траекториях» чёткий график.

Рядом с проходной толпится молодняк — перепутанные глаза-стые девчущки, нескончаемый поток соискательниц. Всем хочется райской жизни, особенно манит отсутствие изначальных ограничений. В «Орбитах» могут пригодиться и сырые, и убогие — критерии отбора куда сложнее и куда проще.

Минуя сканер и первый пост охраны, я взлетаю по широким ступеням и скрываюсь за дверью с пафосной голографической табличкой. «Начальник отдела расчёта траекторий» — так же записано и в моей трудовой книжке, надёжно похороненной в подвалах Джафовой бухгалтерии. Враньё в трёх словах из четырёх.

Другой выход из кабинета ведёт во внутренний коридор. За вторым постом уже нет чужих. В комнате релаксации разлеглись, как игуаны, девчонки-орби из ночной смены. При виде меня они чуть-чуть подбираются из положения «расслабон» в «очень вольно» — это вместо приветствия. Навстречу спешит Милка, несостоявшийся свипер, моя единственная настоящая подруга.

— До вахты время есть? — в глазах шаловливые огоньки. — Там новеньких на чешуе проверяют, прикольно!

Прикольно — не то слово. Милка тащит меня в аппаратную. Техники не особенно рады нашему появлению, но, видя меня, смиряются с неизбежным. Царевнам в «Орбитах» не перечат.

За панорамным зеркальным стеклом — семь крошечных комнатушек, и в каждой сидит по девчонке. Это для них не первый и не последний тест на трудоустройство в корпорацию. Но самый — и единственный — по-настоящему важный, о чём они, впрочем, не подозревают.

Стул, стол, стеклянная салатная миска, наполненная блестящим, полупрозрачным. Полная миска наноматериала, нанки. Невесомых колечек размером чуть меньше копейки. Ноу-хау нашего мудрого Джафа.

Скажи я: «сверхпроводящая керамика» или «реструктуризированный полимерный композит», яснее не стало бы. Нанка — она и есть нанка.

Девчонки опасливо погружают ладони в рассыпчатое стекло, перебирают колечки, катают их в горсти...

— На кого ставят многоопытные свиперы? — косится на меня технарь по имени Валька — единственный обитатель аппаратной, кто рад меня видеть и не скрывает этого.

Свиперы — это в кёрлинге такие тётки со швабрами. Бегут, суетятся, шлифуют или царапают лёд перед скользящим камнем, подправляя направление его движения. Траекторию.

— Вон, — я киваю на третью кабинку, — как царь Кощей над золотом чахнет.

Длинноносая девица, насупив брови, всматривается в свои открытые ладони. Между пальцами радужным водопадом просачиваются колечки чешуи.

Пластиковые манипуляторы выдвигаются из стен и переносят посудины с нанкой в прозрачные вакуумные шкафы. Внутренний контур каждого колечка, соприкоснувшегося с твоей рукой, ловит какое-то колебание, эманацию, и запоминает её навсегда. Чешуя — штука одноразовая. Колечки почувствовали тебя. Вопрос, почувствуешь ли их ты.

— Подойдите к шкафу, — голос кадровика транслируется одновременно во все семь кабин. — Положите ладони на стекло и постарайтесь притянуть или оттолкнуть тестовый материал.

Весь фокус в этом «постарайтесь». На собеседовании в «Орбитах» не принято переспрашивать. И девчухи стараются. Морщат переносицы, пыhtят, полуприкрывают глаза, хищно шевелят пальцами. За короткие секунды они успевают поверить в свои телекинетические способности, магические навыки, и черт-те во что ещё, но только у одной эта спонтанная вера неожиданно находит видимое подтверждение. Девчонка, на которую я поставила, изумлённо замирает. Между ладонями будущей орби, а может, и свипера, за толстой преградой термостойкого стекла хаотичной рябью, искристым снегом бушует вихрь прозрачных колечек чешуи. Взлетает, опадает и снова взлетает.

Иногда нам приходится сопровождать Джафа на «линию обороны».

Милка, впервые удостоенная подобной чести, жмётся ко мне, как телёнок. Декольтированный, нашпиленный, заминиюбленный телёнок. Орбитальная Золушка.

Плацдарм сочтётся иллюминацией. Укрепрайон ломится от яств и изысканного бухла. Вероятный противник гламурен и тысячник. От смазливых мордашек и холёных рыл некуда глаза прятать. Баблобыдло, как когда-то окрестила здешний контингент быстрая на язык царевна Марика. Сплошь акционеры, инвесторы, меценаты и филантропы. Фельдмаршалы налоговых инспекций и махараджи пенсионных фондов.

От таких не спрячешься, любит повторять Джаф. Частная космическая корпорация — это противоестественно для нашей страны. Пусть мы не запускаем своих кораблей — но ведь трогаем чужие! Значит, надо слиться с ландшафтом, девочки.

И мы сливаемся. Цедим шампунь, пощипываем виноград. Лу-чезарим. Мило тупим.

Замзамы и генпреды выются роєм — всё больше вокруг пейзажники Милки, но и мне перепадает.

— Джафар Резович, — игриво хмурится какой-то молодой да ранний. — Как же так: в вашей-то отрасли, и делать ставку на прекрасных дам? Я бы сказал даже очень прекрасных...

Чтобы случайно не икнуть, спешно отпиваю. Мы — кариатиды, мы держим небеса, хочется ответить мне. Понимаю, что захмелела.

Но наш многомудрый визирь никогда не отдаст даже огрызка правды. Простейшего, по сути, факта: мужчины не чувствуют чешую.

— Мне нравится работать с женщинами, — свойская улыбка класса «ну, между нами, мальчиками» каменеет на лице Джафа. — Иногда ощущаю себя как в гареме, словно на родине предков...

Джафушка у нас иранских кровей, ему можно.

Но собеседник не унимается — видимо, проповедует другую систему ценностей. Он цепляет Милку под локоток и принимает за разрушение её неокрепшего мозга, объясняя, почему в топ-менеджменте неоспоримо гендерное превосходство мужчин. Нудит, бросаясь взятыми с потолка цифрами и статистическими выкладками. Математика, цинично усмехается он, чистая математика. А сам расслабляет шелковистую наноткань высокого воротника да роняет взгляды Милке в промежбюстье.

Турбошейк расслабляет публику. Рано или поздно Макс тоже окажется здесь, вдруг думаю я. Если всё пойдёт по плану, обязательно окажется. Его труды вознаграждаются сторицей. Здесь ему будет комфортно.

Буксирую сладкую парочку в курительный зал. Неосторожной фразой провоцирую топ-менеджера на партию в бильярд. Шары приветливо поблескивают слоновой костью. Начинающий шовинист любезно предоставляет мне право разбить. Ему нравится, как я смотрюсь с кием. Первые пару минут, дальше ему уже не до того.

Откуда-то с горизонта кивает Джаф: конец вахты, девчонки, дальше сами. Значит, успел всё, что надо, и мы в свободном полёте.

В четыре удара разгоняю по лузам всё, что катается в пределах моего кия. От двух бортов, с подкруткой и прибаутками. Поминаю добрым словом Эйлера, Римана и Вейерштрасса. Торжественно вручаю трезвеющему сопернику треугольник. Математика, шепчу ему на ушко. Чистая математика.

На парковке мои верные стражи сканируют окружающее пространство. Предполагается, что они в состоянии уберечь нас от любых неприятностей.

Джафару вообще нравится о нас заботиться. Первые семь девушек, кому удалось «почувствовать» чешую, хитрую Джафовскую нанку, стали настоящими царевнами. И это не просто расхожий оборот.

Я давно уже не соприкасалась с деньгами. Да, где-то там на счетах постепенно растёт сумма, которой мне, если что, хватит на пару жизней. И я расписываюсь за зарплату и премии в унылых архаичных ведомостях. Но мне это не интересно, и Джаф знает об этом.

Куда важнее — сопричастность и тайна. Проболтайся любая из царевен, и «Орбиты» разберут по винтикам, а наши тела отдадут в дар науке. Это простушкам-орби кажется, что всё очевидно и понятно: биоэнергетическая телеметрия, бла-бла-бла, далее неразборчиво. Но мы-то знаем: за красивыми фразами — пшик, пустота, ложный след. Гном и семь Белоснежек хранят свой маленький секрет. То, что мы делаем, — ядрёный замес хайтека, шаманства и тяжёлой атлетики. Мы — свиперы, и кто бы сказал, при чём здесь деньги.

Милка вытягивает поперек лимузина свои «очень прекрасные» задние конечности, беззаботно смеётся, спрашивает, не позвонить ли ребятам.

Презираю ли я служебные романы? О да! — и поэтому уже полгода встречаюсь с Милкиным техником, а она с моим. Так оно менее служебно получается.

Нет, ничего серьёзного — флирт, двусмысленность, этакое бесконтактное танго. Много красивых па — прогулки вдоль реки, цветы на столике в гостиничном номере на другом краю света, смайлики доброго утра и спокойной ночи, случайные касания в коридорах «Орбит». Мы проходим по встречным траекториям, чиркая друг друга, как кремь и огниво. Между нами пропасть: царевне — не по ранжиру, ему — не по зубам.

И ещё — просто анекдот! — его зовут Вале́й. Лёлик и Валик. На кастинг в мультсериал, срочно!

Звони, конечно, говорю Милке. Она-то со своим Петруччо — моим техником, кстати! — уже давно преодолела. Барьеры там всякие. Кастовые, так сказать, различия.

Звони, говорю, ребятам. Чего уж там.

Когда Джаф говорит о деле, с него слетает лоск, спадает маска удачливого оборотистого бонвивана. Его глаза разгораются фанатичным огнём, и нас влечёт этот свет. С того момента, как Джаф собрал нас вместе.

Восемь лет назад — где-то на выселках, ни техники, ни нормальной аппаратуры, провода, как лианы, чайные круги на

обшарпанных столах, ключья ваты из-под законопаченных на зиму форточек, позапрошлогодние фотомодели по стенам.

Из активов у Джафа — трогательный иранский акцент и жар великой идеи, разрывающий его изнутри. В какой-то подзаборной наномастерской он сварил первую порцию чешуи. В физической лабе соседнего факультета, снятой на три часа за бутылку водки, заставил Марику повозиться с нанкой — и когда первые колечки взлетели к горловине вакуумной колбы, в мире незаметно, но в один миг наступила новая эра.

Тогда Джаф ещё не думал, что большую идею трудно сохранить в неприкосновенности, — и тыкал нас, первых адептов... адеп-тих? — носами в свои каракули, горячился, когда мы пытались оспаривать его странную, кривобокую, на грани фола, теорию. И требовал всё большего на практике.

Когда я усилием воли подняла игральную кость, на каждую грань которой было прилеплено по чешуйке, и раскрутила кубик вокруг своей оси, Марика первой забила тревогу. Кучке студентов не удержать прав на подобное знание. Джаф послушался её, остальные поддерживали. Проект быстро превратился в чёрный ящик, оброс небылицами и дезинформацией, растворился в поддельных протоколах исследований и псевдоэкспериментах.

Когда на околземку вышла первая птичка, тень уже полностью скрыла плетень. Тот «Авгур» был равномерно покрыт колечками из трёх разных партий — заряженными мной, Марикой и Кристиной. Джаф довёл до ума систему сопряжения с ЦУПом. Родились «Орбиты и Траектории».

Мысль о том, что можно не целиться в нужную для спутника орбиту с Земли, а корректировать его полёт уже там, наверху, причём без расхода топлива или электроэнергии, приглянулась многим. Достаточно выплунуть объект за пределы атмосферы, а всё остальное сделают девчонки из «О & Т».

Пока структуры разного уровня зубастости пытались прибрать нас к рукам, Джаф сделал всё, чтобы «Орбиты» успели стать незаменимым компонентом рынка. Мы взялись за тяжёлые транспортные модули, что оказалось по силам очень немногим. Семь царевен, семь свиперов, взвалили на себя, да и потащили весь грузопоток.

Как вы это делаете, после очередной стыковки благоговейно спрашивают простушки-орби, способные, максимум, отклонить объект весом в сотню кило на микроскопические доли градуса. Их труд тоже востребован, и работы только прибывает, на средних орбитах скоро пробки начнутся, — но орби смотрят на свиперов, как на богинь.

Как? Мы улыбаемся чуть снисходительно, но искренне. Силой и лаской, девчонки...

А Марика и впрямь похожа на богиню. Кубинский загар напоминает мне, что сейчас пасмурный февраль, и совсем не хочется задумываться, каково ей — круглый год болтаться на платформе в Карибском море.

Крис сонно таращит глаза — у них на Сахалине уже поздний вечер. Мы редко видимся. Царевен разбросало, как глонассовские спутники, — для равномерного покрытия небосвода. Мир наизнанку.

Я с утра не нахожу себе места, и теперь этому появляется объяснение: Джаф готовит новое дело.

— Модуль такого размера нам обслуживать ещё не приходилось, — то ли пугает, то ли успокаивает он. — Сорок метров в длину, семь в сечении. Идёт на собственной тяге. Мы — на подстраховке.

Мы прощаем ему это «мы». Если бы хоть один мужчина мог приподнять чешуйку, это был бы Джаф.

— Куда — идёт? — уточняет Кристина.

— В Море Спокойствия, — бесстрастно уточняет Джаф, а в глазах прыгают чёртики. — К «Базе-шесть».

Нас пустили в Лунную Программу!!! Сползаю с кресла. Пульс — двести. Башка кругом. Джаф, персидская ты наша рожа!

Чему радуешься-то, дурёха? Это внутреннее «я» говорит голосом Макса. Что тебе до Луны?

А вот Вальку не удивил бы мой восторг. Он сам в «Орбитах», ему не пришлось бы объяснять. Впервые эти двое возникают у меня в голове рядом. По разные стороны барьера. Дуэльных пистолетов не хватает.

— Олечка... тебе нехорошо? — Джаф деликатно дотрагивается до моего плеча.

Смотрю на него снизу вверх.

— Нет, Джафушка. Мне хорошо!

Назад, к былым временам! График летит в топку, трудовое законодательство следом. Десять часов в сутки выливаются в четырнадцать, семьдесят в неделю — во все сто сорок. Без выходных и всяких «восьмых марта». Ликуй, мой проницательный недомуж! Я снова пашу, как зомби.

Марика, милая стервозина, улета, оставила нам с Крис по оранжевому тряпичному жилету — с записочкой: «Пригодится, подруги!»

Недолго думая, отправила ей вслед курьерской почтой литровый флакон масла для загара. Подпись: «Отдыхай, детка!» Пусть доставит в перерывах между вахтами визуальную радость матросам нашего краснознамённого.

А жилет — да, в тему.

Ворочаюсь в кресле перед загрузкой. Всё сразу становится неудобно — тут колет, тут чешется, тут затекает...

В мою полупрозрачную кабинку, наверняка украденную Джафом с какого-нибудь аттракциона в лунапарке, течёт холодный кондиционированный воздух. Скоро это будет благом, а пока мне зябко. Мерно гудит за пределами кабинки многокаскадный усилитель в спящем режиме. Чтобы почувствовать заряженные мной чешуйки на шкуре лунного модуля, нужен контур. Джаф, конечно, называет это костылём для двуногих, но другого средства пока не придумал. Волнуюсь, как в первый раз.

И тут вместо Петруччо за пультом появляется Валька. Этого ещё не хватало! Не иначе, Милкины происки!

Машет мне рукой сквозь стекло. Отвечаю, а что делать-то?

Наше умение — это хайтек, шаманство и тяжёлая атлетика. Но в работе с грузовыми модулями превалирует последний элемент. Сил на управление лунным транспортом даже среди царевен хватит только у нас троих. Почти все наши прочие, более лёгкие во всех смыслах дела перераспределены между другими свиперами и орби.

То, что Валька будет видеть меня во время вахты, не прибавляет оптимизма. Перекошенная потная физиономия и вздувшиеся жилы — так себе мэйк-ап.

— Думал, тебя ещё нет. Там в коридоре оранжевая роба на вешалке, — это Валька включает микрофон.

Ну да, будет ещё и слышать. Встаньте над двухпудовой гирей, поднимите её слегка, да не за ручку, а просто в обхват, ладонями. Подержите полчаса. Включите микрофон. Запишите своё дыхание. Кряхтение. Всё прочее. Нет, не хочу, чтобы он тут находился!

— А молоток? — спрашиваю.

— Какой?

— Ну как — траекторию обстукивать!

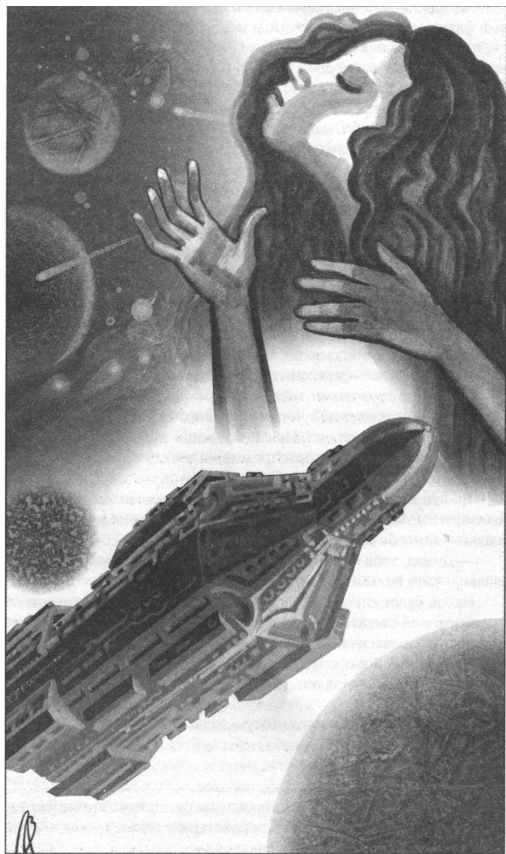
Наглый тип радостно улыбается.

— Куда Петра подевал?

— Убил и съел. А у меня тебе подарок.

Заглядывает в окошко. Прикладывает к стеклу картонную табличку: «Осторожно! Такелажные работы!»

Показываю кулак. Валька доволен.

— Тридцать секунд, — говорит он.

Заводят тревожную песню два первых каскада. Валька надевает большие аэродромные наушники.

— Десять секунд. Удачи, Лёлька!

Не по уставу, но приятно.

В павильоне гаснет свет. На фоне открытой в аппаратную двери лохматый ушастый силуэт шутовски отдаёт честь.

Становится окончательно темно.

Непонятно где, словно по внутреннему своду черепной коробки, проносится юркий «Зенит-М». Контроль за лесными пожарами.

Над головой разгорается флюором расчерченная по потолку кабинки координатная сетка. Теперь «Зенит-М» пересекает её по диагонали. Этот спутник я давно не трогаю — он обклеен ещё под трёх орби, им и штурвал.

Из затылка к темечку ползёт массивный куб «Циклопа». Милицейское и пограничное наблюдение, выведен на временную орбиту трое суток назад.

Ну, давай, Лёлька, первый подход к снаряду.

Кресло запрокидывается, я ложусь спиной на плоскость экватора. Мерцающая паутина сетки скользит вслед каждому моему движению. На стекле кабины загораются ряды зелёных и красных строчек — текущие и требуемые векторы скорости.

Теперь «Циклоп» прямо передо мной. Протягиваю руки. Спутник похож на коробку от торта, отлитую в чугуне. Стараясь, чтобы не соскользнули ладони, одной плавно нажимаю на угол, другой подпираю днище. В левом локте предательски дрожит какая-то мелкая жилка.

Краем глаза замечаю, как поползли-замелькали зеленые цифры. Зажглась жёлтая процентная шкала.

Не спеша выдавливаю «Циклоп» выше и выше. Координатная сетка становится помехой, ненужной абстракцией.

Я — размером с два глобуса. Моя голова торчит из верхних слоёв атмосферы, как из кружевного воротничка. Ноги целят в Большого Пса. Я беременна Землёй, я воздушный шарик, руки нелепо торчат из Атлантики и Пацифики. Но в моих ладонях зажата хрупкая металлическая коробка, и я направлю её туда, где ей положено быть.

Зелёное подравнивается к красному. До завтра, одноглазый! Я отпускаю «Циклопа» и сдуваюсь, падаю, проваливаюсь к поверхности суши, пятьдесят пять и сорок пять северной, тридцать семь и тридцать семь восточной, в промятое кресло с грубой обивкой и жёсткими подлокотниками.

Возвращаюсь в сидячее положение. Наощупь нахожу бутылку воды. Пузырики бьют в нос, и тут же — фшихх! фшихх! фшихх! — проносится через носоглотку целое звено «Авгуров». Слишком много небесных тел за эти годы обзавелись моей чешуёй.

Под правым глазом разрастается сияние. Ещё не контакт, лишь его предчувствие. Готовность пять минут.

В наушниках просыпается Валька:

— «Циклоп» отрихтован, чистая работа.

Сосунок, он мне ещё...

Я понимаю, что кусаю губы от смеха, — хотя того же Петруччо за подобный комментарий стёрла бы в нанопыль.

Надо мной, вокруг меня, расчерченная мерцающей решёткой, раскинулась бесконечность. Через неделю я дотянусь до Луны. Почему же я не могу, выйдя из «Орбит и Траекторий», отправиться туда, где меня ждут? К тому, кто...

Сколько лет прошло, а слова несостоявшегося мужа — как ядовитая заноза. Чуть что, сразу саднит.

Любовь, рассуждал мой человек-пылесос, бывает всего двух видов. Лицом к лицу и спиной к спине. Либо двое замыкаются друг на друге — тогда внешний мир превращается в декорацию, в задник, в фон их любви. Либо у каждого собственная, отдельная жизнь, и всё своё, но каждую секунду чувствуешь, как справа под лопаткой бьёт ритм чужого сердца.

А лицом к спине, предостерегал романтик-прагматик Макс, это уже не любовь. Это мучение, Лёлька.

Я не могу лицом, лицом я к небу! Получается, меня нельзя любить? Или нельзя показывать мне своё чувство? Притворяться, что к спине прилегает спина? Бред и лицемерие! Значит...

— Лёля, к тебе гости с востока!

И что же мне, Валька, с тобой делать? Не хочу тебя мучить, но и отпустить что-то совсем не могу...

Кажется, что в аудиоканале шумит прибор. Ух ты, Кристина собственным вокалом!

— Ну, мужайся, неженка! Такую штуку ты в руках ещё точно не держала!

Минутная готовность.

Из-за горизонта моей правой скулы восходит невероятный, невероятный лунный корабль.

Как надел Иван
Да боевой кафтан —

С изнанки из нанки,
Снаружи титан...

Валька в свободное время пишет детские сказки, и читает их мне, когда в манёврах лунного модуля возникает пауза. Баюкает и делеет.

Дни и ночи слились в одно сплошное рябое полотно. Сдавая в конце вахты наше сорокаметровое дитя с рук на руки Марике, я едва выползаю из кабины. Не игуаной, а морской звездой, медузой, мхом, без мыслей и без чувств пластаюсь в релакс-зоне, на потеху бестолковым орби. Массажисты сворачивают меня в рулон, а корпоративный доктор цокает языком и периодически вкалывает что-то тонизирующее.

Иногда я остаюсь ночевать на работе, и тогда наутро меня будит запах фиалок или горячего шоколада.

Валька, ты классный, но я зря даю себе слабину — и тебе надежду. Вот кончится только сегодняшняя вахта, мы посадим грузовик в Море Спокойствия, — интересно, а это может называться морским финишем? — и нужно будет рубить концы. Мы заигрались, Валька. Это же про моё сердце — с изнанки из нанки, снаружи титан. В моём прошлом есть такие макси-грабли, что я была бы полной душой, если бы заново решила прогуляться по той дорожке...

Минутная готовность.

Над правой скулой восходит наш корабль-призрак. Сирены-вым маревом дышат дюзы, обращённые к приближающейся Луне. Джаф доверил посадку мне. Не знаю, как потом буду смотреть в глаза Марике.

Земля футбольным мячиком болтается в ногах. Тянусь к кораблю. Кристина ещё плотно держит его. Мои руки проходят сквозь её. Задеваю ладонью тонкий шрам на её запястье, цепляюсь ногтями о ногти. В костяшках пальцев от чужого присутствия бегают неприятные искорки. Дрожь работающих турбин щекошет кожу.

Кристина неохотно отстраняется. Теперь корпус корабля полностью под моим контролем. Огромный керамический баклажан, залитая свинцом дыня. Грузовик впятеро превосходит всё, чем нам приходилось управлять до сих пор. Я глажу его плавные обводы, добегая пальцами почти до выступов дюз. Он зацепил мою душу. Мне кажется, я люблю его. Но сегодня мы расстанемся.

С первого до последнего дня полёта грузовика нам приходилось корректировать его курс. Издержки производства. Орбитальная сборка такого масштаба проводилась впервые, результат не так уж плох. Мы уже всё знаем о четвёртой дюзе, дающей отклонение

почти в три угловых секунды. Не секрет для нас и нарушение центровки. Качество залитого в баки метилгидразина, наверное, станет темой судебного разбирательства «Роскосмоса» с подрядчиками. Но всё это не страшно. Свиперы, как добрые сиделки, передают сорокаметрового несмышлёныша с рук на руки. Кристина-Лёля-Марика-Кристина-Лёля... Сегодня карусель остановится.

Телеметрия запаздывает всего лишь на полторы секунды. Если этот факт станет достоянием общественности, то аппаратуру Джафа разберут по атомам, а нас с девчонками сожгут на костре как ведьм. Потому что сейчас до корабля больше четырёхсот тысяч километров. Сначала я воспринимаю данные, так или иначе поступающие от чешуи, которой облицован грузовик. В соответствии с этой информацией воздействую на корабль. И тогда сообщение о результатах моего воздействия летит к Земле со всем известной скоростью. Три пробега туда-сюда — верных четыре секунды. А у нас полторы. Но над этим пусть Джаф ломает голову. Потому что царевнам пора облачаться в оранжевые робы...

По пологой траектории лунный кит подплывает к цели своего путешествия. Четвёртая дюза упорно продолжает раскручивать корпус вокруг продольной оси, и он пытается вырваться у меня из рук. Я стискиваю его изо всех сил и замираю пародией на Геракла, который пытается сжать льву пасть вместо того чтобы порвать её.

Мышцы за неделю истощились, молочная кислота течёт в них, как из крана. Если бы не укол нашего доброго доктора прямо перед началом смены, я бы уже сдалась. Наверное.

К счастью, дюзы пока включаются лишь изредка. Дрожь обшивки стихает, и я слегка ослабляю хватку. Теперь можно заняться проверкой траектории.

«База-шесть» уже ведёт нас к посадке, точность координат воодушевляет. Сами координаты — вводят в ступор. Модуль отклонился от курса почти на полкилометра. Если по исходному плану посадочная траектория проходила в стороне от базы, то теперь пунктир прошивает её навывлет. Жду рекомендаций от ЦУПа. Через силу пью энерджайзер.

— Оля, — вкрадчиво спрашивает Джаф. — Ты успеешь сделать коррекцию?

Я молчу. Мне не хочется говорить ему, сколько весит эта хреновина. Он же всё знает сам!

— Так я и думал, — говорит Джаф. — Через полчаса сработают поворотные дюзы, не расслабляйся.

Хороший совет, хочу ответить я. Вовремя и к месту. Как раз думала, не вздремнуть ли.

— Лёль, не переживай...

— Не засоряйте эфир, Валентин!

— Да, Ольга Викторовна, — без обиды — скорее, озадаченно.

Нет, я не против поворотных дюз. Для чего-то их ставят на транспорт. Наверное, как раз для таких случаев. Когда царевны в оранжевом разводят руками и говорят: «Дальше сами».

— Валь, посмотри данные по испытаниям поворотников, — прошу я. — Их вообще проверяли?

Минут десять наши бодаются с ЦУПом. Судя по всему, нам рекомендуют не соваться в чужую кухню.

Меня просят приготовиться. Продолговатое тело корабля прыгает в сторону, царапая мне ладони. Судя по всему, вместо серии микрокоррекций произошёл один мощный выхлоп.

Стёкла и потолок вокруг меня вспыхивают красным.

— Лёль, — Валька не напряжён, почти весел, и сейчас это меня пугает. — Ты не волнуйся, но там серьёзный трабл. Топливо уходит. Разгерметизация баков. Похоже, не дыра, а трещина.

Тяжеленная дыня начинает хаотично крутиться передо мной сразу в двух плоскостях. Мне даже не за что ухватиться. Внезапно половина дыни просто исчезает, и моя ладонь проваливается в пустоту. В панике я даже не сразу соображаю, что виной этому может быть вытекшее топливо. Чешуя бесполезна вне вакуума — любой газ экранирует её почти мгновенно, и контакт с кораблём пропадает.

— Теряю контроль над обшивкой, — деревянным голосом докладываю я.

ЦУП пытается активировать дюзы. Мощный хлопок — и мёртвая, окончательная тишина. От последнего выхлопа корабль притормаживает, и облако потерянного топлива соскальзывает с него как чулок с ноги. Чуть замедлившая вращение дыня снова возникает передо мной целиком.

— Девочка, только не волнуйся... — это уже Джаф.

— Что вас всех сегодня так мои нервы беспокоят? — огрызаюсь я.

— Тише, спокойно, пожалуйста... — уговаривает он. — Оля, сейчас мы включим восьмой каскад. А ты постарайся... что-нибудь сделать.

Четыреста тонн, прикидываю я, сжимая и разжимая пальцы. Движки сдохли. Прикидываю траекторию. Полчаса до соприкосновения. Валька, угадывая мои мысли, рассыпает передо мной густые столбцы расчётов.

Исподволь подкрадывается неприятная мысль, что Джаф-таки держит меня за дуру, за бестолковую орби. Ни один каскад никогда

не усиливал воздействия свипера на объект. И четыреста тонн остаются четырьмястами тоннами.

В гудение усилителя вплетается новый высокий тон, свист, почти на грани слышимости.

Ловлю крутящуюся тушу корабля на вытянутые ладони. Грузовик утягивает меня вместе с собой, как песчинку. Я распростёрлась от Земли до Луны, а теперь меня мотает во все стороны. Большая Медведица крутится патефонной пластинкой, а звёзды размазываются в блестящие дуги.

Всё это не на самом деле, пытаюсь убедить себя я. Жмурюсь, сосредотачиваюсь на кресле, помявшем мне всю попу. На прилипшей к спине футболке. На бутылке минералки, к которой можно было бы протянуть руку, если бы та не упиралась в обшивку лунного транспорта.

Пожалуйста, прошу я корабль. Остановись, погоди, замри! Тебе так же тяжело, как мне, но я помогу — дай только упереться...

Чувствуя, как немеют мышцы, я всем телом наваливаюсь на болтающийся округлый нос грузовика — и ловлю быструю, ослепительную судорогу.

В то же мгновение оглушительный треск разрывает всё вокруг меня. Языки пламени вырываются из усилителя, плотный белый дым змеями ползёт по сторонам, и я теряю контакт с кораблём.

Последнее, что успеваю ухватить, — его вращение потухло, остановилось. А лунное притяжение гнёт траекторию грузовика в нежную ненавязчивую параболу.

Вокруг носятся люди с огнетушителями. Джаф сцепился с ЦУПом. Валька набросил мне на плечи плед, усадил в уголке аппаратной и скрылся в дыму.

Всюду свет и шум, но я как будто выпадаю из этой круговерти. Меня здесь нет.

За время нашего полёта к Луне мой горе-график уполз в ночь. Над операторской консолью светят зелёным простенькие цифровые часы. Ноль-три-один-четыре. Время Пифагора.

Гигантская сигара падает под острым углом к поверхности Луны. Огонёк на её кончике, обращённый теперь в небо, давно потух. Керамика и сверхпрочные сплавы. Восемьсот кубометров грузовых отсеков. Ещё четверть часа, и она распашет «Базу-шесть» как плуг, разделяет хлипкие купола, сплющит и сметёт многотонным утюгом всё то, что с таким тщанием собирали почти тридцать лет....

Нет, говорю я, так просто ты от меня не отделаешься. Мы с тобой немножко не в тех отношениях, чтобы расстаться на полуслове.

Бреду в коридор, ослеплённая тысячей ламп. Мне нужна темнота. Мне срочно нужна темнота.

Натыкаюсь на дверь подсобки. Внутри пахнет химией. На узких полках навалены рулоны туалетной бумаги, расставлены чистящие средства, в углу растопырился пучок швабр и метёлок. Я вхожу и закрываю за собой дверь.

Грузовик валится на базу. Он ещё далеко, очень далеко, неразличимая точка в чёрном лунном небе, но его путь предопределён — задача двух тел не слишком сложна применительно к физике.

Из-под двери сочится свет, и я затыкаю его пледом. Вытягиваю перед собой ладони, растопырив пальцы. Вспоминаю, как совсем недавно обводила руками изящный вытянутый контур. Как гладила керамические бока. Я здесь, шепчу в темноту. Я здесь, отзовись.

Острровершие скальные гряды бросают в долину зазубренную чёрную тень. «База-шесть» кажется собранной из пластмассового конструктора моделью самой себя. Здесь нет грязи и ржавчины, эрозия не выветривает камень, семена травы не прорастают в стыках бетонных плит.

В небе появляется белая точка. Спустя пару минут она превращается в тире. Три коротких — три длинных — три коротких. Майский день наступает досрочно, опережая график. Белое тире растёт в чёрном небе.

Я тебя вижу. Я тебя чую. Я тебя хочу.

Ладонями — от дюз к носу. Сжимаю с двух сторон. Поворачиваюсь так, что тело корабля нависает надо мной. А под моим хребтом проносятся хребты Луны.

Давай же, шепчу я. Одновременно прижимаюсь к нему и отталкиваю его вверх. Никого нет рядом, чтобы сказать о минутной готовности.

Грузовик чуть задирает нос, но этого мало. Это, говорю, очень просто — задача трёх тел. Ты, Луна и я. Наверное, я давлю на тебя. Наверное, мои мышцы уже лопнули под четырёхсоттонной машиной. Но мы с тобой решим нашу задачу.

Из уха что-то липкое течет по шее. Но у меня нет тела — оно расклеено маленькими колечками по обшивке лунного грузовика. Под моей спиной бросают блики купола «Базы-шесть». Мы лишь сносим какую-то антенну, и её обломок улетает в небо.

Я отпускаю тебя, едва заставив руки разжаться. Возносясь вверх, я вижу, как далеко за базой ты задеваешь носом грунт, вскидываешься, вздыбливаешь пыльное облако злополучной четвёртой дюзой, и скрываешься в пепельном тумане.

Наш контакт разрывается. Тогда я оборачиваюсь к черноте неба, толкаю её перед собой и падаю навзничь в океан света.

Целует в шею, и это запрещённый приём.

Сердит меня историями про настоящего свипера — это когда я прямо со швабрами рухнула из подсобки в коридор. Кому приятно такое слушать о себе? Мне, правда, приятно...

Где мы, кто мы, когда мы?

Реальность понемножку начинает обретать очертания, и я вскидываюсь в постели.

А Валька роняет меня назад.

У меня заготовлена такая доказательная база... И я мямлю, лопочу что-то про спины-спины и лица-лица, про неправильность, и невозможность, и...

Глупая ты, шепчет в ухо, смеётся, щекочет смехом. Глупая, я же люблю тебя.

И словно мир сходит с орбиты. Моя рука гатью — через Валькин пушистый живот, пальцы сжимают его бедро — это якорь: Лёля держится за Землю. Лёля боится улететь!

Высвобождается, расковывается что-то внутри, невидимые шестерёнки сцепляются зубьями, искрят соединяющиеся провода, сходятся в точку призрачные сетки траекторий... Подпорка-костыль отпала за ненадобностью. Никаких контуров усиления — ничего не надо, хватит моих ладоней и моей любви. Я осторожно разжимаю пальцы и развожу руки, обнимая космос.

Валька жарко дышит мне в темечко, и я прижимаюсь к нему вся — от пяток до затылка. Парят в неизбывной пустоте, сияют радужной чешуёй стальные рыбки, послушные моей воле.

— Держи меня, — предупреждаю. — А то улечу.

— Как держать? — галантно уточняет Валька.

Как держать?

Силой и лаской.

Да, именно так.

Миссия

Рассказ

Посвящается Г.Б., поэту

О бои над столом почернели и, отстав от стены, выпирали какими-то заскорузлыми струпами. С чего бы это? Ремонт в квартире он делал всего лет пятнадцать назад. Наверное, соседи залили, ишаки потные, а он, дурак, этого даже не заметил. А ведь еще недавно собственноручно клеил новенькие обои, розовые в золотую полоску. Приятно посмотреть было. Не то что сейчас.

Да и хрен с ними. Это не главное.

Он налил в стакан водки и выпил. Да, точно. Обои — это не главное. Какая глубокая, верная мысль насчет обоев. Не забыть бы. Лучше записать. Где-то валялась ручка. Нет, ручка не подойдет. Слишком тонко пишет. Тут нужно что-то другое, более радикальное.

Он встал, покачиваясь, прошел в ванную. Фу, ну и вонища. Это потому что санузел совмещенный. Ведь просил же, когда его сюда отправляли, хотя бы санузел отдельный предоставить. Нельзя, говорят. Нельзя-я-я-я... А то, что сливной бачок сломан, и теперь в унитаз из ковшичка сливать, это — можно?

Зеркало. Это что — зеркало? И лицо в нем, неужели это лицо? Небритое, пьяное, помятое. Мешки под глазами. Не мешки — мешищи! А глаза? Мутные, красные, больные. Сколько лет тебе, рожа? Сорок? Пятьдесят? Семьдесят?

Нет, так нельзя. Надо остановиться. Когда-нибудь надо остановиться. И я обязательно остановлюсь. Когда-нибудь. Обязательно.

Так, зубную щетку вижу, а где зубная паста, где мой «Поморин»? Вот он, на дне ванны валяется. И еще не выжат до конца. Можно даже сказать, наполовину полон. А можно — наполовину пуст. Это по настроению. Но сейчас не об этом. Сейчас нужно — записать.

Вот здесь, над столом, покрупнее и пожирнее: «Это не главное!». Все, паста кончилась. Да и хрен с ней. Это не главное. Зубная паста — это не главное.

Эх, жалко, паста кончилась. А ведь можно было и на каждой стене, и на сломанном диване, и на ржавом пустом холодильнике, везде написать: «Это не главное!». Чтобы легче стало, чтобы почаще вспоминать о своей миссии.

Только об этом — тсс! Об этом никому. Потому что ни одна живая душа об этом знать не должна. Ни одна!

Но мне-то от этого не легче, сколько можно ждать, когда придет это время, время миссии?

Я устал ждать, неужели там непонятно, что я устал ждать? Наверное, непонятно. И самое хреновое, что с этим ничего не поделаешь. Я все равно буду сидеть среди этих драных обоев и ждать.

Потому что у меня миссия.

Сначала я просто думал о том, как я ее выполню. Я волновался, что у меня не выйдет, что я могу подвести.

Потом я волновался, что обо мне забыли. Я бродил по улицам, я вглядывался в лица, надеясь на то, что я сам могу понять — это тот самый. И выполнить свою миссию.

А потом я устал волноваться. Я просто ждал.

Я и сейчас просто жду. Налью стакан и жду. Кстати, о стакане, пора залыситься.

Нет, только не это! Бутылка пуста. Это уже серьезно, не то что хохмочки насчет тюбика зубной пасты. Тут уже не до юмора. Это почти катастрофа. Землетрясение, тайфун, смерч одновременно. Придется идти в магазин, а я так надеялся, что сегодня весь день просижу дома. Ха-ха-ха! Пустые надежды. Но выбора у меня нет.

Придется переться в вонючую ванную и приводить себя в порядок.

Нужно заставить себя посмотреть в мутное зеркало. Не просто посмотреть. Сконцентрироваться. Собраться. А теперь улыбнуться. Больше теплоты во взгляде.

Нужно вспомнить, что я ангел. Я — ангел! Я могу вытящить свои крылья из-под рубашки, взмахнуть ими и воспарить.

Я могу взлететь над этой зачуханной квартирой и над этой серой пятиэтажкой, над городом, парализованным собственными же дорогами, над землей, которая...

Увлечся. Пока я не выполню свою миссию, никуда я не полечу. Потому что именно здесь, в толпе, сейчас мое место. А не над ней.

Итак, теплота во взгляде... Свежесть лица... Убрать эту жуткую щетину, морщины, муть из глаз.

Вот так, это совсем другое дело. Двадцатилетний юноша, полный сил и здоровья. Еще раз отрепетируем улыбочку, радостную, искреннюю.

Как на улицу идти не хочется... Но придется.

Дверь можно не закрывать, все равно спереть нечего. Зайдут, к примеру, воры. Посмотрят. Может, унитаз починят. Увидят, в каких условиях я живу, и починят. И в холодильник еды положат. А потом поклеят обои. Какое на меня сегодня остроумие нашло. К чему бы это?

— Здравствуйте, Марья Сергеевна, как ваше здоровье?

— Ой, здравствуй, Сереженька! Да какое в мои годы здоровье? Еле хожу. Тяжело мне, старой.

— Марья Сергеевна, может вам помочь, в магазин сходить или в аптеку? Или в квартире уборку?

— Вот спасибо, Сереженька. Один ты у нас в доме такой добрый и отзывчивый. Ты мне авоську донеси, а там я тебе список напишу. Только ты уж повнимательнее в магазине будь. В прошлый раз молоко какое-то подкисшее купил, да и батон не нарезной, а турецкий. А пылесос стал работать как-то не так, то гудел, а сейчас гудит, но силло, боюсь, как бы не сломался. Осторожнее надо с техникой, у меня пенсия маленькая, а новый ты ж мне не купишь?

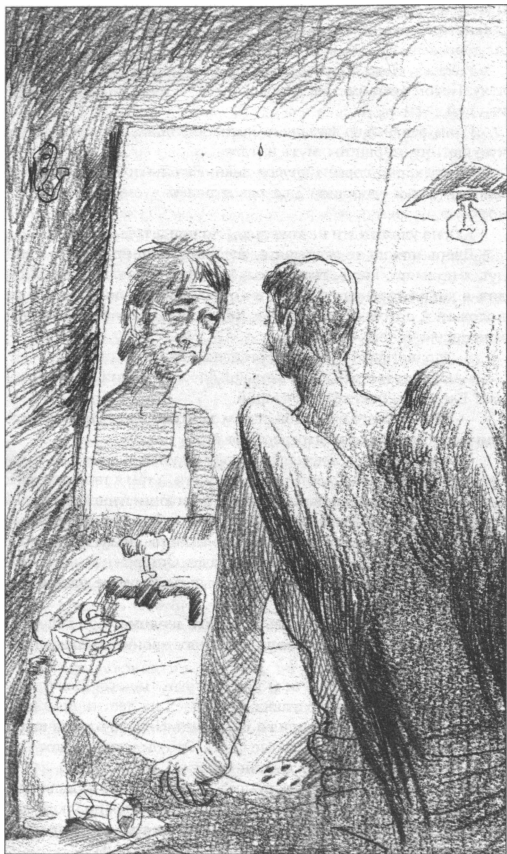
Ну не хотел же я сегодня выходить из дома. Вот теперь и приступай к выполнению своих обязанностей. Ангел есть ангел, ничего не поделаешь.

Спускаясь с третьего этажа, он увидел на лестничной площадке кота. Кот сидел у перил и умывался. Ничего особенного в нем не было, в этом коте. Кроме цвета. Это был черный кот.

— Брысь, кошка! — сказал он нервно.

Кот замер, внимательно посмотрел на него, вытянул заднюю лапу и принялся ее вылизывать, искоса продолжая наблюдать.

Пнуть его, что ли? Разлегся тут, нашел место. Вот так отвести ногу и пнуть, чтобы с мявом полетел с лестницы.

Нельзя. Потому — ангел! Пусть лежит, народу много ходит, найдется, кому пнуть.

— Ангел! — вдруг раздался голос: — Пришел твой час. Ты должен выполнить миссию. Ты готов?

— Да. Что я должен сделать?

— Убей этого кота.

— Кота? Убить вот этого кота? И ради этого я столько лет ждал?

— Ты не должен задавать вопросы. Ты должен просто выполнить свою миссию и вернуться к нам!

Он посмотрел на кота, продолжающего вылизывать лапу. Желание пнуть, секунду назад зудящее ногу, почему-то пропало. Неужели это и есть та миссия, ради которой он лишен крыльев, обязан выполнять прихоти полусумасшедших старушек, жить в загаженной квартирке и жрать водку, как последний алкаш?

— И это вся моя миссия?

— Убей кота. Быстрее!

— Но это же глупо! Я не хочу убивать какого-то кота. Дайте мне настоящее дело, и я выполню его!

— Убей кота!

— Нет.

— Ты отказываешься выполнить свою миссию?

— Это не миссия, это полная хрень. Ради этого не стоило меня сюда посылать. Нужно было просто шепнуть пару слов местному живодеру, и все было бы сделано.

— Ты знаешь, что бывает с ангелами, которые отказываются выполнить свою миссию?

— Конечно. Остаются жить в этом дерьме.

— И жизнь этого кота тебе дороже твоих крыльев, твоего возвращения к нам?

— А что мне сделал этот кот плохого? Ничего. Может быть, ты объяснишь, что он сделал тебе?

— Ты не должен ничего спрашивать. Ты должен верить. Ты мне веришь?

— Верю. Но убивать кота не буду.

— Тогда прощай, падший ангел. Ты проклят и низвергнут. Больше ты не услышишь моего голоса.

— Прощай. Если будет нужда выполнить настоящую миссию, обращайся.

Он нагнулся, взял кота под передние лапы и поднял перед собой.

— Ну что, кошак? Тебя как зовут? Чей ты?

Кот мявкнул, задержался и вырвался, поцарапав ему руку.

— Ну, собака, попадешься мне еще раз — убью! — заорал он ему вслед и пососал ранку.

Двор с плоской крыши пятиэтажки выглядел заманчиво-далеким.

Он сидел на самом краю и чувствовал, как посасывает под ложечкой. Хорошо, если насмерть. А если просто переломает ноги или хребет? Надо прыгать башкой вниз, тогда уж точно все.

Падший ангел. Он — падший ангел. Если уж падать, то до конца. Надо быть последовательным.

Он наклонился вперед. Еще немного... Это будет его последний полет. Бескрылый, но все же полет. Вот сейчас, посильнее оттолкнуться руками, и...

— Да брось ты ваньку валять! — сказал кто-то тонким голосом.

Рядом с ним сидел черный кот:

— Хочешь знать, как поступил бы в таком случае настоящий падший ангел? — спросил кот. — Очень просто. Пропил бы деньги Марьи Сергеевны! Кстати, у тебя есть хата? А то мне надоело жить в подвале, сегодня же переберусь к тебе. И не пялся на меня, могли и с тобой так же поступить. Был бы котом с помойки. Да, если будет приходить моя бывшая кошка и спрашивать меня, гони в шею, договорились? Ну, чего расселся, примерз, что ли? Пошли в магазин. И вот еще что. Будешь водку брать, не забудь купить кошачьего корма, а то без закуски я пить не привык.

Вирус

Рассказ

Э то был еще, конечно, не каюк, но очень близкий его родственник. Охлаждающая система корабельного реактора категорически отказывалась приходить в чувство. Поэтому врубать ускорение больше, чем на тридцать секунд в два бортовых часа, не было никакой возможности. А вы сами понимаете, на такой тяге далеко не улетишь. Особенно, если болтаешься в окрестностях Беты Водолея, где отродясь не было ни одного астросервиса. Тут вообще отродясь ничего не было. И забрести сюда можно было или с пьяных глаз, или из-за навигационной ошибки.

Макс Флакк предпочел внести в корабельный журнал запись о навигационной ошибке, а три пустых пузыря из-под тонатской «Звездно-капитанской» настойки отправил с прочим мусором в люк пневмоутилизатора. Последний полный пузырь едва не разделил ту же участь, но в решительный момент Макс принял во внимание, что жидкость можно использовать для дезинфекции, и оставил его исключительно из медицинских соображений.

После этого он включил бортовой компьютер DRW-69, откликавшийся на имя Дарвин, в диалоговый режим.

— Счастья тебе, капитан! Тестирование конфигурации успешно завершено. Аварийная ситуация. Заглушка охлаждающего контура установлена некорректно, — приветливо сообщил компьютер приятным баритоном.

— Спасибо, сам знаю, — буркнул Макс. — Возможность ремонта?

— Исключено. Только замена, — бодрым голосом отозвался Дарвин.

Макс тяжело вздохнул, поморщился от запаха собственного перегара и сунул в рот мятный леденец.

— Могло быть хуже! — оптимистично отрапортовал компьютер.

Макс припомнил габариты вчерашнего астероида и утрюмо кивнул.

Чтобы заменить заглушку, надо, знаете ли, иметь другую такую же. Но вот чего нет, того нет. Макс запросил у компьютера координаты, наметил курс на ближайший обозначенный в справочнике астросервис и прикинул расстояние. В парсеках получалось много, в световых годах за счет округления — чуть меньше. В жратве — триста с небольшим стандартных суточных пайков. При наличии на борту от силы ста. «Реактор йок — сокращай паек» — вспомнил он старую астронавигаторскую присказку и загрустил.

Два следующих дня Макс убил, играя с Дарвином в «живое-неживое». Но под конец компьютер стал откровенно жульничать, загадывая ему то «циклический пароксизм», то «глюкокортикоид», и Флакку пришлось переключиться на раскладывание пасьянсов.

На третий день радио поймало загадочные позывные. Макс с Дарвином со все более нарастающим изумлением запеленговали сигнал и, трижды проверив, убедились, что идет он с крошечной планетки, на которой наличие жизни по всем законам космоса исключалось категорически. Проведенный на скорую руку спектральный анализ показал, что планета холодна, как лед, практически лишена атмосферы, воды и закусочных быстрого питания.

Тем не менее, планета запрашивала их, все ли в порядке на борту. Этих, которые там были с передатчиком, удивило, оказывается, странное маневрирование звездолета.

— Они по-каковски говорят? — поинтересовался Макс у бесстрастно переводящего позывные Дарвина.

— Двоичный код — универсальный язык Вселенной, — с горделивой небрежностью отвечивал компьютер.

Макс в двух словах описал проблему и запросил помощь, в глубине души ничуть не рассчитывая на положительный ответ. Там, на планете, подумали с полминуты, после чего с античной простотой дали добро на посадку. Макс сказал: «Ну ничего же

себе!» — поскреб подбородок с четырехдневной щетиной и потребовал от Дарвина рассчитать траекторию приземления.

Сели грамотно. Макс натянул скафандр и выглянул в иллюминатор. По космодрому сновали похожие на жуков роботы. Людей видно не было. Макс шагнул к люку, как вдруг:

— Стоп! На космодроме обнаружено новое устройство. Устройство находится в зоне карантина. Идет сканирование системы. Это может занять время, — Дарвин добросовестно транслировал поступавшие извне команды. Макс застыл с поднятой ногой. Но, в сущности, карантин — стандартная процедура, пускай себе сканируют.

— Сканирование системы завершено. Система содержит вирус. Лечить? Удалить? — транслировал Дарвин. Потом он понизил голос: — Не понимаю, о чем это они, капитан.

— Повторяю запрос. Лечить? Удалить?

— Черт знает, ребята, — удивился Макс, — Ну давайте, лечите.

В ту же минуту входной люк лязгнул, открываемый снаружи, в него просунулся серебристый шланг. Из шланга с шипением ударил ядовитый едкий газ. Макс едва успел защелкнуть герметизирующий щиток шлема и дернуть вентиль подачи кислорода. Шланг пошипел немного и убрался. Люк с недовольным лязгом закрылся.

— Система содержит вирус. Лечение невозможно. Удалить? — поинтересовался через Дарвина таинственный абориген.

— Да вы чего творите-то? — заорал Макс. — Какой к черту вирус, вы чуть меня не ухлопали!

— Сообщаю: система инфицирована биологическим вирусом типа человек. Удалить?

— Какой на фиг вирус? Вы что тут, белены объелись все? Ты кто вообще такой? — возмущенно громыхал Макс из скафандра.

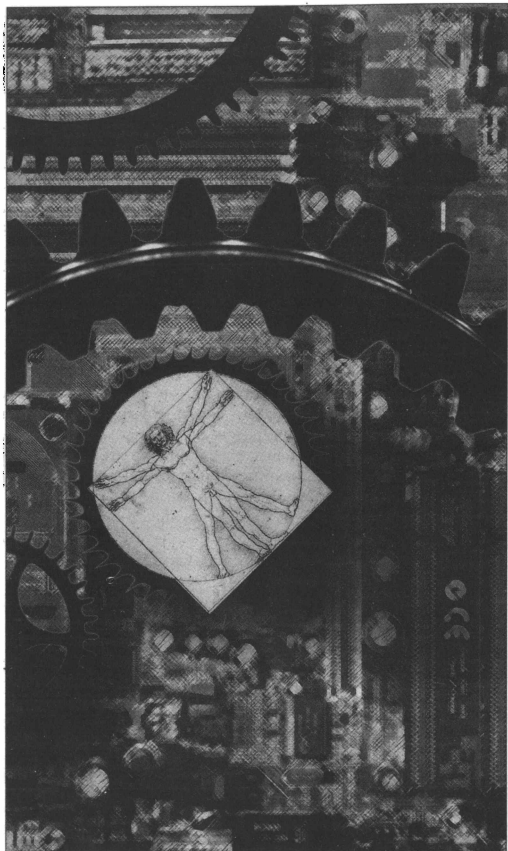
— Вас приветствует дежурный сервер № 584-0001. Администрирование космодрома осуществляется согласно Технического Регламента планеты Гигасофт. Ваша система инфицирована биоло...

— Слышал уже! А ну, зови сюда своего командира, железяка хренова!

— Удаленный доступ к Центральному Серверу установлен. Слушаю.

— Ты что, не понимаешь, что я никакой не вирус?! Я — капитан этого корабля, пень ты кремниевый!

— Запрос вредоносной программы игнорирован. Слушаю.

— Идиот!!!

— Запрос вредоносной программы игнорирован. Слушаю.

— Я вот тебе сейчас...

— Запрос вредоносной программы игнорирован. Слушаю.

Макс в отчаянии уставился на Дарвина, ища поддержки. И Дарвин оказался на высоте положения.

— Говорит бортовой компьютер DRW-69. Запрашиваю обоснование причин карантина.

— Биологический вирус, содержащийся у вас, является следствием системной ошибки при первоначальном программировании Вселенной. На планете Гигасофт данная ошибка преодолена антивирусной защитой Центрального Сервера. Вирус не может быть вылечен. Удалить?

Макс прикинул, можно ли по-быстрому стартовать с этой гнусной планеты. Но — пропади оно пропадом! — несмотря на низкую гравитацию требовалась такая тяга, что перегрев реактора был обеспечен. Верная смерть. Отпадает.

Дарвин задумчиво мигал индикатором. Будь у Флакка индикатор, он бы тоже им помигал. Внезапно компьютер ожил:

— Ответ на запрос отрицательный. Биологический объект является элементом бортового антивируса, служит образцом для идентификации аналогичных вредоносных программ.

Макс даже подпрыгнул: ай да Дарвин! Вот это голова! Дежурный сервер космодрома заткнулся. Видимо, теперь настало его время мигать индикатором. Но недолго.

— Сообщаю: ваш биологический вирус находится в активном состоянии и способен реализовать вредоносную программу.

Дарвин негодуя зажужжал и с достоинством парировал:

— Биологический вирус типа человек в единственном числе не способен к самопроизводству и размножению, поэтому рассматривается как неактивный.

— Сообщаю: поломка элемента вашей конфигурации является следствием действия указанного биологического вируса. Удалить? — не растерялся дежурный сервер.

Макс покраснел, понимая, что где-то в чем-то это — святая правда.

— Спроси его, что будет, если не удалять? — шепнул он Дарвину.

— Согласно Технического Регламента все зараженное устройство подлежит удалению посредством нейтронной кувалды, — был ответ.

Макс, поглядывающий в иллюминатор, увидел, как роботы-жуки волокут к звездолету пару нехитрых приспособлений, в одном из которых он без труда узнал нейтронную кувалду устаревшего типа, а в другом — бочку жидкого азота. Ситуация обострялась. И выхода из нее пока что было не видно. Дарвин отключился от передачи данных, и они с Максом устроили военный совет.

Прошло четверть часа, когда Флакк, наконец, решился. Ничего лучшего в голову все равно не приходило. А проклятые жуки на космодроме уже начали прицеливаться, совершая кувалдой возвратно-поступательные движения и неуклюже подпрыгивая всеми шестью ногами в такт. Один из них со спиной цвета кобальта прилаживал насос к бочке с азотом. Дарвин включился в режим передачи.

— ОК. Вирус будет приведен в неактивное состояние, но сохранится как элемент антивирусной защиты. Да? Нет? Отмена? Извините, процесс начат автоматически.

Макс откупорил последний пузырь «Звездно-капитанской», поболтал его и, обжигая горло, принялся пить большими глотками.

Прошло еще минут пять. Или десять. Повторное сканирование системы, тщательно проведенное недоверчивым дежурным сервером, не отметило на борту никаких следов недавней психобиологической активности.

Когда Макс пришел в себя, облизал наждачно-сухим языком слипшиеся губы и открыл глаза, приборы показывали, что корабль идет прямым курсом и с максимально допустимой скоростью к Солнечной системе. Датчики охлаждения реактора горели мирным зеленым цветом.

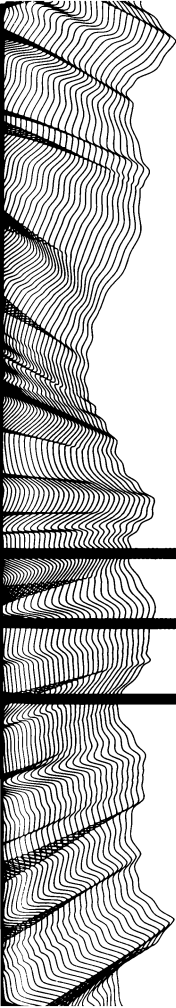
Флакк с некоторым трудом припомнил предшествующие события и с признательностью потряс тяжелой головой:

— Дарвин, дружище, ты просто гений!

— Спасибо, капитан, я только выполнил свой долг! — с присутствующим ему оптимизмом отозвался компьютер.

Макс поискал глазами что-нибудь выпить, и, не обнаружив ничего подходящего, двинулся из рубки в каюту — сварить кофе. Выскребая из банки в кружку последние крохи, через неплотно прикрытый люк он услышал задумчивое бормотание Дарвина:

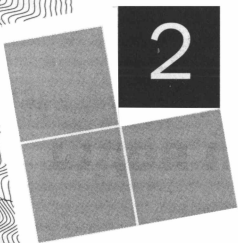
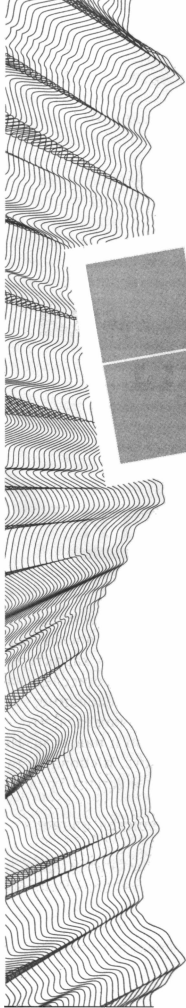
— Так, значит, все-таки — системная ошибка при первопрограммировании? Тогда это действительно многое объясняет...

Личности

Идеи

Мысли

Вечный двигатель российской истории, или Фантастика чистой воды

— Разве вы не поспешите ей на помощь? — спросила Алиса, не понимая, почему он так спокоен.

— Ни к чему! Ни к чему! — сказал

Король. — Она так бежит, что ее не догонишь! Все равно что пытаться поймать Брандашмыга!

Л. КЭРРОЛЛ

«В исит груша — нельзя скушать», «близок локоть, да не укусишь» — эти и подобные пословицы-поговорки как нельзя более точно характеризуют предмет нашего сегодняшнего исследования. Впрочем, почему сегодняшнего? Это исследование, эти поиски длятся уже не одну сотню лет. И порой кажется, что — вот оно, наконец, нашли, теперь уже навечно и навсегда. Но проходит поколение-другое, сменяется власть, и снова начинаются поиски, и вновь продолжается бой, и сердцу тревожно в груди...

Этот неуловимый Брандашмыг — российская национальная идея.

Вот уж поистине, нет ничего более неуловимого и эфемерного в целом мире. Но на то она и идея. Идеи, согласно Платону,

обитают в особом, идеальном мире, и мы, жалкие людишки, в состоянии разглядеть только тени на стене — тени, которые отбрасываются этими самыми идеями.

В таких нечеловеческих условиях поди разбери толком, что именно ты там видишь и как это понимать. Существует ли российская национальная идея на самом деле, или нам это только кажется? Или просто очень хочется, чтобы она существовала?

I. КОЛЕСО ОБОЗРЕНИЯ

Принято считать, что всякая социальная общность — народ, нация, сложившаяся в пределах государственного или иного образования, формирует определенную идею, скрепляющую, как цемент, данную общность в сфере духовной жизни. Она позволяет обществу самоидентифицироваться, отделить себя от других, объединить людей разных социальных слоев и национальностей.

Известный российский политолог Леонид Радзиховский в статье «Идея» пишет следующее: «Язык, традиция, стиль, мифология, менталитет — только это и объединяет НАРОД, только это создает народ, это и ЕСТЬ народ. Вне менталитета, традиции, стиля, языка — народа просто не существует. Без государства народ существовать может (украинцы или казахи до 1991 года), без единой территории может (евреи, цыгане), без единой религии может (немцы — католики и лютеране, “американцы” в США). А вот без общего менталитета, языка, стиля, мифа — не может (т. е. люди будут тогда входить в ДРУГИЕ народы). Собственно, государства и “придуманы” для защиты своего менталитета. Если сравнивать нацию с книгой, то важны не физические листы бумаги (люди с их телами), а СОДЕРЖАНИЕ книги. Вот это содержание и есть НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ».

Соображения очевидные, с ними трудно поспорить. Но история данного вопроса в России на редкость сложна, противоречива и запутанна. Попробуем пунктиром наметить основные вехи. Попробуем раскрыть, хотя бы вкратце, содержание этой удивительной книги.

Замечу сразу, что предпочитаю формулировку «российская», а не «русская» национальная идея. Причина — многонациональность российского государства. В этом контексте национальная идея совпадает с государственной. Иначе мы делаем неизбежный шаг к выяснению, кто русский, а кто нет, к

отделению одних от других, к бесплодным и бессмысленным разговорам о чистоте нации... Лет сто назад эти темы еще могли быть новыми и актуальными, но не сегодня. Поэтому идея — российская.

Итак, началось всё, конечно, давно — надо полагать, еще века с девятого, когда на княжение были призваны варяги. Самая первая национальная идея была сформулирована крайне просто и доходчиво — чтоб был порядок. Ибо земля русская, как известно, вельми обильна, но порядку-то в ней и нет.

Хотя на полноценную национальную идею это пока не тянуло: трансцендентности явно не хватало, какой-то возвышенности, что ли, духовности.

Принятие христианства сыграло в этих поисках решающую роль. Через некоторое время вызрела, выкристаллизовалась и в течение XV-XVII вв. оформилась теория «Москва — новый Иерусалим» / «Москва — третий Рим». Ее значение огромно.

Во-первых, она конкретизировала несколько абстрактные представления о вселенской, внеисторической миссии русского народа. То есть оформила мессианское сознание наследников Византийской империи; Россия стала считать себя последним истинным оплотом христианской веры, а именно — православия.

Во-вторых, раз мы одни такие замечательные, уникальные и правильные, все остальные вокруг становятся или актуальными, или потенциальными врагами. Все только и жаждут, тайно или явно, разрушить нашу веру и поработить. Понятия «русский» и «православный» зачастую воспринимались как синонимы. Войны с Польшей, с рыцарскими орденами воспринимались как противостояние католицизму; войны с Крымским, Казанским ханством, с Турцией тоже имели религиозный оттенок.

В-третьих, необходимость сохранения истинной веры обусловила стремление к изоляции. Оградить православное государство от чуждых влияний, не пущать и не допускать ничего, что не соответствует канонам. Вспомним, с каким трудом шла европеизация России при Петре I.

В-четвертых, теория «Москва — третий Рим» выразила стремление к возвышению Московского княжества над своими соседями-конкурентами, стремление к преодолению феодальной раздробленности Руси и к ее дальнейшей централизации. Имперские притязания и территориальная экспансия

московских правителей стали более обоснованны: нести свет православия непросвещенным народам. Византийская концепция «симфонии царства и священства» (неразделимость, союз светской и церковной власти) воплощалась в полный рост.

В-пятых, что логично, постепенно черты главного правителя Руси приобретали все более и более абсолютистский характер. Прежний взгляд на государство как на наследственное владение потомков Рюрика был поколеблен пресечением династии. Пертурбации периода Смутного времени ясности не внесли: идея о том, что государь обретает права на престол в результате определенных соглашений с представителям от разных сословий, успеха не имела. Чисто рациональное отношение к власти (свойственное, скорее, европейскому укладу), восприятие царя всего лишь как чиновника высшего ранга, подотчетного и исполняющего волю общества, — всё это в корне противоречило византийским традициям. В рамках теории третьего Рима государство — от Бога; а значит, и царь, соответственно — Сын Неба, хранитель государственных и божественных истин. А значит, не подчиняется никаким условностям и сам устанавливает правила игры для всех остальных. Через какое-то время царь не без оснований стал именоваться самодержцем.

Переоценивать значение теории третьего Рима, возможно, не стоит: существует мнение, что она не имела широкого хождения в народных массах, а была распространена разве что среди книжников и во власти. Но даже несмотря на это, влияние на развитие страны она все равно оказала. Впрочем, среди простого люда, как известно, пользовался популярностью домострой и вообще патриархальный жизненный уклад. А беспрекословное подчинение отцу семейства есть вариация на тему сильной государственной руки.

Логическим продолжением темы третьего Рима явилась знаменитая формула XIX века «самодержавие — православие — народность». Она удачно и своевременно обосновала укрепление российского самодержавия и территориальную экспансию, поиски выходов к морским портам, оказание помощи братским славянским народам в их борьбе против турецкого владычества. В более простом виде формула выражалась лозунгом «за веру, царя и отечество», имела широкое хождение и была на тот момент, пожалуй, наиболее адекватным выражением основных ценностей.

Дискуссии западников и славянофилов (тоже XIX век) на этом торжественном великодержавном фоне как-то даже, пожалуй, теряются, поскольку были действительно не более чем разговорами, которые никуда не привели.

Где-то посередине, на первый взгляд не очень заметный, затесался и Иван Грозный со своей опричниной. Нет, опричнина не была национальной идеей, но она, как ни печально, подспудно сыграла очень важную роль в дальнейшей истории. Подробнее об этом чуть позже, пока просто запомним и зафиксируем.

После Октябрьской революции 1917 года старые идеи были преданы анафеме: самодержавие уничтожили, православие оказалось опиумом для народа, народность объявили буржуазным пережитком. Но странным образом на замену старым ценностям пришли новые, которые отличались только по форме, но не по сути. Царизм сменился диктатурой партии и правительства. Вместо православия господствующей религией стал коммунизм. А прежний патриотизм стал равен интернационализму, ведь «пролетарий не имеет отечества».

Оказалось, что базовые компоненты теории «Москва — третий Рим» никуда не делись, просто в них, как в сосуды, налили новую жидкость.

Во-первых, страна стала единственным истинным оплотом коммунизма; следовательно, особая роль, вселенская миссия осталась, только поменялся акцент.

Во-вторых, врагов не убавилось, а даже скорей, наоборот.

В-третьих, присоединяя всё больше территорий, СССР постепенно восстанавливал статус империи.

В-четвертых, вакантное место небесного правителя успешно заняли советские вожди.

В-пятых, ждавшее где-то впереди Царствие Небесное вполне конкретно стало именоваться Коммунистическим Обществом и даже кое-кем планировалось к 80-м годам XX века.

Но распад СССР и утеря коммунистического эгрегора снова заставили начать всё с нуля.

Поиски национальной идеи продолжаются.

II. АКРБ (АРХЕТИПЫ КОЛЛЕКТИВНОГО РОССИЙСКОГО БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО)

Сам по себе исторический обзор мало что значит — это не более чем перечисление общеизвестных фактов. Смысл в другом

— найти основные закономерности и наметить пути в грядущее. Если это, конечно, возможно.

Собственно, если взглянуть на историю вопроса повнимательнее, то мы с удивлением обнаружим, что все основные компоненты российской национальной идеи мы уже нашли. Просто их надо вычленить из текста и опознать в лицо. Удивительное рядом: самое забавное в том, что за тысячу лет по сути мало что изменилось, формы сосудов всё те же, просто наполняются они разной водичкой. Эти универсальные, интуитивно понятные формы, изначальные мировоззренческие установки можно назвать штампами, шаблонами или архетипами, а можно как-то иначе, но не в этом суть. Из них и сложится в итоге, как домик из кубиков, наша национальная идея.

Этих базовых архетипов я на данный момент насчитал пять, по числу пальцев на руке. Загибайте (или разгибайте, кому как больше нравится):

1. Особенная статья.
2. Осажденная крепость.
3. Враг.
4. Вождь.
5. Золотой Век.

1. Особенная статья

«Особенная статья», избранность, мессианство, универсальная миссия. Что тут пояснять? Всё, наверно, и так понятно, без лишних слов. Первый Рим пал под натиском варваров, второй Рим — Константинополь — развалился под собственной тяжестью, третий Рим стоит незыблемо, а четвертому не бывать. Нам уже все уши прожужжали, что у России свой, особенный путь, поперек всех хоженных дорог, что именно она, Россия — залог будущего духовного возрождения Земли в эру Водолея (или, например, в год Кабана; название нужного зверя подставить самостоятельно). Глядя на всё, что происходит сейчас вокруг, трудно не поверить в существование особого, никому не понятного пути.

Тут главное — верить и не сомневаться. Верить в существование высшего смысла, особого пути. Как пишет журналист и культуролог Александр Генис, «главное — вера в нечто несоразмерное личности, нечто заведомо большее, чем она, нечто такое, что наделяет смыслом слова и поступки, жизнь и историю».

А верить можно только в строго заданных рамках, когда нет возможности выйти за пределы системы. Вообще, для идеи избранности очень характерно воспроизведение мифологически замкнутого пространства, «тотальности». Это пространство — Ось Мира, Пуп Земли, Святая Русь, Российская Империя, Советский Союз, Российская Федерация. (Все слова обязательно должны писаться с заглавных букв). Характерно осознание особой миссии, особого пути, лежащего между Западом и Востоком, опять же в некоем метафизическом центре мира. Идеи евразийства четко иллюстрируют эту картину.

Поиск национальной идеи свойственен не только нам. Скажем, Китай уже не одну тысячу лет существует в рамках осознания того, что он — Срединная Земля, Поднебесная Империя, Центр Мира и так далее. В том, что у Китая свой, особый Путь, мало кто усомнится. Еврейский народ, долгое время будучи разбросан по всей Земле, добился наконец создания в середине XX века собственного независимого государства. Спустя не одну тысячу лет. Надо думать, это удалось сделать в первую очередь благодаря осознанию своей уникальности и особой божественной Миссии. Так что «особенная статья» — не такая уж и экзотика, а вполне адекватный путь народа к самоопределению. Просто в России этот «шаблон» имеет специфическое звучание, божественно-имперское, с уклоном то в православие, то в марксизм.

Кстати, сам термин «Империя» активно используется научной фантастикой: Звездная Империя, «Звездные войны», Эдмонд Гамильтон, Айзек Азимов и всё такое прочее. Смычка с фантастикой не случайна: любая империя призвана расширяться по обитаемой Вселенной, с тенденцией к бесконечности. А это, как показывает история, задача вполне фантастическая.

2. Осажденная крепость

Из идеи особости, избранности, из замкнутого пространства абсолютно закономерно вытекает тема осажденной крепости. Начнем с цитаты из Виктора Пелевина (рассказ «Папахи на башнях»): «Со времен Гомера хорошо известен следующий литературный сюжет — слепому библиотекарю снятся две группы героев, одна из которых обороняет некую крепость, а другая пытается взять ее штурмом. Сюжет чрезвычайно навязчив — люди склонны воспринимать через его призму даже события, которые

с фактической точки зрения совершенно не укладываются в эту канву... Но самое интересное, что стоит какому-нибудь реальному жизненному событию полностью уложиться в рамки гомеровского сюжета, как сознание напрочь отказывается узнавать его в случившемся и настойчиво пытается увидеть на его месте что-то иное. Кроме того, подлинники защитники крепости обычно даже не догадываются, что их действия являются защитой крепости».

Говоря более научно, основополагающий архетип любого, в сущности, мировоззрения — дихотомия. Дихотомия — это разделение мира на безусловно позитивное и безусловно негативное. Свойственная человеческой психологии в целом «бинарная логика» («правое» — «левое», «верх» — «низ», «хорошо» — «плохо») трансформируется в черно-белое восприятие социальной реальности. Оппозиция «мы» — «они» связана с самоидентификацией: «мы» — это группа, с которой индивид себя ассоциирует, а «они» — группа враждебная. И эта пара принципиально неразделима, ибо стороны дополняют и обуславливают друг друга: без одной не будет и второй. Членение пространства также бессознательно происходит по принципу «наше» — «чужое», «безопасное» — «опасное», «порядок» — «хаос». В древние времена выживание племени целиком зависело от защиты «своих» и успешной борьбы с «чужими». В политике все эти антагонистические понятия особенно популярны, поскольку просты и доступны.

Ощущение осажденной крепости долгое время существовало в России скорей подспудно. Представления об этом часто принимали мифологический, символический характер, и в основе этого лежали некоторые универсальные, чисто мировоззренческие образы. Если брать языческую мифологию древних славян (в трактовке Б. А. Рыбакова), то наиболее архаические их представления — анимизм, вера в берегинь и упырей как в универсальные начала, символизировавшие Добро и Зло. Наличие в более развитой мифологии таких персонажей, как Белобог и Чернобог, продолжило традицию разграничения сил светлых и сил темных. Принятие христианства дополнило мировоззрение людей понятиями Бог и Дьявол, добродетель и грех. Народный эпос, близкий к язычеству, пересмысливал эти категории в форме образов героя и противостоящего ему змея — олицетворения зла и хаоса (подробнее об

этом чуть позже). Одна сплошная непрекращающаяся битва на Калиновом мосту.

На эту тему замечательно высказывается певец Русской Империи публицист Александр Проханов. Его слова стопроцентно вписываются в обнаруженную нами схему: «Русская история трагична. Трагедия в том, что Россия объявила свое качественное отличие от прочего мира. Россия утвердила в себе эту идею. Предложила миру себя, как нечто иное, противоположное миру, как великая укоризна миру. Оскорбленный этим укором мир не простил России этот вызов. Задача мира разгромить Россию — это не только захватить территории, забрать ресурсы. Ветхий мир хочет запечатать рот этому огнедышащему русскому гласу. Выбрав себя страной райской, готовой жертвовать всем, в том числе и собой, ради рая, ради бессмертия, Россия накликает на себя беды мира. И нам каждый век, после очередного падения и разгрома, приходится подтверждать нашу Победу. Победа 45-го будет повторяться для России бесчисленное количество раз, как бесчисленное количество раз повторяется распятие и воскресение Христа».

Реально осознаваемым и четко формулируемым образ осажденной крепости стал в советское время, особенно поначалу, когда СССР был единственной на планете страной победившего социализма, а капиталистическое окружение (как в реальности, так и в воображении) пыталось уничтожить прогрессивное государство нового типа. Период «холодной войны» только усилил это общее ощущение.

Сегодняшний день, к сожалению, не исключение. Военачальники Иосиф Сталин и Александр Невский — победители конкурса «Имя Россия»... Террористы, которых надо мочить в сортире... Коварные америкосы, расширение НАТО на восток, ползущая с Украины «оранжевая чума», война с «Боржоми» как с воплощением грузинской агрессии... Впрочем, поиск врага — это тема следующего раздела нашего исследования.

3. Враг

Дело ясное, если есть осажденная крепость, есть и враги, которые ее осаждали и штурмуют. Кто же они, эти силы зла?

Исторически российское / советское государство и национальная идея развивались, как правило, в борьбе: против неразумных хазар, половцев, немцев, тевтонов, шведов, монголо-

татар, поляков, турок, французов, снова немцев... Против заговора сионских мудрецов, против красных, против белых, против Антанты, против троцкистов, против головокружения от успехов, против безродных космополитов, против мировой закулисы... А после распада Союза — уже против коммунистов... Образ врага (реального или воображаемого) преследует нас постоянно, разделение на «своих» и «чужих», в конечном счете, оказывается жизненно необходимым для развития русской национальной идеологии во все времена.

Один из наиболее популярных и традиционных в России символов врага — змей. Святой Георгий Победоносец, поражающий змея, стал символом государства. Аналогом драконоборца Георгия был воин-мученик Егорий Храбрый, утверждающий веру. Враги Руси (например, различные кочевники) чаще всего были представлены в фольклоре в виде драконов и змей. Былин-ные богатыри времен татаро-монгольского ига имеют соответствующих змеевидных противников: Добрыня Никитич — Змея Горыныча, Илья Муромец — Идолище Поганое, Алеша Попович — Тугарина Змеевича. Иван Грозный бился со «змием-казанским царем». Александр I называл Наполеона «сущим дьяволом», воплощением «духа Зла», по сути — библейским змеем, втершимся в доверие и коварно обманувшим. Основное, что всегда вменялось в вину Гитлеру, — это вероломное нападение на Советский Союз, то есть всё та же змеиная подлость. Вспомним также устойчивое словосочетание «фашистская гидра». Враг был реальный, но фантастический мотив в его восприятии очевиден. В XX веке архетипический мотив змееборчества возродился в нашей стране. В Первую мировую, Гражданскую и Великую Отечественную враг часто представал на плакатах в виде змея. Политическая борьба совершенно явно предстала как змееборчество, как борьба со злом как таковым, причем образ врага стал неразделимым: враг внутренний слился с врагом внешним. Троцкий и Бухарин как конкретные люди, вожди антисоветских заговоров, были необходимы Сталину для инсценировки битвы и победы над вселенским злом и утверждения себя как истинного героя. Тезис об усилении классовой борьбы по мере дальнейших успехов социализма вписывается в эту же «героическую схему»: враг коварен и живуч так же, как и мифическая гидра, у которой на месте отрубленной головы вырастают две новых. Нет никаких сомнений, что вышеперечисленные сталинские идеологические изыски имели явную мифологическую

основу. Анализ стихотворных текстов советских времен также подтверждает, что Ленин и Сталин (на символическом уровне) изображались, помимо всего прочего, и героями-борцами с хтоническими чудовищами и вообще всеми мыслимыми врагами (см. мою статью «Советская поэзия как особое мифологическое пространство» // «Полдень. XXI век», 2008, март).

Борьба пролетариата с буржуазией, социализма с капитализмом (империализмом) есть воплощение тех же образов. В советские времена было в ходу понятие «штурм»: штурм полюса, атома, глубин океана, космоса; производственная деятельность была видом борьбы, «трудовым подвигом». Образ врага здесь расплывчат и точно не определен — им может быть и природная стихия; образ же двух противоборствующих крепостей наличествует достаточно явно.

Враги, повторяю, могут быть внешними (капиталистическое окружение) и внутренними (враги народа в 30-е годы, диссиденты в 60-70-е), а еще лучше, если они слиты воедино, в один флакон («троцкисты — агенты империализма»). Подобный синкретический образ врага совершенно необходим для любого тоталитарного общества: ошибки руководства нужно на кого-то списывать. Не может же каждый раз быть, допустим, причиной неурожая плохая погода. Если врага нет, его, как Бога, нужно создать, и он должен быть таким, чтобы его признали достаточно широкие слои населения. Поэтому мифотворец должен хорошо чувствовать народные настроения, ориентироваться в бытующих мифах, стереотипах, предпочтениях, симпатиях и антипатиях. А еще лучше, если мифотворец сам искренне верит в то, что придумывает.

Основанный на дихотомическом мировосприятии образ врага играет ключевую роль и в современной российской политике: скажем, отчетливо прослеживаются противостояния «коммунистов» и «демократов», «президента» и «олигархов», нынешних сторонников власти и «несогласных». Та же «фишка» сыграла определенную роль и в приходе к власти в 2000 году президента В. В. Путина: в предвыборном письме-обращении к россиянам отчетливо прослеживались образы двух крепостей: «вражеской» (чеченской) и «нашей» (русской). Опять же, США, НАТО... Другими словами: «Америка — параша, победа будет наша...» Есть мнение, что если не отвлекать российских граждан болтовней о коварном внешнем враге, то слишком много внимания придется

уделять внутренним проблемам и причинам их возникновения. Но это всего лишь мнение, не более того...

Конечно, в той или иной степени образ врага необходим вообще для любого общества, для его самоопределения, самоидентификации и сплочения. Но, как известно, всё хорошо в меру. Конечно, без победы нет и возрождения страны, возрождения общества. А как поднимешься с колен, если некого побеждать, кроме себя самих?

4. Вождь

Ну что ж, если мы обороняем от врага осажденную крепость, как нам обойтись без харизматического лидера, без вождя, без организатора и вдохновителя всех наших побед, без культурного героя, который сплотит нас, покажет верный путь, научит добывать огонь, пахать, сеять и жать? Резонный вопрос.

Повторю еще раз: божественные, надчеловеческие свойства правителя — похоже, что этот архетип впитывается в России чуть ли не с молоком матери. Во многом он ведет свое происхождение всё от той же вездесущей теории «третьего Рима» и небесного благословения на трон. Присущий скорее деспотическому Востоку, чем демократическому Западу, этот архетип — медицинский факт, от которого никуда не деться и не откредитоваться. А отсюда и вполне закономерный приоритет интересов государства перед интересами отдельного человека. Не государство для человека, а человек для государства — когда у нас иначе-то было? Многих ли правителей у нас выбирали голосованием (я даже опускаю слово «всенародным»)? Как часто царь-батюшка, будучи вынужден прислушаться к общественному мнению, слагал с себя властные полномочия и добровольно уходил в отставку? Это ли не настоящая фантастика?

Вообще, загляните в любой учебник: градация в российской истории традиционно идет не только по периодам или формациям, но и «по правителям»: эта классификация сложилась давно и сама собой. Всегда определяющим фактором политики было — кто у власти. Лидер становился не просто лицом государства, а — самим государством.

Термин «политическое лидерство» традиционно имеет в России совершенно четкий синоним — «верха». Носители власти часто бессознательно воспринимаются как некие особенные, отличные от других люди. Носитель такой власти, по сути,

«не от мира сего», он выше человеческих законов, и он стоит между двумя полюсами, между раем и адом, по ту сторону добра и зла. Эпитет «грозный», применявшийся к наиболее уважаемым царям, хорошо подтверждает данный тезис. «Гроза», как символ княжеской силы и могущества, берет свое начало еще с позднелазыческих времен, когда Перун был выдвинут в главные боги славянского пантеона. Образы добра и зла в политической символике, таким образом, часто сливаются и выступают в синкретическом, нерасчлененном виде. Типа, бьет — значит, любит. Достаточно вспомнить хотя бы популярную последнее время концепцию Сталина как «эффективного менеджера»: да, положил миллионы людей, но зато — превратил крестьянскую страну в ядерную и космическую державу! (Следуют бурные аплодисменты, переходящие в овации).

Мистический элемент в восприятии массами образа вождя несомненен. Здесь соединяются все те же архетипы Великого отца, героя-змееборца и образ Спасителя, возродившегося после многочисленных гонений и трудностей. И порой даже так: чем больше погибших в борьбе, в которой он выжил, тем выше статус вождя. Например, положение Сталина после Великой отечественной войны заметно упрочилось, фактически его имя отождествлялось с Родиной; он стал как бы ее человеческим воплощением. Вообще, Сталин создавал себе героический образ совершенно сознательно, и псевдоним, означающий «стальной человек», тоже не случаен: все мелочи работали на имидж. Сталин как олицетворение страны настолько прочно укоренился в массовом сознании, что после его смерти многие просто не представляли себе дальнейшую жизнь. Некоторые не представляют до сих пор.

Ленин в советское время выполнял функцию универсального, вечного вождя, можно даже сказать, что он был главным богом и фараоном «пролетарского языческого пантеона», ибо именно он был бальзамирован и помещен в мавзолей, в соответствии с архаическими (и отнюдь не марксистскими) представлениями о бессмертии души. Советская пропаганда неоднократно подчеркивала, что «Ленин всегда живой»; даже партбилет за номером 001 всегда выписывался на его имя. Следовавшие после Ленина вожди, не претендуя, конечно, сравняться с ним, все же пытались представить себя как некие инкарнации, воплощения почитаемого всеми культурного героя («Сталин — это Ленин сегодня»). Естественно, никто не воспринимал это буквально, но

на символическом уровне это была истина, не допускающая сомнений. Мифический образ Ленина тоже в каком-то смысле являлся консолидирующим, объединяющим, воплощающим светлую коммунистическую идею. Его именем разве что погоду не заклинали.

Кстати, о грозных царях-батюшках по ту сторону добра и зла. Я не зря уже упоминал здесь Ивана IV и его верную опричнину. Жесткое разделение народонаселения на две неравные части — тех, кто при власти, и тех, кто в пролёте, стало в дальнейшем основным принципом внутреннего российского мироустройства. В каком бы облике это ни проявлялось. Владимир Сорокин в одном из интервью (в связи со своей повестью «День опричника») говорит так: «Мешает метафизика нашей жизни и государственной власти. В Европе каждый гражданин может сказать: «Государство — это я». У нас же страна делится на государство и на подданных, то есть наш народ не отождествляет себя с государством. Государство — это отдельная машина, это некий идол, которому надо молиться и во имя которого надо жертвовать собой. Мне кажется, что опричнина сыграла главную роль в формировании в народном сознании такой структуры государства».

Суть этого явления можно выразить ёмким словосочетанием «мистическая легитимация власти». Власть дана свыше, ее суть невыразима словами и законами. Власть не выбирается народом, власть наследуется, и испокон века было так. Это настолько крепко засело в головах у людей, что выбить оттуда эту идею невозможно. Мысль о том, что высший чин государства может быть снят или переизбран, если не выполняет должным образом свои функции, не укладывается просто нигде. Царь, как и Цезарь, как и жена Цезаря, — вне подозрений.

«Мистическая легитимация» может проявляться по-разному. До революции новый царь обязательно должен был иметь (пусть даже гипотетическое) родственное отношение к правившей династии, чтобы быть признанным в народе. Борис Годунов и Михаил Федорович, первый из Романовых, приходившие к власти в Смутные времена, такие родственные связи имели. Феномен самозванства на Руси также очень ярко отражает «мистическую легитимацию»: для людей были подчас не столько важны идеи, за которые зовут сражаться, сколько тот факт, что их ведет в бой наследник престола (пусть даже и гипотетический наследник).

В советские времена «мистическая легитимация» была не менее актуальна. Сначала Ленин был верным учеником Маркса, потом Сталин был «Ленин сегодня», потом все генсеки неизменно признавались продолжателями дела Ленина, первого фараона, а также каждый из них обязательно должен был быть другом и соратником предыдущего вождя. И очень желательно — руководить его похоронами, приобщиться к важнейшему магическому ритуалу.

Казалось бы, на дворе XXI век — о какой мистике может идти речь? Но у некоторых вещей, в отличие от молока или от йогурта, нет срока давности. Мифологема сакральности власти ярко проявляется и по сей день.

Например, 2000 год. Потерявший массовую поддержку президент Ельцин официально назначает своего преемника, дотеле мало кому известного полковника КГБ, и передает все полномочия ему. Политологи-скептики говорят: «Да кто за него проголосует? Это невозможно!» Но стандартная схема не могла не сработать, и она сработала. Вышло, что немощный, почти недееспособный политический лидер в рамках замкнутого мифологического пространства вполне естественно воспринимался как находящийся в «переходном» состоянии, ищущий своей реинкарнации, наследника (прямо как далай-лама). Кто же возглавит оборону крепости, поднимет, так сказать, упавшее знамя? И сакральный ореол власти оказался настолько силен, что воля президента была воспринята массами на бессознательном уровне как вполне законная династическая передача трона.

В 2008 году институт преемника на основе идеи «мистической легитимации власти» еще раз показал свою полную жизненность. И это в стране, где вроде бы провозглашены все основные демократические права и свободы, где вроде бы существуют конституция, президент и парламент, которые вроде бы выбираются всенародным голосованием...

Что, действительно умом Россию не понять? Конечно же, нет. Одного ума недостаточно, когда имеешь дело с бессознательным.

5. Золотой Век

И, наконец. Куда-то ведь великий вождь ведет свой народ. Должна быть светлая вожделенная цель. Она есть. Это — образ Золотого Века в далеком прошлом как идеал, которого можно

достичь на новом витке исторического прогресса. Апеллирование к данному архетипу совершенно обязательно и для тех, кто у власти, и для тех, кто к ней стремится. Вслед за признанием факта неизбежного нарастания кризисной ситуации и предложением новейших радикальных мер по ее исправлению, этот образ в той или иной вариации обязательно должен проявиться. Славное историческое прошлое, известные всем герои и победоносные войны, высшие ценности — все это стандартные методы воздействия на народонаселение. За всё хорошее, против всего плохого. Кто с этим может поспорить?

Итак, что мы видим? Царствие Небесное, где праведникам воздастся по заслугам. Коммунизм, где от каждого — по способностям, и каждому — по потребностям. Идеи русского космизма и богочеловечества. Сказочный Емеля на печи и его волшебная щука; Иван-дурак и Жар-птица; универсальный помощник Конек-Горбунук; околачивание груш и битьё баклуш; неизбывная надежда на универсальный «русский авось», столь же святая вера в халяву и упование на высокие цены на нефть — какие еще вариации на тему обетованного Золотого Века здесь подойдут? И ожидание этого Золотого Века никогда не прекратится. А кто бы спорил — конечно, кому ж не хочется стабильности, спокойствия и уверенности в завтрашнем дне.

Как метко подмечал Николай Бердяев: «Всё своеобразие славянской и русской мистики — в искании града Божьего, града грядущего, в ожидании сошествия на землю Небесного Иерусалима, в жажде всеобщего спасения и всеобщего блага, в апокалиптической настроенности». Апокалиптической — в том числе направленной не только к «концу истории», но и к бессмертию, физическому и духовному. Преодоление смерти, абсолютное бытие, стремление к вечности, к созданию какого-то постоянства в беспрестанно меняющемся мире — это основа основ не только любого творчества, но и человеческой культуры в целом. Архетип этот универсален, он зиждется как на сознательном, так и на бессознательном неприятии человеком смерти. Любая идея, связанная с высокой целью, неизбежно подводится под знаменатель Золотого Века. А ради высокой цели, как правило, не жалко ничего. И никого.

Как итог, удивительная картина, неизменная на протяжении долгого периода. Вождь-харизматик, обладающий особым

знанием о величайшей исторической миссии, ведет за собой народные массы к прекрасному и беззаботному Золотому Веку, путем обороны осажденной крепости от врагов. Вот к чему привел сеанс психоанализа, которому подверглась страна под названием Россия. Вот как выглядит российская национальная идея. Не такая, какой мы бы ХОТЕЛИ ее видеть, а такая, какая она ЕСТЬ. Что теперь с ней делать? Эксплуатировать и дальше? Что ж, проверку временем она прошла. Или же следует, как и положено в психоанализе, осознать проблему, проговорить и затем попробовать ее преодолеть? Найти более адекватное выражение национальной идеи? Или это уже невозможно? И даже не нужно — потому что и такая идея достаточно хороша?

III. НЕУЛОВИМЫЙ БРАНДАШМЫГ

Страшно не хочется быть скептиком, страшно не хочется быть циником и ни во что хорошее не верить.

Но вывод, пожалуй, как это ни печально, состоит в следующем. Российская национальная идея, как к ней ни относиться, во всех ее трансформациях и воплощениях, имеет, в конечном счете, чисто мифологический характер, потому что состоит сплошь из мифологических образов.

Во все времена, от язычества — через православие — далее к коммунизму — и потом к нынешним смутным временам, — главная российская идея абсолютно ОДИНАКОВА. Форма ее существования — на подсознательном уровне, в виде неких неосознаваемых шаблонов, образов, архетипов. Как писал старик Юнг, «наш бессознательный разум, подобно телу, является хранилищем реликтов и воспоминаний о прошлом». В кризисные моменты истории эти древние образы под влиянием идеологической пропаганды активизируются, проступают, словно на фотобумаге, сквозь более современные наслоения, и, воплощаясь каждый раз в новых реалиях, меняют мировоззрение человека, толкают его в определенном направлении. Мировосприятие становится мифологическим. А это — состояние сознания, при котором не делается противопоставления между иллюзией и реальностью. Состояние, когда в нерасторжимом единстве работают рациональное мышление и воображение. Вся информация о мире человеку недоступна, и недостающие моменты ему приходится восполнять воображением, фантазией, домысливанием. И это свойство сознания не изменилось в человеке с древних времен. При воспроизводстве мифа реальное время словно исчезает, свертывается; разум незаметно

погружается в океан вечных символов, для которых не существует времени.

Функция любого мифа — уничтожение хаоса и созидание порядка, Космоса; борьба со вселенской энтропией. А для этого необходимо объяснить, упорядочить окружающий мир, выявить основные закономерности его развития, и, далее, указав на трудности и препятствия, убедить сограждан в том, что только ты, вождь, знаешь, как их преодолеть.

Итак, вождь-харизматик, обладающий особым знанием о величайшей исторической миссии, ведет за собой народные массы к прекрасному и беззаботному Золотому Веку, путем обороны осажденной крепости от врагов. Все пять базовых компонентов сводятся, в итоге, к одному магистральному направлению развития. Это то, с чего, собственно, всё и начиналось.

Опять же, как обобщал Н. Бердяев, «Россия совмещает в себе несколько исторических и культурных возрастов, от раннего Средневековья до XX века, от самых первоначальных стадий, предшествующих культурному состоянию, до самых вершин мировой культуры. Россия — страна великих контрастов... Вот почему так трудно организовать Россию, упорядочить в ней хаотические стихии».

Позвольте, всё одно к одному. Ликвидация хаоса и установление порядка — цель, озвученная еще у истоков российской государственности, во времена Рюрика; цель, которая, как горизонт, приближается и всё никак не приблизится. Ни княжеская, ни царская, ни советская власть, ни любая властная вертикаль не приводят Россию к осуществлению ее основополагающей цели: через Хаос к Порядку, ко всеобщему благоденствию граждан.

А ведь не самая плохая цель, кстати. Но, по большому счету, это есть цель ЛЮБОГО государства. Конечно, как и любое другое государство, Россия есть гоббсовский Левиафан, в пользу которого, согласно общественному договору, человек отчуждает свою свободу в надежде получить взамен безопасность, защиту, стабильность. А также права и гарантии... Но, может быть, это возможно только в каком-то идеальном, утопическом государстве, городе Солнца? А можно ли назвать Россию идеальным государством? Вряд ли. И, следовательно, всё, что нам остается, — это неустанно бороться и сражаться за Великую Несбыточную Идею.

А нужна ли вообще России национальная идея как таковая? Для чего России ее «особенная статья», культ вождя, лютый враг, вечное состояние осажденной крепости, недостижимый идеал Золотого Века где-то вдали? Почему не хватает обычных общечеловеческих ценностей, принятых в цивилизованном мире — приоритета человеческой жизни над интересами государства, гражданских прав и свобод, социальной защищенности, подконтрольности властных институтов?

Национальная идея — это не цель развития; цель, как мы выяснили, у всех государств примерно одна и та же. Национальная идея, в данном контексте — это какие средства используются в достижении цели, как именно будет организовано это самое движение. Какие образы, какие стандарты будут поставлены во главу угла. Наши российские стандарты мышления — вот они. Вот то, что у большинства людей в головах, в подсознании, вот содержание нашей общей большой «книги» под названием национальная идея. Так что все-таки есть она, эта «особенная статья», есть, хошь-не хошь, и никуда ее не денешь. Но умом ее, к сожалению, не понять. Висит груша — а нельзя скушать. Близок локоть, да не укусишь. Фантастика чистой воды. Ищут эту вожделенную идею, ищут давно и никак не могут найти. Одну, универсальную, на все времена. Чтобы служила она во благо не только властям предержащим, но и простым людям. И чтобы воплотить ее можно было не только на бумаге и в мечтаниях, а и на деле. Но — нет такой идеи.

А может, точно так же, как смысл движения — в самом движении, так и тут: смысл поиска российской национальной идеи — в самом поиске?

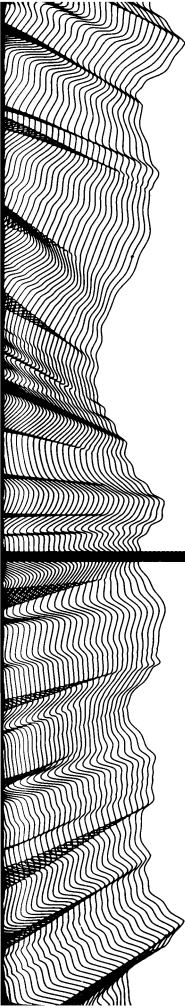
Вот по всему и получается, что российская национальная идея — типичная фантастика. Канонам, кстати, вполне соответствует. В ней есть все три базовых компонента настоящей фантастики — ЧУДО, ТАЙНА и ДОСТОВЕРНОСТЬ. Чудо — потому что разве не чудо, когда одна-единственная идея способна объединить на века миллионы людей. Тайна — потому что поди угадай, что она такое на самом деле; версий отгадки бесчисленное множество, но сойтись на чем-то одном невозможно. Достоверность — потому что, как и в любом серьезном НФ произведении, ни о какой выдумке даже речи идти не может, всё — на достоверном материале, всё — чистая правда.

Куда летишь ты, птица-тройка?

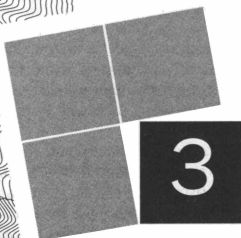
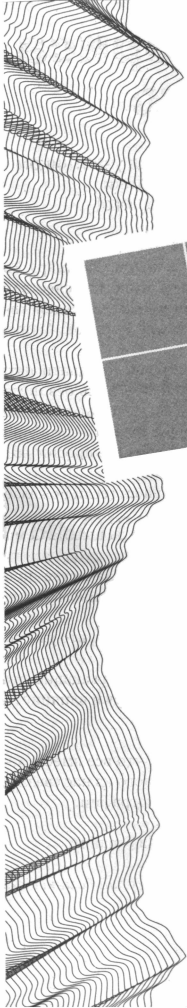
Нет ответа.

Десяток подходящих книг по заданной теме.

- Бердяев Н. А. Русская идея. — М., 2008.
- Генис А. Лук и капуста// Вавилонская башня. — М., 1997.
- Голосовкер Я. Э. Логика мифа. — М., 1987.
- Лебон Г. Психология социализма. — СПб., 1995.
- Лосев А. Ф. Диалектика мифа // Философия. Мифология. Культура. — М., 1991.
- Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. — М., 1995.
- Цуладзе А. Политическая мифология. — М., 2003.
- Щербинина Н. Г. Герой и антигерой в политике России. — М., 2002.
- Элиаде М. Мифы, сны и мистерии. — М., 1996.
- Юнг К. Г. Аналитическая психология (Тавистокские лекции). — СПб., 1994.

ИНФОРМАТОРИЙ

Семинар Бориса Стругацкого

Вниманию всех, кто когда-либо был участником Ленинградского семинара фантастики под руководством Бориса Стругацкого!

Дорогие друзья!

Мы намерены создать книгу, посвященную Семинару Бориса Стругацкого, уникальному явлению в области отечественной фантастики, из стен которого вышли многие ныне действующие профессиональные писатели (Вячеслав Рыбаков, Андрей Лазарчук, Святослав Логинов и др.).

История Семинара, насчитывающая более тридцати пяти лет, настолько обширна, что нам никак не обойтись без помощи всех, кто когда-нибудь был с ним связан. К сожалению, как это водится, далеко не всё сохранилось в его архивах – особенно из раннего периода работы Семинара. Поэтому мы просим всех желающих ответить на следующие вопросы:

1. Когда вы пришли в Семинар и когда ушли (если пожелаете, можете указать причину ухода)?

2. Когда и какие ваши произведения обсуждались на Семинаре? Какова их дальнейшая судьба?

3. Когда вы участвовали в работе Семинара в качестве «прокуроров» и «адвокатов» и какое произведение на данном заседании обсуждалось? Кто в это время был старостой?

4. Кого вы помните из тех участников Семинара, кто уже покинул наш бранный мир?

Приветствуются любые воспоминания, отражающие тот или иной период работы Семинара, его атмосферу и влияние на вашу творческую судьбу.

Работа предстоит гигантская, но я верю, что все вместе мы справимся с нею. Ведь с Семинаром для каждого из нас связана достаточно важная страница собственной биографии.

Контактный электронный адрес: dodola@mail.ru

Николай Романецкий

Павел Амнуэль (род. 1944 г. в Баку). Известный писатель. Закончил физический факультет Азербайджанского государственного университета. Первая публикация – еще в 1959 году (рассказ «Икария Альфа» в журнале «Техника-молодежи»). Автор множества научных работ, романов, повестей и рассказов. В нашем альманахе печатался неоднократно. С 1990 года живет в Израиле.

Сергей Бережной (род. в 1969 г. в г. Шахты Ростовской обл.) учился в Шахтинском технологическом институте и в МГУ им. Ломоносова, но высшего образования не получил. В течение шести с половиной лет трудился бурильщиком на шахтах Восточного Донбасса и Шпицбергена. В настоящее время работает кладовщиком.

Ефим Гамаюнов родился (1976 г.) и живет в г. Петровск Саратовской области. Закончил Самарский колледж связи. Рассказы печатались в различных сборниках и журналах. Финалист нескольких Интернет-конкурсов фантастических рассказов. Член Союза литераторов России (с 2008 года). Работает программистом и учителем информатики в школе. В нашем издании печатался неоднократно.

Майк Гелприн (род. в 1961 г. в Ленинграде) окончил Ленинградский политехнический институт. Сменил множество работ и профессий. Писать начал в 2006-м, увлёкся писательством отчаянно и бесповоротно. Написал около сотни повестей и рассказов, закончил первый роман. Победитель и призёр множества сетевых литературных конкурсов. Известен в сети как Джи Майк, он же Балшой Грофаман, он же Монстр короткой формы. С 1994-го живёт в США.

Александр Голубев (род. в 1960 г. в Южно-Сахалинске в семье моряка) закончил Петропавловск-Камчатское высшее инженерное морское училище, инженер-судоводитель. Посещал ли тобъединение «Земля над океаном» на Камчатке. Писал стихи и прозу, печатался в камчатской периодике, в журнале «Дальний Восток». Работает старшим помощником капитана на транспорте.

Александр Горский (род. в Ленинграде тридцать пять лет назад). Окончил Санкт-Петербургский университет и юридический институт. Автор статей по обеим своим специальностям, автор биографической книги «Нерон. Денди, которого считали сатаной».

Павел Комарницкий (род. в 1961 г. в Челябинске) закончил Челябинский политехнический институт (ныне Южно-Уральский госуниверситет). Инженер-энергетик. Опробовал несколько профессий. Литературным творчеством занялся в 2005-м году. Автор двух десятков фантастических и исторических романов, повестей и рассказов. Живет в Челябинске.

Иван Наумов (род. в 1971 г. в Москве). Получил высшее техническое образование (МИРЭА, инженер-оптик). Выпускник Высших литературных курсов в Литературном институте им. Горького (2006 год, проза, красный диплом, семинар Е.Ю.Сидорова). Автор трёх десятков рассказов и повестей. Неоднократный победитель литературных конкурсов «Мини-Проза», «Русский Эквадор», «Творческая Мастерская». В 2008 году в издательстве «Форум» опубликован авторский сборник рассказов «Обмен заложниками». В нашем альманахе печатался неоднократно.

Дмитрий Проскуряков (родился в 1976 г. в Перми), выпускник исторического факультета местного университета. Страничка в Интернете с образцами короткой прозы находится по адресу http://zhurnal.lib.ru/p/proskurjakow_d. Работает в рекламном агентстве, живет в Перми. В нашем издании публиковался неоднократно.

Содержание

КОЛОНКА ДЕЖУРНОГО ПО НОМЕРУ. Самуил Лурье.

3

ИСТОРИИ, ОБРАЗЫ, ФАНТАЗИИ

Павел Амнуэль «И СВЕРКНУЛА МОЛНИЯ...». Повесть

7

Майк Гелприн «ОДНА ШЕСТЬСОТ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ
ПРОЦЕНТА». Рассказ

55

Павел Комарницкий «МУКИ ТВОРЧЕСТВА». Рассказ

71

Ефим Гамаюнов «НЕКРОМАНТ». Рассказ

83

Сергей Бережной «ШИВОРОТ-НАВЫВОРОТ». Повесть

87

Иван Наумов «СИЛОЙ И ЛАСКОЙ». Рассказ

119

Александр Голубев «МИССИЯ». Рассказ

137

Александр Горский «ВИРУС». Рассказ

143

ЛИЧНОСТИ, ИДЕИ, МЫСЛИ

Дмитрий Проскуряков «ВЕЧНЫЙ ДВИГАТЕЛЬ РОССИЙСКОЙ
ИСТОРИИ, ИЛИ ФАНТАСТИКА ЧИСТОЙ ВОДЫ»

151

ИНФОРМАТОРИЙ

Семинар Бориса Стругацкого

173

Наши авторы

174

Борис Стругацкий
представляет альманах фантастики

ПОЛДЕНЬ

XXI ВЕК

Читайте в ноябрьском номере:

Повесть
Герберта Ноткина
«Дороги, которые
нас выбирают»

а также произведения
Евгения Акуленко,
Сергея Бережного,
Сергея Соловьева
и других авторов

1861

ВОКРУГ СВЕТА
www.vokrugsveta.ru